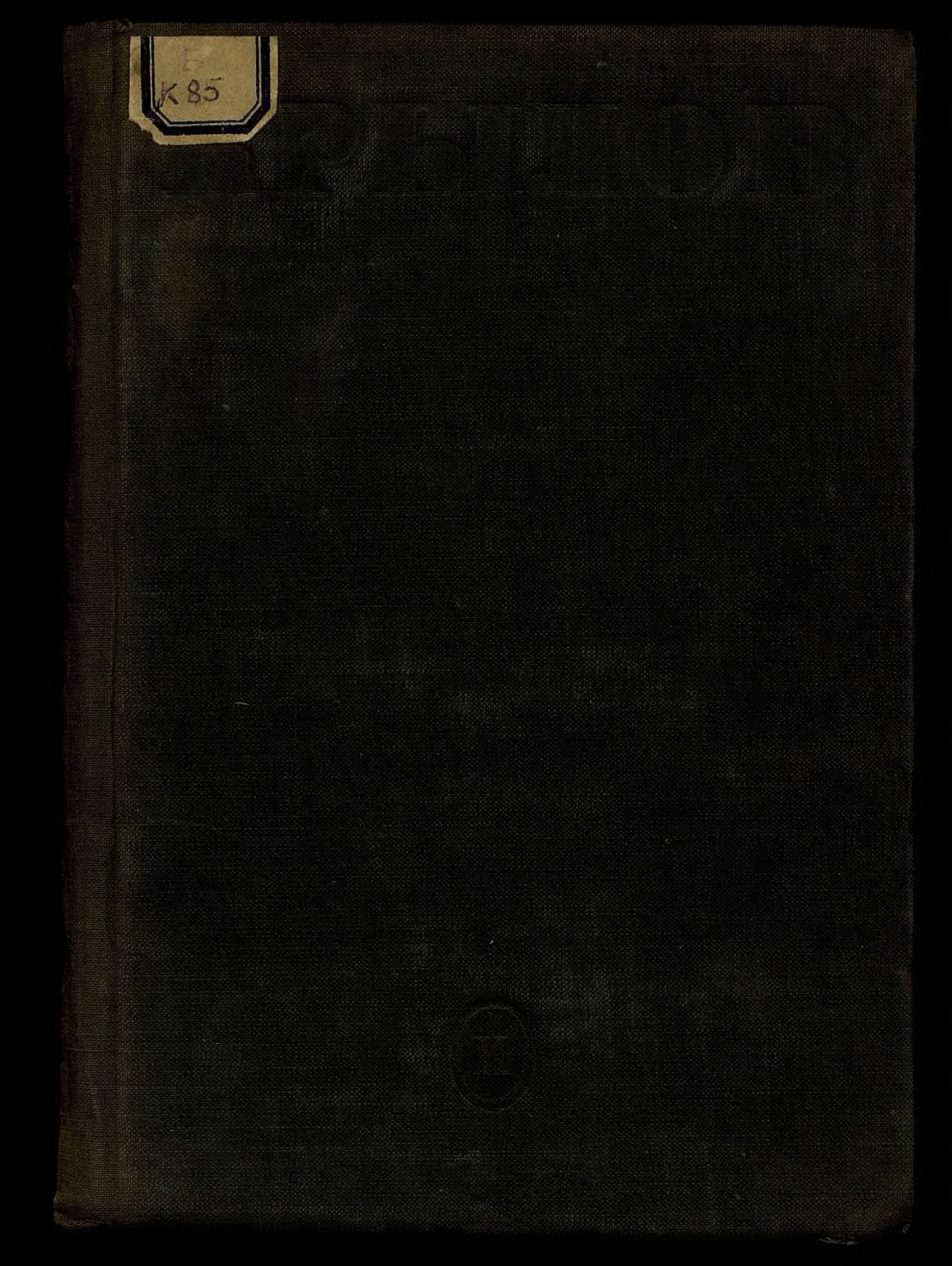
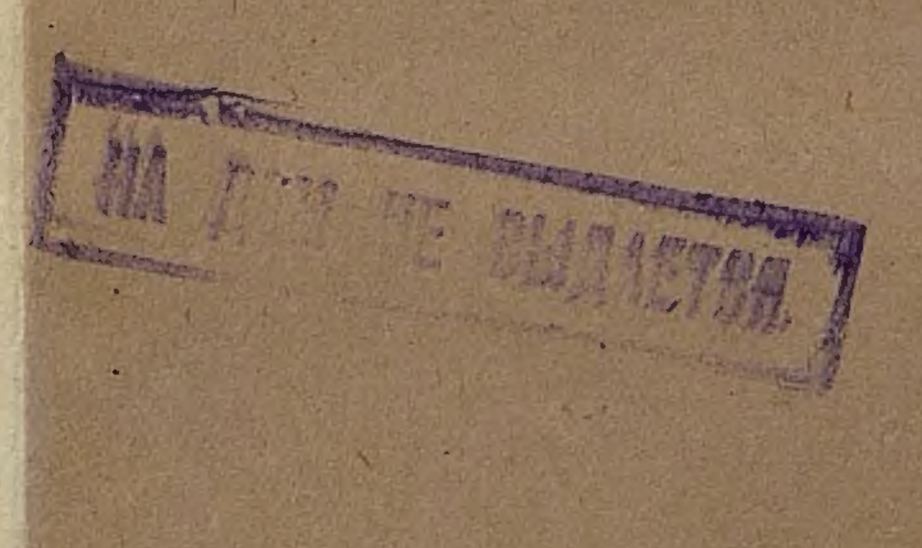




ДРАМАТИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

La critique est aisée, et l'art est difficile.

Хотъ критика легка, но мудрено искуство.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ типографіи Императорскаго театра.
1808 года.

И. А. Крылов

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

ОДА УТРО

ПОДРАЖАНИЕ ФРАНЦУЗСКОМУ

Заря торжественной десницей
Снимает с неба темный кров,
И сыплет бисер с багряницей
Пред освятителем миров.
Врата хаосом вознесенны,
Рукою время потрясенны,
На вереях своих скрыпят;
И разъяренны кони Феба
Чрез верх сафирных сводов неба
Рыгая пламенем летят.

Любимец грома горделивый
Свой дерзкий, быстрый взор стремит,
В поля, где Феб неутомимый
Дни кругом пламенным чертит.
Невинной горлицы стенанье
И Филомелы восклицанье,
Соединя свой нежный глас,
Любви желаньи повторяют,
И громкой песнью прославляют
Природу воскресивший час.

От света риз зари багряных
Пастух, проснувшись в шалаше,
Младой пастушки с уст румяных
Сбирает жизнь своей душе.
Бежит он — в жалобах Темира,
Вручает резвости Зефира
Волнисто злато мягких влас;
Любовь ее устами дышет,

В очах ее природа пишет
Печали нежной робкий глас.

Пастух в кустах ее встречает;
Он розу в дар подносит ей;
Пастушка розой украшает
Пучек трепещущих лилей.
Любовь, веселости и смехи
В кустах им ставят трон утехи.
Зефир резвясь влечет покров
С красот сей Грации стыдливой;
Пастух победой горделивый
Стал всех счастливей пастухов.

К водам, где вьет Зефир кудрями
Верхи сребриста ручейка,
Путем усыпанным цветами
Ведет надежда рыбака.
Друг нежный роз, любовник Флоры,
Чиня с ручьем безмолвны споры,
Против стремленья быстрых вод
В жилище рыбы уду мещет:
Она дрожит, рыбак трепещет
И добычь к берегу ведет.

Тот тесный круг, что Феб обходит,
Есть круг веселия для вас:
Забавы, пастыри, выводит
Вам каждый день и каждый час.
Любовь Тирсисовой рукою
Из лиры льет восторг рекою
Прелестных граций в хоровод.
Пастушек нежных легки пляски,
Сердца томящие их ласки
Неделей делают вам год.

Но ах! в кичливых сих темницах,
Где страсть, владычица умов,
Природу заключа в гробницах,

Нам роет бед ужасных ров,
Не глас Аврору птиц прекрасных
Встречает — вопль и стон несчастных;
Она пред сонмом страшных бед
В слезах кровавых окропляясь,
Пороков наших ужасаясь,
Бледнея в ужасе идет.

При виде пасмурной Авроры,
Скупой, от страха чуть дыша,
Срывает трепеща запоры
С мешков, где спит его душа.
Он зрит богатства осклабляясь...
С лучами злата съединяясь,
Едва рождающийся день
Льют желчь на бледный вид скупого,
И кажут в нем страдальца злого
Во аде мучимую тень.

Уже раб счастия надменный
Вжигает ложный фимиам,
Где идол гордости смятенный
Колебля пышный златом храм,
Паденья гордых стен трепещет;
Но взор притворно тихий мещет:
Его ладью Зефир ведет...
Но только бурный ветр застонет,
С ладьей во ужасе он тонет
В волнах глубоких черных вод.

Авроры всходом удивленна,
Смутясь, роскошная жена
Пускает стон, что отвлеченна
От сладостных забав она;
Власы рассеянны сбирает,
Обман ей краски выбирает,
Чтоб ими прелесть заменять.
Она своим горящим взором
И сладострастным разговором
Еще старается пленять.

Во храме, где копая гробы,
Покрывши пеною уста,
Кривя весы по воле злобы,
Дает законы клевета;
И ризой правды покровенна,
Честей на троне вознесенна,
Ласкает лютого жреца;
Он златом правду оценяет,
Невинность робку утесняет,
И мучит злобою сердца.

Се путь изрытый пропастями
Усеян множеством цветов,
Куда влекомые страстями,
Под мнимой прелестью оков,
Идут несчастны человеки
Вкусить отрав приятных реки
И, чувствы в оных погубя,
В ужасны пропасти ввергаться
И жалом совести терзаться,
Низринув в гибели себя.

ОДА

всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне самодержице всероссийской на заключение мира России со Швециею

Доколь, сын гордыя Юноны,
Враг свойства мудрых — тишины,
Ничтожа естества законы,
Ты станешь возжигать войны?
Подобно громам съединенны,
Доколе, Марс, трубы военны
Убийства будут возглашать?
Когда воздремлешь ты от злобы?
Престанешь города во гробы,
Селеньи в степи превращать?

Дни кротки мира пролетели,
Местам вид подал ты иной:
Где голос звонкой пел свирели,
Там слышен фурий адских вой.
Нимф нежных скрылись хороводы,
Бросаются наяды в воды,
Сонм резвых сатир убежал.
Твой меч как молния сверкает;
Народы так он посекает,
Как прежде серп там класы жал.

Какой еще я ужас внемлю!
Куда мой дух меня влечет!
Кровавый понт я зрю, не землю,
В дыму тускнеет солнца свет.

Я слышу стоны смертных рода...
Не расторгается ль природа?..
Не воскресает ли хаос?..
Не рушится ль вселенна вскоре?..
Не в аде ль я?.. Нет, в Финском море,
Где поражает готфа росс.

Где образ естества кончины
Передо мной изображен,
Кипят кровавые пучины,
И воздух молнией разжен.
Там плавают горящи грады,
Не в жизни, в смерти там отрады.
Повсюду слышно: гибнем мы!
Разят слух громы разъяренны.
Там тьма подобна тьме геенны;
Там свет ужасней самой тьмы.

Но что внезапу укрощает
Отважны россиян сердца?
Умолк мятеж и не смущает
Вод Финских светлого лица.
Рассеян мрак, утихли стоны,
И нереиды и тритоны
Вкруг мирных флагов собрались,
Победы россиян воспели:
В полях их песни возгремели
И по вселенной разнеслись.

Арей, спокойство ненавидя,
Питая во груди раздор,
Вздохнул, оливны ветви видя,
И рек, от них отвлекши взор:
«К тому ль, россияне суровы,
Растут для вас леса лавровы,
Чтобы любить вам тишину?
Дивя весь свет своим геройством,
Почто столь пленны вы спокойством
И прекращаете войну?

Среди огня, мечей и дыма
Я славу римлян созидал,
Я богом был первейшим Рима,
Мной Рим вселенной богом стал.
Мои одни признав законы,
Он грады жег и рушил троны,
Забаву в злобе находил;
Он свету был страшней геенны,
И на развалинах вселенны
Свою он славу утвердил.

А вы, перунами владея,
Страшней быв Рима самого,
Не смерти ищете злодея,
Хотите дружества его.
О росс, оставь толь мирны мысли:
Победами свой век исчисли,
Вселенну громом востревожь.
Не милостьми пленяй народы:
Рассей в них страх, лишай свободы,
Число невольников умножь».

Он рек, и чая новой дани,
Стирая хладну кровь с броней,
Ко пламенной готовил брани
Своих крутящихся коней...
Но вдруг во пропасти подземны
Бегут, смыкая взоры темны,
Мятеж, коварство и раздор:
Как гонит день ночны призраки,
Так гонит их в кромешны мраки
Один Минервы кроткий взор.

Подобно как луна бледнеет,
Увидя светла дней царя,
Так Марс мятется и темнеет,
В Минерве бога мира зря.
Уносится, как ветром прахи:
Пред ним летят смятеньи, страхи,

Ему сопутствует весь ад;
За ним ленивыми стопами
Влекутся, скрежеща зубами,
Болезни, рабство, бедность, глад.

И се на севере природа
Весенний образ приняла.
Минерва росского народа
Сердцам спокойство подала.
Рекла... и громов росс не мещет,
Рекла, и фин уж не трепещет;
Спокойны на морях суда.
Дивясь, дела ее велики
Нимф нежных воспевают лики;
Ликуют села и града.

Таков есть бог: велик во брани,
Ужасен в гневе он своем,
Но коль прострет в знак мира длани,
Творца блаженства видим в нем.
Как воск пред ним, так тает камень;
Рука его, как вихрь и пламень,
Колеблет основанье гор;
Но в милостях Едем рождает,
Сердца и души услаждает
Его единый тихий взор.

Ликуй, росс, видя на престоле
Владычицу подобных свойств;
Святой ее усердствуй воле;
Не бойся бед и неустройств.
Вотще когтями гидры злоба
Тебе копает двери гроба;
Вотще готовит чашу слез;
Один глагол твоей Паллады
Коварству становит преграды
И мир низводит к нам с небес.

О, сколь блаженны те державы,
Где, к подданным храня любовь,

СОНЕТ К НИНЕ

Нет мира для меня, хотя и брани нет;
В надежде, в страхе я; в груди то хлад, то пламень;
То вьюсь я в небесах, то вниз лечу как камень;
То в сердце пустота, то весь в нем замкнут свет.

Та, кем познал мой дух мучения суровы,
Ни быть рабом, ни быть свободным не велит;
Ни послабляет мне, ни тяготит оковы,
Ни смертью не грозит, ни жизни не сулит.

Гляжу не видя я — и молча призываю;
Ищу погибели — и помощи желаю;
Зову, гоню — кляну, объемлю тень драгой.

Сквозь слезы я смеюсь; в печалях трачу силы;
И жизнь и смерть равно душе моей постылы —
Вот, Нина, до чего я доведен тобой!

К СОЛОВЬЮ

От чего сей свист унылый,
Житель рощей, друг полей?
Не из города ль, мой милый,
Прилетел ты соловей?
Не из клетки ль на свободу
Выпорхнул в счастливый час,
И, еще силка страшась,
Робко так поешь природу?
Ах, не бойся — и по воле
Веселись, скачи и пой;
Здесь не в городе мы — в поле;
За прекрасный голос свой
В клетке здесь не насидишься,
И с подружкой дорогой
За него не разлучишься.
Позабудь людей, друг мой:
Все приманки их — отравы;
Все их умыслы — лукавы.
Здесь питье и корм простой,
Но вкуснее он на ветке,
При свободе чувств своих,
Нежель корм богатый их
В золотой и пышной клетке.

ВЫБОР ИЗ ПЕСНИ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА

Подруги милые, нарвите
Душистых, мягких трав скорей —
И мне из роз и из лилей
Постель вы свежу настелите.
Подруги милы, я томлюся,
В любви я таю, как в огне,
Скорей цветов насыпьте мне:
На них стрелой я протянуся.

Скажите мне, любезные пастушки:
Гуляючи по рощам, по лугам,
Любезный мой не встретился ли вам?
Где он? не скройте от подружки.

Хор пастушек

Скажи, прелестная девица, нам:
Кто сердцу твоему так драгоценен?
Как нам узнать, кто милый твой?
Скажи ты нам: каков собой
И чем он от других отменен?

Мой милый здесь меж пастухов
Блестит, как между васильков
Блистает лилия душиста
Или как между репейков
Цветов царица — роза мшиста.
Кудрями волосы его
Волнуются вкруг шеи белой;
Румянец, как багрец, его;
Стан стройный, вид приятный, смелый
Огонь любви в его глазах;

Улыбка нежна на устах;
Он в поступи царю подобен,
Но кроток, нежен и незлобен.
Величествен, когда идет;
Но речь его сладка как мед;
Его роскошное ласканье;
Дух отнимает целованье;
В его объятиях — любовь.

Весь день его искала я везде —
Его, кем дух, кем мысль и сердце страстно —
И целый день искала я напрасно —
Любезного не встретила нигде.
Отдайте мне его, леса густые,
Поля, луга и берега крутые!
Металась я по рощам, по лугам;
Взбегала я на превысоки горы —
Лишь странников мои встречали взоры;
Тоске моей они смеялись там
И томное мне сердце разрывали.
Напрасно ты в исканьи тратишь дни,
Неверен он, — вещали мне они: —
Любезный твой твой жар пренебрегает;
За кем бежишь, тебя тот убегает;
Напрасно здесь его твой ищет взор:
Любезный твой, как вихорь, скор —
Уже делят вас пропасти глубоки,
Поля, леса и горы превысоки.

Но кто с высоких сходит гор?
Как солнце, вид его прекрасен;
Как майский день, и тих и ясен:
Таков его прелестный взор.
Из глаз катятся слезы;
Так утром, чистою росой
Унизанные, свежи розы
Блестят небесною красой.
Амуры милые, летите
Навстречу вы к нему скорей —
Вы холодок от речки сей

Что ж, мой друг, тому виною?
Ты прекрасна, молода:
Раз лишь встретиться с тобою —
И без сердца навсегда;
Раз вдохнуть лишь вздох твой страстный,
Раз тебя поцеловать,
Только раз — и труд напрасный
Будет вольности искать.
Взглянешь ты — в нас сердце тает;
Улыбнешься — кровь кипит;
И душа уж там летает,
Где любовь нам рай сулит.
Я не льщу — спроси — и то же
Всякий скажет за себя:
Пять минут с тобой дороже,
Нежель веки без тебя.
От чего ж сей вид унылый?
Льзя ль скучать, столь бывши милой?
Ты молчишь — твой томный взгляд
Устремился на наряд.
Как в нечаянны морозы
Вышед на поблекший луг
Нежна *Клоя*, *Флоры* друг,
Воздыхая — и сквозь слезы,
Видит побледневши розы,
Так тебе, Анюта, жаль,
Что французски тонки флёры,
Щегольские их уборы,
Легки шляпки, ленты, *шаль*,
Как цветы от стужи вянут —
Скоро уж они не станут
Веять вкруг твоих красот:
Время счастья их пройдет.
Скоро я пенять не стану
Что французский тонкий флёр,
Равный легкому туману,
Мой заманивая взор,
Все утехи обещает,
И рассеявши его,
Не открывши ничего,

2*

Только сердце обольщает.
И в цветы французских *Флор*,
В сей любимый твой убор
Тихое твое дыханье
Перестанет жизнь вливать;
Их волшебных роз сиянье
Ты не станешь затмевать;
Перед их лином гордиться
Ты не будешь белизной;
Украшая пояс твой,
Во сапфир не претворится
Васильковая эмаль;
Чиста лондонская сталь
В нем зарями не заблещет.
Чувствам сладких аромат
На прелестный твой наряд
Флора сенска не восплещет.
Шаль не будет развевать,
Около тебя взвиваясь;
И Зефир, под ней скрываясь,
Перестанет уж трепать
Белу грудь твою высоку.
Чем снабжал парижский свет
Щегольской твой туалет,
Терпит ссылку то жестоку
И всего того уж нет.
Вот вина всей грусти, скуки:
Этой горькой снесть разлуки
Сил в тебе не достает.
Так малиновка тосклива,
Слыша хлады зимних дней,
Так грустна летя с полей,
Где была дружком счастлива.
Так печален соловей,
Зря, что хлад долины косит,
Видя, что Борей разносит
Нежный лист с младых древес,
Под которым он зарею
Громкой песнию своею
Оживлял тенистый лес.

Утѣшеніе Анютѣ.

* * *

Ты грустна, мой другъ, Анюта;
Взоръ твой томенъ, видъ унылъ,
Бѣлой свѣтъ тебѣ постылъ,
Вѣкомъ кажется минута.
Грудь твоя, какъ легка тѣнь
При разсвѣтѣ изчезаетъ,
Иль какъ въ знойный лѣтній день
Бѣлый воскъ отъ жару таетъ.
Ты скучаешь, — и съ тобой
Пошутить ни кто не смѣетъ:
Чуть Зефиръ косынку взвѣетъ,
Иль станъ легкой, стройной твой
Онъ украдкой поцѣлуетъ,
Отъ него ты прочь бѣжишь.
Безъ улыбки ужь глядишь,
Какъ любезную милуетъ
Рѣзвой, громкой соловей:

Но тебе ль, мой друг, опасна
Трата всех пустых прикрас?
Ими ль ты была прекрасна?
Ими ль ты пленяла нас?
Ими ль пламенные взоры
Сладкий лили в сердце яд?
И твои ль виной уборы,
Что волнует кровь твой взгляд?
Ах Анюта! как же мало
Знаешь ты ценить себя!
Или зеркало скрывало,
Иль то тайна для тебя,
Что ты столь, мой друг, прелестна?
Не убором ты любезна,
Не нарядом хороша;
Всем нарядам ты — душа.
Нужны ль розанам румяны
Чтобы цвет иметь багряный;
Иль белилы для лилей,
Чтоб казаться им белей?
Труд не будет ли напрасный
Свечку засветить в день ясный,
Чтобы солнышку помочь
Проговять угрюму ночь?
Так уборы, пышность, мода,
Слабы все перед тобой:
Быв прекрасна, как природа,
Ты мила сама собой.

МОЕ ОПРАВДАНИЕ

К АНЮТЕ

Защищая пол прелестный,
Аннушка, мой друг любезный!
Часто ты пеняла мне,
Что лишь слабости одне
В женщинах ценю я строго
И что нежных тех зараз,
Чем они пленяют нас,
Нахожу я в них не много.
Удивляло то тебя,
Что писать про них я смею;
Ты пеняла, что умею
В них пороки видеть я.
Ты пеняла — я смеялся.
Ты грозила — я шутил.
И тебя я не боялся!
И тебе самой не льстил!
Для меня казалось стыдно
И досадно и обидно
Девочке в пятнадцать лет,
Как судье, давать ответ.
Но судьба здесь всем играет,
Вид всему дает иной:
Часто роза там блистает,
Иней где мертвел седой.
Где лежал бел снег пушистый,
Облака крутил Борей,
Флора утренней зарей
Стелет там ковры душисты
Для любовных олтарей.
Все природе уступают,

Превратяся воды в лед
Пусть Бореев презирают.
Придет час — они растают,
Вся их твердость пропадет.
Их теперь и вихри люты
Не возмогут всколебать;
Но настанут те минуты,
Как резвясь их волновать
Станут ветерки восточны.
Сердце наше таково:
Твердо, холодно, как камень;
Но наступит час его,
Вспыхнет вдруг, как лютый пламень,
Все в нем страсти закипят,
И тогда один уж взгляд
Волновать его удобен
И, вливая в душу яд,
Душу связывать способен.
Но когда здесь все не впрок,
Может быть, закон природы
И моей уже свободы
Назначает близкий срок.
Скоро, скоро может статься
Заплачу большой ценой
За вину, что вооружаться
Смел на пол я нежный твой;
Но теперь лишь оправдаться
Я желаю пред тобой.
Зла тоскою не избудешь,
Грустью тучи не принудишь
Грозу мимо пронести.
Я еще вздохнуть успею,
Как совсем уж ослабею
От беды себя спасти
И погибну невозвратно.
Так тебе то не приятно,
Что на женщин я пишу,
Их причуды поношу,
Открываю их пороки,
Страсти пылки и жестоки,

Кои вредны иногда,
Странны и смешны всегда.
Но тебя ль я обижаю,
Коль порочных поражаю?
Нет — тебя тем обожаю.
Твой лишь тихий, кроткий нрав,
Не любя переговоров,
Колких шуток, ссор и споров,
То твердит, что я не прав.
И когда пером шутливым,
Не бранчивым, не брюзгливым
Глупость я колю одну,
Ты в поступке видишь этом,
Будто с целым женским светом
Злую я веду войну.
Так пастух в лесу тенистом
Голосом пленяясь чистым
Милой пеночки своей,
Чтоб дать боле места ей,
Прочь от дерева гоняет
Глупых каркливых ворон,
Но тем пеночку пугает —
Робка пеночка слетает —
И ее теряет он,
Как приятный, сладкий сон.

Но тебе ль, мой друг любезный,
Страх пристал сей бесполезной?

Пусть Венера во сто лет,
Колотя в поддельны зубы
И надув увядши губы,
Мне проклятие дает
За вину, что слишком строго
Заглянул к ней в туалет
И ценил его я много;
Но тебе в том нужды нет.
Ты красот не покупаешь
В баночках большой ценой,
И природе лишь одной
Тем должна, чем ты пленяешь.

Пусть пеняет на меня
Скромна, хитра щеголиха,
Пусть ворчит мне из подтиха,
Мниму злость мою кленя.
Перед ней, сказать неложно,
Не совсем я чист и прав,
И не слишком осторожно
Я открыл лукавый нрав,
Хитры замыслы, уловки,
Кои чаще у нее
Нежель у мужа ее
Модны, головны обновки.
Не совсем я прав и тем,
Что сказал за тайну всем,
Как она над ним играет;
Знает кстати похвалить;
Знает кстати слезы лить,
Кстати часто обмирает;
И, воскреснув без него,
Мужа скромного сего
Лоб счастливый убирает.
Пусть она бранит меня;
Перед ней я очень грешен;
Но я тем, мой друг, утешен,
Что я прав перед тобой:
С описаньем сим несходен
Нрав невинный, скромный твой:
Он приятен, благороден —
Как тиха заря весной.
Ты притворства ненавидишь —
Нужды в нем себе не видишь —
И к чему тебе оно?
Все судьбой тебе дано,
Чтоб тобою восхищаться,
Для чего же притворяться?
Разве только для того,
Чтоб любезной не казаться?
Пусть как хочет так бранит
Резвая меня Ветрана;
Пусть везде она твердит,

Что я схож на грубияна,
Что во мне искусства нет
Тешить нежно модный свет.
Гнев ее ничуть не дивен:
Кто портрет ее писал
И, писав его, не лгал,
Тот конечно ей противен.
Еслиб я не рассказал,
Как сердца она меняет;
Как не редко в сутки раз
Верностью своей линяет,
Не храня своих зараз;
И как бабочка летает
С василька на василёк,
И с кусточка на кусток;
Еслиб я был скромен боле,
Еслиб я смолчать умел;
Может быть с другими в доле
Сердцем бы ее владел;
Но в блаженстве без препятства
Мало есть, мой друг, приятства —
Мил сокол нам в высоке —
Скучит скоро на руке.
Пусть она кричит как хочет;
Пусть язык как бритву точит:
Мне не страшен гнев ея.
Но писав портрет Ветраны,
Хитрость, плутовство, обманы,
Чем тебе досаден я?
Ты ловить сердца не ищешь;
За победами не рыщешь
На гуляньи, в маскарад,
В сосьете, в спектакли, в сад.
И хотя ты всех пленяешь
И умом и красотой;
Но сколь взгляд опасен твой,
Всех ты мене это знаешь.
Перед зеркалом, друг мой,
Ты не учишь улыбаться,
Ни вздыхать, ни ужиматься,

Кстати бросить томный взгляд,
Иль лукавы сделать глазки;
Щеголих подборны краски,
Весь ученый их снаряд,
Расставлять сердцам тенета,
Быть влюбленной не любя —
Вся наука хитра эта
Не понятна для тебя.
У тебя, мой друг, не в моде
С сердцем быть глазам в разводе.
Ты открыта — твой язык
К хитрой лести не привык.
Плачешь ты или хохочешь
Не тогда, когда захочешь;
Но как сердце то велит.
С ним одним всегда согласны
Голос твой, глаза и вид:
От того они прекрасны.
Ах! когда бы весь твой пол
Сходен был во всем с тобою;
Кто б, мой друг, был столько зол
И с душею столь слепою,
Чтобы не плениться им?
Слабым я пером моим
Лишь ему платил бы дани,
И оставил бы все брани
Злым порокам и смешным.
С лирой томной и согласной
Пел бы пол я сей прекрасный;
И учился б лишь тому,
Чтоб уметь его прославить;
Кстати — в шутках позабавить —
И приятным быть ему.

К ДРУГУ МОЕМУ

А. И. К.

Скажи, любезный друг ты мой,
Что сделалось со мной такое?
Не сердце ль мне дано другое?
Не разум ли мне дан иной? —
Как будто сладко сновиденье,
Моя исчезла тишина;
Как море в лютое волненье,
Душа моя возмущена.
Едва одно желанье вспыхнет,
Спешит за ним другое в след;
Едва одна мечта утихнет,
Уже другая сердце рвет.
Не столько ветры в поле чистом
Колеблют гибкий, белый лен,
Когда бунтуя с ревом, свистом,
Деревья рвут из корня вон;
Не столько воды рек суровы,
Когда ко ужасу лугов
Весной алмазны рвут оковы
И ищут новых берегов;
Не столько и они ужасны,
Как страсти люты и опасны,
Которые в груди моей
Мое спокойство отравляют;
И раздирая сердце в ней,
Смущенный разум подавляют.
Так вот, мой друг любезный, плод,
Который нам сулят науки!
Теперь ученый весь народ
Мои лишь множит только скуки.

Платон, Сенека, Епиктет,
Все их ученые соборы,
Все их угрюмы заговоры,
Чтоб в школу превратить весь свет,
Прекрасных девушек в Катонов
И в Гераклитов всех Ветронов;
Все это только шум пустой.
Пусть верит им народ простой,
А я, мой друг, держусь той веры,
Что это лишь одни химеры.
Не так легко поправить мир!
Скорей воскреснув новый Кир
Иль Александр без меры смелый,
Чтоб расширить свои пределы,
Объявят всем звездам войну
И приступом возьмут луну;
Скорее Сен-Жермень восстанет
И целый свет опять обманет;
Скорей Вралин переродится,
Стихи картавить устыдится
И будет всеми так любим,
Как ныне мил одним глухим;
Скорей все это здесь случится; —
Но свет — останется, поверь,
Таким, каков он есть теперь;
А книги будут всё плодиться.
К чему ж прочел я столько книг,
Из них ограду сердцу строя,
Когда один лишь только миг —
И я навек лишен покоя? —
Когда лишь пара хитрых глаз,
Улыбка скромная, лукава, —
И философии отрава
Дана в один короткий час.
Премудрым воружась Платоном,
Угрюмым Юнгом, Фенелоном,
Задумал целый век я свой
Против страстей стоять горой.
Кто ж мог тогда мне быть опасен? —
Ужли дитя в пятнадцать лет? —

Конечно — вот каков здесь свет! —
Ни в чем надежды верной нет;
И труд мой стал совсем напрасен,
Лишь встретился с Анютой я.
Угрюмость умерла моя —
Нагрелось сердце, закипело —
С умом спокойство отлетело.
Из всех наук тогда одна
Казалась только мне важна —
Наука, коя вечно в моде
И честь приносит всей природе,
Которую в пятнадцать лет
Едва ль не всякий узнает,
С приятностью лет тридцать учит,
Которою никто не скучит,
Доколе сам не скучен он; —
Где мил, хотя тяжел закон;
В которой сердцу нужны силы,
Хоть будь умок силен слегка;
Где трудность всякая сладка;
В которой даже слезы милы —
Те слезы, с смехом пополам,
Пролиты красотой стыдливой,
Когда осмелясь стать счастливой
Она дает блаженство нам.
Наука нужная, приятна,
Без коей трудно век пробыть;
Наука всем равно понятна —
Уметь любить и милым быть.
Вот чем тогда я занимался,
Когда с Анютой повстречался;
Из сердца мудрецов прогнал,
В нем место ей одной лишь дал
И от ученья отказался.
Любовь дурачеству сродни:
Деля весь свет между собою
Они, мой друг, вдвоем одни
Владеть согласно стали мною.
Вселяся в сердце глубоко,
В нем тысячи затей родили,

Все пылки страсти разбудили,
Прогнав рассудок далеко.
Едва прошла одна неделя,
Как я себя не узнавал:
Дичиться женщин перестал,
Болтливых их бесед искал —
И стал великий пустомеля.
Все в них казалось мне умно:
Ужимки, к щегольству охота,
Кокетство — даже и зевота —
Все нежно, все оживлено;
Все прелестью и жаром блещет,
Все мило, даже то лицо,
Под коим бела грудь трепещет.
Густые брови колесом
Меня к утехам призывали,
Хотя нередко угольком
Они написаны бывали;
Румянец сердце щекотал,
Подобен розе свежей, алой,
Хоть на щеке сухой и вялой
Природу худо он играл;
Поддельна грудь из тонких флёров,
Приманка взорам — сердцу яд —
Была милей всех их уборов,
Мой развлекая жадный взгляд.
Увижу ли где в модном свете
Стан тощий, скрученный, сухой,
Мне кажется, что пред собой
Я вижу Грацию в корсете.
Но если, друг любезный мой,
Мне ложны прелести столь милы
И столь имеют много силы
Мою кровь пылку волновать —
Представь же Аннушку прелестну,
Одной природою любезну —
Как нежный полевой цветок,
Которого лелеит Флора,
Румянит розова Аврора;
Которого еще не мог

Помять нахальный ветерок;
Представь — дай волю вображенью —
И рассуди ты это сам,
Какому должно быть движенью,
Каким быть должно чудесам
В горящем сердце, в сердце новом,
Когда ее увидел я? —
Обворожилась грудь моя
Ее улыбкой, взором — словом:
С тех пор, мой друг, я сам не свой.
Любовь мой ум и сердце вяжет,
И не заботясь, кто что скажет,
Хочу быть милым ей одной.
   Все дни мне стали не досужны,
Твержу науку я любить; —
Чтоб женщине любезным быть,
Ты знаешь, нам не книги нужны.
Пусть Аннушка моя умна;
Но всё ведь женщина она.
Для них магниты, талисманы —
Жилеты, пряжки и кафтаны,
Нередко пуговка одна.
   Я, правда, денег не имею;
Так что же? — Я занять умею. —
   Проснувшись с раннею зарею
Умножить векселя лечу —
Увижу ль на глазах сомненье,
Чтоб всё рассеять подозренье,
Проценты клятвами плачу.
   Нередко, милым быть желая,
Я перед зеркалом верчусь
И, женский вкус к ужимкам зная,
Ужимкам ловким их учусь;
Лицом различны строю маски,
Кривляю носик, губки, глазки,
И, испужавшись сам себя,
...у, что вялая природа
...аботала меня
...стила, как урода:
...ьная берет,

Почто я выпущен на свет
С такою грубой головою —
Забывшись, рок я поношу
И головы другой прошу, —
Не зная, чем и той я стою,
Которую теперь ношу.
Вот как любовь играет нами!
Как честью скромный лицемер;
Как службой модный офицер;
Как жены хитрые мужьями.
Не день, как ты меня узнал;
Не год, как мы друзья с тобою;
Как ты, мой друг, передо мною
Малейшей мысли не скрывал;
И сам в душе моей читал —
Скажи ж: таков ли я бывал? —
Сует, бывало, ненавидя,
В тулупе летом дома сидя,
Чинов я пышных не искал;
И счастья в том не полагал,
Чтоб в низком важничать народе —
В прихожих ползать не ходил.
Мне чин один лишь лестен был,
Который я ношу в природе —
Чин человека; — в нем лишь быть
Я ставил должностью, забавой;
Его достойно сохранить
Считал одной неложной славой.
Теперь, мой друг, исчез тот мрак,
И мыслю я совсем не так.
Отставка начала мне скучить,
Хочу опять надеть мундир —
«Как счастлив тот, кто бригадир;
«Кто может вдруг шестерку мучить!» —
Кричу не редко сгоряча,
И шлем и латы надеваю,
В сраженьях мыслию летаю,
Как рюмки, башни разбиваю,
И армии рублю сплеча;
Потом, в торжественной минуте,

Я возвращаюся к Анюте
Покрытый лавровым венком;
Изрублен, крив, без рук и хром,
Из-под медвежьей теплой шубы
Замерзло сердце ей дарю;
И сквозь расколотые зубы
Про стару нежность говорю,
Тем конча все свое искусство,
Чтоб раздразнить в ней пылко чувство.
Бывало мне и нужды нет,
Где мир и где война сурова,
Не слышу я — и сам ни слова —
Иди как хочет здешний свет, —
Теперь, мой друг, во все вплетаюсь
И нужным быть везде хочу;
То к западу с войной лечу,
То важной мыслью занимаюсь
Европу миром подарить,
Иль свет по-новому делить —
И быв ни где, ни в чем не нужен,
Везде проворен и досужен;
И все лишь только для того,
Чтоб луч величья моего
Привлек ко мне Анюту милу;
Чтоб зная цену в нем и силу —
Сдалась бы всею мне душой
И стала б барыней большой.
Бывало, мне покой мой сладок,
Честь выше злата я считал;
С богатством совесть не равнял
И к деньгам был ни чуть не падок.
Теперь хотел бы Крезом быть,
Чтоб Аннушки любовь купить; —
Индейски берега жемчужны
Теперь мне надобны и нужны.
Нередко мысленно беру
Я в сундуки свои *Перу*,
И, никакой не сделав службы,
Хочу, чтобы судьбой из дружбы
За мной лишь было скреплено

Сибири золотое дно:
Чтобы иметь большую славу
Анюту в золоте водить,
Анюту с золота кормить,
Ее на золоте поить,
И деньги сыпать ей в забаву.
Вот жизнь весть начал я какую!
Жалей о мне, мой друг, жалей —
Одна мечта родит другую,
И все — одна другой глупей; —
Но что с природой делать станешь?
Ее, мой друг, не перетянешь.
Быть может, что когда-нибудь
Мой дух опять остепенится;
Моя простынет жарка грудь —
И сердце будет тише биться,
И страсти мне дадут покой.
Зло так, как благо — здесь не вечно:
Я успокоюся конечно;
Но где? — под гробовой доской.

ОДА НА СЛУЧАЙ ФЕЙЕРВЕРКА,

сожженного 15 числа сентября 1793 года на Царицынском лугу в Санктпетербурге

Что чин природы пременяет!
Куда ночная скрылась тень?
Кто мрак холодный прогоняет
И ночь преобращает в день?
Лазурны своды неба рдятся —
Там солнцев тысячи родятся
И изумленны взоры тмят;
Там в вихрях молнии блистают
И небеса от жару тают;
Там громы страшные гремят.

Не так ли в смертных громы мещет
В свирепом гневе божество?
Но там природа вся трепещет,
А здесь спяет торжество.
Там вихрь народы разметает;
Там всё спастися убегает
В дубравы темны, в сердце гор;
А здесь под пламенные своды
В веселии текут народы
Насытить любопытный взор.

И се под небесами слышно
Согласье стройно громких лир.
Россия торжествует пышно
Екатериной данный мир.
Восток чудится изумленный
И вопиет: — ужель вселенной
Избранны россы обладать?

Но кто ж восстать на росса смеет,
Когда бесстрашный росс умеет
Ужасной молнией играть?

К СЧАСТЬЮ

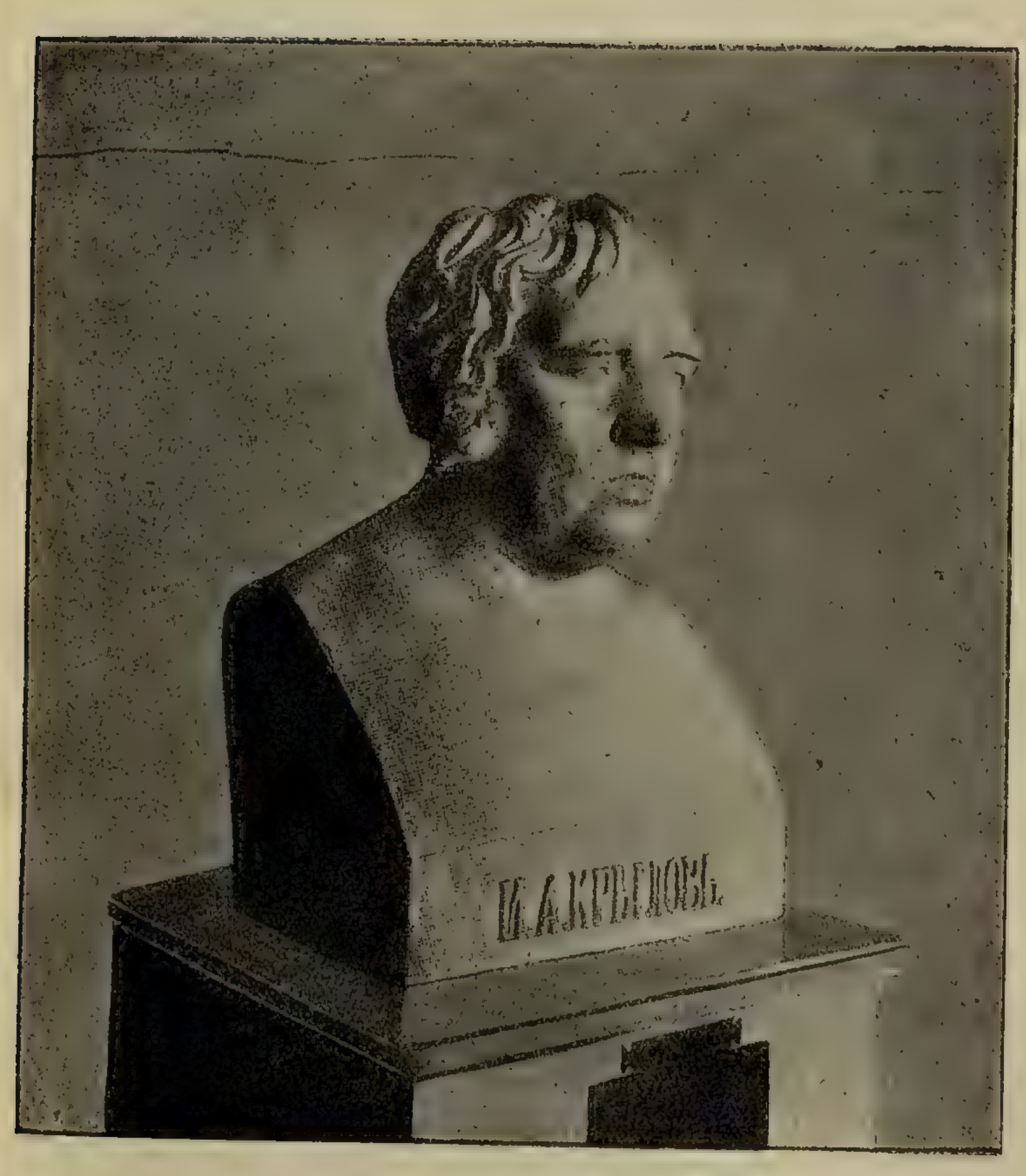
Богиня резвая, слепая,
Худых и добрых дел предмет,
В которую влюблен весь свет,
Под час некстати слишком злая,
Под час роскошна не в попад,
Скажи, Фортуна дорогая,
За что у нас с тобой не лад?
За что ко мне ты так сурова?
Ни в путь со мной не молвишь слова,
Ни улыбнешься на меня?
И между тем, как я из ласки
Тебе умильны строю глазки,
Ты, важность гордую храня,
Едва меня приметить хочешь,
Иль в добрый час чуть-чуть слегка
Блеснувши мне из далека,
Меня надеждою волочишь.
Как мрак бежит перед зарей,
Как лань, гонима смертью злою,
Перед свистящею стрелою;
Так ты бежишь передо мной
И хочешь скрыться вон из виду;
Когда другим, всё мне в обиду,
Ты льешься золотой рекой,
И в том находишь всю забаву,
Чтоб множить почесть их и славу.
Но коль ко мне ты так дика,
Позволь же, чтоб хотя слегка
Моя пропела скромна лира
Твои причудливы дела
И их бы счетом отдала
На суд всего честного мира.

За что, любимцев нежа сих,
Как внуков бабушка своих,
Везде во всем им помогаешь,
Всегда во всем им потакаешь?
На зло завидливым умам,
Под облака их взносишь домы,
Как чародейные хоромы,
Какие в сказках слышны нам.
На темны ледники холодны
Сбираешь вины превосходны
Со всех четырех света стран;
Арабски дороги металлы,
Индийски редкие кристаллы
В огрузлый сыплешь их карман?
Когда, мой друг, у нас в заводе
Ни яблоков моченых нет
Приправить скромный наш обед;
Тогда ты, в перекор природе,
Их прихотливым вкусам льстишь,
И в зимних месяцах жестоких
На пышных их столах, широких,
Им сладки персики ростишь;
Румянишь сливы мягки, белы,
И претворя стол в райский сад,
В фарфоры сыплешь виноград,
И дыни и арбузы спелы.
Когда весна везде мертва,
Тогда у них она жива.
В крещенски лютые морозы
На их столах блистают розы.
Ни в чем для них отказа нет!
Восток им вины редки ставит,
Голландия червонцы плавит,
Им угождает целый свет.
Лукреции платки их ловят,
И те, которые злословят
Прелестно божество утех,
Для них его не ставят в грех.
Они лишь только пожелают,
И в жертву им сердца пылают,

Пускай вздыхает Адонис,
Пусть за победами он рыщет;
Напрасно целый век просвищет:
Он в Мессалинах скромность сыщет
И встретит святость у Лаис;
А им к весталкам ход свободен.
С тобой, будь гадок, как Азор,
При счастье гадок — не укор:
Без роду будешь благороден,
Без красоты пригож и мил.
Пусть изо всех надувшись сил,
Герой о громкой славе грезит,
На стены мечется и лезет,
Бок о бок трется с смертью злой,
Бригады с ног валит долой;
Пусть вечность он себе готовит
И лбом отважно пули ловит;
Пусть ядры сыплет так, как град,
Все это будет не в попад,
И труд его совсем напрасен,
Коль он с тобою не согласен.
Как слабый след весла в волнах
Едва родится, исчезает;
Как лунный свет в густых парах
Едва мелькнет и умирает;
Так дел его геройских плод
И мал и беден и беспрочен:
Ему как будто изурочен
Во храм болтливой *славы* вход.
Никто его нигде не знает,
Он города берет в полон:
О нем никто не вспоминает,
Как будто б в свете не был он;
И вся его награда в том,
Что дравшись двадцать лет, иль боле,
Герой домой придет пешком,
Все зубы растерявши в поле.
Но если ты кого в герои
Захочешь, друг мой, посвятить,
Ни брать тому не надо Трои,

Ни флотов жечь, ни турков бить.
Пускай сидит он вечно дома,
Не лезет вон из калпака:
Военного не зная грома,
Он будет брать из далека
И страшны крепости и грады;
В Мадрите сидя, он осады
На пышный поведет Пекин,
Возьмет приступом Византин,
И не знакомясь век со шпагой,
Помпеев, Кесарев затмит,
И всю вселенну удивит
Своею храбростью, отвагой;
Его причислют к чудесам,
И в те часы, когда он сам
Не будет знать, чем он так славен,
Богам вдруг сделается равен
И возвеличен к небесам.
Пусть горделивый суетится,
Чтобы чинов, честей добиться;
Пусть ищет случая блистать
Законов строгим наблюденьем,
Рассудком, истиной, ученьем,
И на чреду вельможи стать,
Как хочешь, будь ты так исправен,
Бесчисленны труды терпи,
Работай день, и ночь не спи;
Но если для тебя не нравен,
Останешься последним равен:
За правду знатью не любим,
За истину от всех гоним,
Умрешь и беден и бесславен.
А ты схвативши дурака
На зло уму, рассудку, чести,
Чрез подлости, пронырства, лести,
Возносишь в знать под облака.
Тебе и то в нем очень важно,
Что он у знатных по утрам
В прихожих стены трет отважно,
Развозит вести по домам,

Исправный счет ведет рогам,
Из пользы такает и спорит,
Умеет кстати подшутить,
Или, чтоб время проводить,
Честных людей бесчестно ссорит,
И ты за то горой ему
Богатства сыплешь в воздаянье,—
Иль глупости и злодеянья
У счастья служат все в найму?
Когда взгляну в твои палаты,
В них редко виден мне мудрец;
Но иль порочный иль глупец.
Один дурачится из платы,
Другой для выгоды своей,
Родни не зная, ни друзей,
Чтобы ладнее быть с тобою,
Готов из мира сделать Трою;
А ты, уму наперекор,
Ни в малый с ним не входишь спор;
А ты его по шорстке гладишь,
К честям ведешь и в славу рядишь.
Пускай трудится домовод
Честным трудом нажить именье,
И истощает все уменье
С приходом согласить расход;
Уметь ко времени засеять
И в добрый час с полей убрать;
Уметь минуты не терять
И деньги так, как сор, не веять;
Как будто бы из-под обуха
За труд ты платишь потовой,
Не кстати у него засуха,
Не кстати дождик проливной.
Прогнав град сильной полосою
Ты им не редко как косою
Мертвишь на нивах нежный плод;
Трудов награду истребляешь
И в миг надежду погубляешь,
Которой он ласкался год.



Бюст Крылова работы Рамаданова

А в городе твоим стараньем
Шестеркин с небольшим познаньем
Науки легкой банк метать,
На рубль рубли стадами тянет,
Пред ним *руте* — богатства мать
Едва загнется и увянет.
С рублем начавши торг такой,
Шестеркин мой почти в два года
Разбогател как воевода,
И скачет хватской четвернёй.
Ему что день, то новы сроки
С понтеров собирать оброки.
С тех пор, как ладен он с тобой
Своим уменьем и проворством,
А более твоим потворством,
Не сотню в мир пустил с сумой.
Пускай другой в трудах хлопочет;
На это мой герой хохочет,
Мораль такую в грязь он мнет,
Трудами жить ничуть не хочет,
Не сеет он, а только жнет,
И веселенько век живет.
Вот как ты, Счастье, куролесишь;
Вот как неправду с правдой весишь!
Ласкаешь тем, в ком чести нет,
Уму и правде досаждая,
Безумство, наглость награждая,
Ты портишь только здешний свет.
Я вижу, ты, мой друг, уж скучишь,
И может быть меня проучишь
За то, что я немножко смел,
И правду высказать умел.
Послушай, я не кинусь в слёзы:
Мне шутка все твои угрозы.
Что я стараюсь приобресть,
То не в твоих руках хранится;
А чем не можешь поделиться,
Того не можешь и унесть.

МОЙ ОТЪЕЗД

ПЕСНЯ

Уже близка минута
Разлуки моея;
Прости, прости, Анюта
Уж скоро еду я.
Расставшися с тобою,
Расстанусь я с душою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Позволь мне в утешенье
Хоть песенкою сей
Открыть мое мученье
И скорбь души моей.
Пусть за меня в разлуке
Она наполнит муки —
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Моря переплывая,
Меж камней, между гор,
Тебя лишь, дорогая,
Искать мой станет взор.
С кем встречусь, лишь одною
Займу его тобою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Лесок, деревня, поле,
Все вспомнит предо мной.

Места, где в тихой долѣ
Был счастлив я с тобой.
Все мне тебя представит;
Все слезы лить заставит;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Вот лес, скажу, унылый,
Где вдруг ты стала зла,
Потом улыбкой милой
Знак к миру мне дала.
Там я с тобой встречался;
Здесь я тобой прельщался;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Предвижу, как в оковы
Сердца к тебе летят;
Сулят утехи новы,
Быть верными сулят.
Увы, зря их мученье,
Их ласки, обоженье,
Увы, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Хоть вспомни, как тобою
Томится грудь моя
И что, лишась покою,
Не льщусь надеждой я.
Ах, вспомни все мученье,
И это разлученье, —
Мой друг! — Мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

СТИХИ, НАЗНАЧЕННЫЕ ПОСЛАТЬ К.....

при портрете Екатерины II, писанном пером на образец гравировки

Махнув рукой, перекрестясь,
К тебе свой труд я посылаю
И только лишь того желаю,
Чтоб это было в добрый час.
Не думай, чтоб мечтал я гордо,
Что с образцем мой схож портрет! —
Я очень это знаю твердо,
Что мастера на свете нет,
Кто б мог изобразить в картине,
Все то, чему дивится свет
В божественной Екатерине.
Поверит ли рассудок мой,
Чтоб был искусник где такой,
Кто б живо хитрою рукой
Представил солнце на холстине?

Не думай также, чтоб тебя
Я легким почитал судьею
И, слабый вкус и глаз любя,
К тебе с работой шел моею.
Нет, нет, не столь я близорук!
Твои считая дарованья,
Браню себя я за желанье
Работу выпустить из рук.
Перед твоим умом и вкусом,
Скажи, кто может быть не трусом?
В тебе блестят дары ума,
Знакома с кистью ты сама;
Тобой, как утро солнцем красным,
Одушевлялось полотно,

И становилося оно
Природы зеркалом прекрасным;
Не редко, кажется, цветы
Брала из рук Ирисы ты:
Все это очень мне известно.
Но несмотря на все, что есть,
Тебе свой слабый труд поднесть
Приятно мыслям, сердцу лестно.
Прими его почтенья в знак,
И не ценя ни так ни сяк,
Чего никак он не достоен,
Поставь смиренно в уголку,
И я счастливым нареку
Свой труд — и буду сам спокоен.
Пусть видят недостатки в нем;
Но критику оставя строгу,
Пусть вспомнят то, что часто к богу
Мы с свечкой денежной идем.

ВЕЧЕР

Не спеши так, солнце красно,
Скрыть за горы светлый взор!
Не тускней ты, небо ясно!
Не темней, высокий бор!
Дайте мне налюбоваться
На весенние цветы.
Ах! не больно ль с тем расстаться,
В чем Анюты красоты,
В чем ее душа блистает!
Здесь ее со мною нет;
И мое так сердце тает,
Как в волнах весенний лед.
Нет ее, и здесь туманом
Расстилается тоска.
Блекнут кудри василька,
И на розане румяном
Виден туск издалека.
Тень одна ее зараз
В сих цветах мне здесь отрадна.
Ночь! не будь ты так досадна,
Не скрывай ее от глаз.
Здесь со мною милой нет,
Но взгляни, как расцветает
В розах сих ее портрет!
Тот же в них огонь алеет,
Та ж румяность в них видна:
Так, *в полнехотя* она
Давши поцелуй, краснеет.

Ах! но розы ли одни
С нею сходством поражают?

Все цветы, здесь все они
Мне ее изображают.
На который ни взгляну —
Погляжу ли на лилеи:
Нежной Аннушкиной шеи
Вижу в них я белизну.
Погляжу ли, как гордится
Ровным стебельком тюльпан:
И тотчас вообразится
Мне Анютин стройный стан.
Погляжу ль . . . Но солнце скрылось,
И свернулись все цветы;
Их сияние затмилось;
Ночь их скрыла красоты.
Аннушка, мой друг любезный!
Тускнет, тускнет свод небесный,
Тускнет — во груди моей,
Ангел мой! твой вид прелестный
Разгарается сильней.
Сердце вдвое крепче бьется,
И по жилам холод льется, —
Грудь стесненную мою
В ней замерший вздох подъемлет, —
Хладный пот с чела я лью. —
Пламень вдруг меня объемлет, —
Аннушка! — душа моя!
Умираю — гасну я!

НА НОВЫЙ ГОД

К НАДЕЖДЕ

Подруга нежная зефиру
В восточных небесах видна;
Уж по небесному сапфиру
Румянит солнцу путь она;
Коням его ковры сплетает
Из розовых своих лучей —
И звезды, красоту ночей,
В румяны ризы увивает.
Уже из недр восточных вод
Выводит солнце новый год.
Он жребий смертных неизвестный
В покрытой урне к ним несет;
Полна приветливости лестной,
Надежда перед ним летит;
Суля улыбкой утешенье,
Вливая взором услажденье,
Поверхность урны золотит.

Польсти и мне, надежда мила;
Крушиться сердцу не вели;
Польсти и счастье посули.
Ты мне напрасно много льстила;
Но я не помню долго зла.
Как прежде я тобой прельщался,
Твоей улыбкой восхищался —
Ты так же мне теперь мила.
Хоть сердце верить уж устало
Усмешке ласковой твоей,
Но без тебя еще грустней,
Еще ему тошнее стало.

Польсти ты сердцу моему;
Скажи, мой друг, скажи ему,
Что с новым годом счастье ново
В мои объятия идет
И что несчастие сурово
С протекшим годом пропадет.
Своею мантией зеленой
Закрой печалей бледный вид,
Которые в груди стесненной
Мне сердце томное сулит.
Начто предвидеть так их рано?
Ах, если б, утро зря румяно,
В полях предчувствовал цветок,
Что тонкий, легкий ветерок
Не день ему сулит прекрасный,
Но перед бурею ужасной
Проститься с розами спешит;
Что ветры в след текут упорны,
И что, завившись в тучи черны,
Паляща молния бежит
Потрясть природы основанье;
Когда б все зрел издалека —
Не оживляло бы цветка
Авроры тихое сиянье;
Когда б он это предузнал,
Не чувствуя отрад ни малых,
Не распускал бы кудрей алых,
С тоски б заранее увял;
Но он спокойно расцветает.
Почто в нас сердце не цветок?
Почто, послыша лютый рок,
Оно заране обмирает?
Польсти, мой друг, польсти ему;
Скажи ты сердцу моему,
Что не совсем оно напрасно
По Аннушке так бьется страстно.
Скажи, что некогда вздох мой
Горящей пламенной стрелой
До груди белой донесется.
И что слеза с моих очей,

Как искра тонкая, взовьется
И упадет на сердце к ней.

Сули другим богатства реки;
Сули им славы громкой веки;
Сули им знатность и чины.
Кто спит — пусть утешают
Того ласкающие сны.
Они лишь чувства заглушают —
И для меня не созданы.
Сули, коль хочешь, им короны; —
Не светом всем повелевать,
От милой Аннушки законы
Хотел бы сам я принимать;
Или в глазах ее прекрасных,
Во вздохах нежных, томных, страстных
Хотел бы их я узнавать.

Польсти же мне, надежда мила —
И если наступивший год
С собою смерть мою несет —
Мой дух о том не воздохнет:
Хочу, чтоб только наперед
Ты косу смерти позлатила
И мне ее бы посулила
У сердца Аннушки моей.
Сули мне тысячу смертей:
Судьбы приму я повеленье —
Лишь только б, сердцу в утешенье,
Вкусить их на устах у ней.

Не укорять я небо стану,
Но свой прославлю лестный рок,
Когда, подобно как цветок,
Я на груди ее завяну.

НОЧЬ

Уже на западе остылом
Зари румяный след угас,
И звоном колокол унылым
Давно пробил полночный час;
Природу сладкий сон объемлет;
Зефир на свежих розах дремлёт —
Не вьет он кудрей ручейка;
Вода как зеркало гладка;
Листок от ветра не трясется,
И Филомела не поет;
Нигде, ни в чем движенья нет —
Мое лишь сердце крепко бьется
И мне покоя не дает,
От глаз моих сон сладкий гонит;
Уснули страсти у людей —
А тот, кто убегал страстей,
Из глаз слезу горячу ронит,
Их чувствуя в груди своей.
Мои лишь вздохи нарушают
Угрюмой ночи тишину
И другу злополучных — сну
Закрыть глаза мои мешают.
Дыханьем хладным грудь тесня,
Последние отъемля силы,
Иссохши, бледны и унылы
Стоят печали вкруг меня.

Приди, приди, о сон любезный,
И легкою своей рукой
Их вид страдающий и слезный -
Хотя на час от глаз закрой.

Но ты словам моим не внемлешь:
Иль от несчастных ты бежишь,
Счастливцев маками даришь
И с ними на диванах дремлешь?

Мой друг, для них ли создан ты?
Кто здесь блаженством обладает,
Чье сердце горестей не знает,
На что тому твои мечты?
Они его не утешают,
Но, только память в нем затмив,
Ему лишь чувствовать мешают,
Сколь много в свете он счастлив.
Когда тебе он подать платит,
Тогда он час веселья тратит.
Ах, еслиб, Аннушку любя,
Я награжден был равной страстью;
Не нужен был бы ты мне к счастью,
Не призывал бы я тебя;
Не сном хотел бы подкрепляться,
Но чувством лестным наслаждаться,
Что милой Аннушкой любим;
Хотел бы чувством нежным сим
И умирать и возраждаться;
Хотел бы силы им терять
И в новых силах обновляться.

Но если сердцу мне дано
Вкушать одно лишь огорченье:
Когда мне всякий миг мученье,
В который чувствует оно —
К чему тогда мне служит время?
К чему тогда им дорожить?
Чтоб умножать печали бремя,
Чтоб долее в мученьи жить?
Тогда часы лишь те мне святы,
Которые у жизни взяты
И сну безмолвному даны.
Я в них лишь только не страдаю

И слез не чувствую своих;
Я в них на время умираю.

Приди ж, природы обновленье,
Приди приятный, крепкий сон.
Прерви на время мой ты стон
И сладкое пролей забвенье
На чувства пылкие мои,
Рассыпь вокруг цветы свои;
Приди — и лестными мечтами
Мое ты сердце обнови;
Приди — Анюты красотами
Мою грудь томну оживи,
Мне в лестных видах представляйся:
Представь мне, что она моя,
Что в ней в восторгах таю я,
Представь — и век не прерывайся.

ОТЪЕЗД ИЗ ДЕРЕВНИ

Прости, любезное село,
Столица мира дорогого;
Прости, ключ чистый, как стекло,
И ты, тенистая дуброва,
В которой часто день бывал
Мне так короток, как минута,
Где часто соловей певал
Так чисто, нежно, как Анюта.
Простите вы, мои друзья.
Из недр спокойства и свободы
Я еду в мрачный гроб природы —
Простите, в город еду я.

Не воздух легкий, ароматный
Мне будет грудь там оживлять:
Я еду в мир пустой, развратный
Седую, знойну пыль глотать.

Когда зарей здесь развернутся
Цветы на бархатных лугах,
И хоры птичек раздадутся
В тенистых и густых лесах;
Как соловьи начнут согласно
Будить и кликать солнце красно, —
Тогда меня разбудит стук
Карет, по мостовой гремящих,
Иль с грузами телег скрипящих,
Иль колокольный, скучный звук.

Как солнце здесь взойдет высоко
И разгорится ясный день,

Вы, птички, скроетесь далеко
Густых дерев в прохладну тень,
Где жар и ветр вас не гоняют,
Где вам утехи сохраняют
Любови нежной алтари
И где листочка два иль три
Чертоги царски заменяют.
А я, когда наступит день,
Как мне ни больно и ни лень
И как ни бесполезно свету,
Тащусь на завтрак иль обед,
Играть в бостон или в пикет;
Иль, если карт, к несчастью, нет,
Тащусь зевать по этикету
И ползать в суетах мирских
Промежду глупостей людских,
Где языки одни речисты,
Где все добро на языке,
Где дружба — почерк на песке,
Где клятва — сокол в высоте,
Где нрав и сердце так же чисты
(Не в гнев то буди городских),
Как чист и легок воздух их.
Когда у вас на небосклоне
Потухнет алая заря
И, сон приятный вам даря,
Ночь сядет на сапфирном троне;
Уныло зашумят леса
И в хороводах звезд прекрасных,
В одеждах бледножелтых, ясных,
Взойдет луна на небеса;
Проступит бледность на вершинах
И, серебром светясь, туман
Расстелется у вас в долинах,
Как утром тихий океан, —
Тогда, не зная, что́ заботы,
Невозмущенные тоской,
В роскошных пеленах дремоты
Вы сладкий вкусите покой.

А я, когда за нашим градом,
Застыв, потускнет небосклон,
И с темной ночью придут рядом
Печальна мысль, мятежный сон,
Свет закатится с ясным Фебом,
Но не замолкнет стон людской,
И под угасшим черным небом
Раздастся глухо шум градской,
А я — там, где все так нестройно
В цепях шумливой суеты,
Средь роскоши и нищеты,
А я — засну ли там спокойно?
Ах, нет, не сон, друзья, не сон —
Тогда мои мне милы слезы,
И мысль одна приятна мне,
Чтоб вас увидеть, хоть во сне,
Мои любезны дики розы,
И чтоб у вас, в густой тени,
Кудрявы, юные березы,
Воспеть златые сельски дни.

НА СЛУЧАЙ ГРОЗЫ В ДЕРЕВНЕ

Начто над рощей сей тенистой
Ты завываешь, бурный ветр,
И над зелеными лугами
Теснитесь, грозны тучи, вы?
Кого во мраках, вихри люты,
Вы устрашить хотите здесь?
Чью грудь, громовые удары,
Желаете здесь вы разить?
Ах, на кого ты вооружаешь
Природу, гневно божество!
Не соловей ли кроткий, нежный
Причина гнева твоего?
Не пеночка ль невинной песнью
Тебя умела раздражить?
Или невинная овечка
Могла нарушить твой закон,
И вооружить тебя перуном
На сердце робкое свое,
На грудь, покрытую волною,
Подобну снегу белизной,
А мягкостью подобну пуху?
Или смиренный селянин,
В избыток чуждый работая
И оживляя грудь свою
Нехитростною сельской песнью,
Мог возбудить твой страшный гнев?
Открой мне, царь миров несчетных:
Ужли для них навел ты тьму
И повелел ударить громам,
И воздух раздирать перунам,
И вихрям дубы вырывать?

Для них ли здесь природа стонет?
А там, за полем вдалеке,
А там, за белыми стенами,
Изнеженная роскошь дремлет:
Не громы слух ее мятут,
Пред нею мусикийски хоры,
Согласьем сердце щекотя,
Поют порокам песни хвальны
И сладострастье в душу льют.
А там гордец, надувшись грудью,
Тебе мечтает равен быть
И по земле едва ступает,
Чтя недостойным ног своих
Ходить по той, кем он питаем
И от кого изшел на свет.
А тамо, львиными когтями
Корыстолюбье воружась,
Рыкая пламенем геэнским,
Кричит: все собственность моя!
Моя земля, мои все воды,
Огонь и самый воздух мой!
Кричит — и с алчностью объемлет
Дальнейшие края земли.
Здесь гром — а там спокойны люди
Порокам воздвигают трон;
Здесь гром — а там они спокойно
Курят пред ними фимиам, —
И солнце ясно светит там,
И не смущается природа,
Нарушен видя свой закон.
На них, на них, о боже вечный,
Горами тучи ты надвинь,
Рассыпь на них свои перуны
И под ногами дерзких сих
Разверзи пропасти земные
И дно им ада покажи, —
Чтоб там они узрели муки,
Чтобы оттоль сразились стоном

Предместников своих во зле —
И чтобы, кровью заливаясь,
Им сердце в трепете рекло,
Что жив пороков страшный мститель.

К СПЯЩЕМУ ДИТЯТИ

Спи, любезное дитя,
В недрах мира и покою;
Спи, мой друг, поколь стрелою
Время быстрое летя
В бездну вечности ужасной,
Не промчит зари твоей
Тихих и прекрасных дней.
Спи, доколе взор твой ясный
Не встречал тоски и бед,
И доколь путей к веселью
Ты не ставишь трудной целью;
Сердце с жадностью не ждет
Славы, почестей, побед.
Спи, доколе весь твой свет
Ограничен колыбелью.

Спи, дитя; твой сладкий сон
Вспоминает человека,
Как сыпал спокойно он
В недрах золотого века.
Как твои приятны дни!
Как завидны мне они!
Там мечи раздоров блещут,
Растравляя бунтов яд;
Там пожары, язвы, глад
Смерть в поля и грады мещут:
А тебе, меж грозных туч,
Светит тихий солнца луч.
Все вокруг тебя спокойно,
Все приятно, тихо, стройно.
Ты откроешь кроткий взор —

И пробудятся утехи,
Игры, радости и смехи.
Ты заснул — и весь твой двор
Прикорнул вкруг колыбели:
У голов сны милы сели;
Задремал желаний рой,
Резвым утомясь порханьем;
Сам зефир заснул с тобой,
И едва своим дыханьем
Он колеблет полог твой.
Все с тобою утихает,
Все как будто в пеленах;
Лишь улыбка на устах
У тебя не засыпает
И вещает ясно мне,
Что счастлив ты и во сне.

Спи, дитя, друг милый мой!
Спи, доколь твой век так нежен,
Придет время, что сон твой,
Так не будет безмятежен.
Золотой твой век пройдет:
Век тебя железный ждет;
Ждут тебя сердца жестоки,
Ложна дружба, ложна честь;
Ждут разврати и пороки,
Чтоб тебе погибель сплесть.
Век наступит тот унылый;
Ты в пространный свет войдешь —
Тьмы в нем горестей найдешь;
И тогда уж, друг мой милый,
Так спокойно не заснешь.

УЕДИНЕНИЕ

Среди лесов, стремнин и гор,
Где зверь один пустынный бродит,
Где гордость нищих не находит
И роскоши неведом взор,
Уже ли я в дали от мира?
Иль скрежет злобы, бедных стон
И здесь прервут мой сладкий сон?
Вещай, моя любезна лира!

В дали — и шумный мир исчез,
Исчезло с миром преступленье;
В дали — и здесь, в уединенье,
Не вижу я кровавых слез.
. . . .

Там храмы как в огне горят,
Сребром и златом отягченны;
Верхи их, к облакам взнесенны,
Венчанны молнией, блестят;
У их подножья бедность стонет,
Едва на камнях смея сесть:
У хладных ног их кротость, честь
В своих слезах горючих тонет.

Там роскошь, золотом блестя,
Зовет гостей в свои палаты
И ставит им столы богаты,
Изнеженным их вкусам льстя;
Но в хрусталях своих бесценных
Она не вина раздает:
В них пенится кровавый пот
Народов, ею разоренных.

Там, вид приманчивых забав
Приемля, мрачные пороки
Влекут во пропасти глубоки,
Сердца и души обуяв;
Природа дремлет там без действа;
Злосчастие рождает смех;
Болезни там — плоды утех;
Величие — плоды злодейства.

Оставим людям их разврат;
Пускай фортуну в храмах просят
И пусть гордятся тем, что носят
В очах блаженство, в сердце — ад.
Где, где их счастья совершенство?
За пышной их утехой в след,
Как гарпия, тоска ползет, —
Завидно ль сердцу их блаженство?

Гордясь златою чешуей,
Когда змея при солнце бьется,
От ней как луч приятный льется
И разных тысяча огней:
Там синева блестит небесна,
Багряность там зари видна —
И, кажется, горит она,
Как в тучах радуга прелестна;—

Горит; но сей огонь — призрак!
Пылающа единым взглядом,
Она обвита вечным хладом,
В ней яд, ее одежда — мрак.
Подобно и величье мира
Единой внешностью манит:
В нем угрызений желчь кипит,
На нем блестит одна порфира.

Но здесь, на лоне тишины,
Где все течет в природе стройно,
Где сердце кротко и спокойно
И со страстями нет войны,

Здесь мягкий луг и чисты воды
Замена злату и сребру;
Здесь сам веселья я беру
Из рук роскошныя природы.

Быв близки сердцу моему,
Они мое блаженство множат;
Ни в ком спокойства не тревожат
И слез не стоят никому.
Здесь по следам, едва приметным,
Природы чин я познаю
Иль бога моего пою
Под дубом, миру равнолетным.

Пою — и с именем творца
Я зрю восторг в растеньи диком
При имени его великом;
Я в хладных камнях зрю сердца;
По всей природе льется радость:
Ключ резвится, играет лес,
Верхи возносят до небес,
Одеты сосны в вечну младость.

Недвижны ветры здесь стоят
И ждут пронесть в концы вселенной,
Что дух поет мой восхищенный.
Велик мой бог, велик — он свят!
На лире перст мой ударяет.
Он свят! — поют со мной леса,
Он свят! — вещают небеса,
Он свят! — гром в тучах повторяет.

Гордитесь, храмы, вышиной
И пышной роскошью, народы;
Я здесь в объятиях природы
Горжусь любезной тишиной,
Которую в развратном мире
Прочь гоните от сердца вы
И кою на брегах Невы
Наш Росский Пиндар пел на лире.

Вдали от ваших гордых стен,
Среди дубрав густых, тенистых,
Среди ключей кристальных, чистых,
В пустыне тихой я блажен.
Не суетами развлекаться
В беседах я шумливых тщусь,
Не ползать в низости учусь —
Учусь природе удивляться.

Здесь твердый и седой гранит,
Не чувствуя ни стуж, ни лета,
Являя страшну древность света,
Бесчисленность столетий спит.
Там ключ стремнины иссекает
Иль роет córованья гор
И, удивляя смертных взор,
Труд тысячи веков являет.

Там дуб, от листьев обнажен,
По камням корни простирает —
На холм облегшись, умирает,
Косою времени сражен.
Там горы в высотах эфира
Скрывают верх от глаз моих —
И, кажется, я вижу в них
Свидетелей рожденья мира.

Но что за громы вдалеке?
Не ад ли страшный там дымится?
Не пламя ль тартара крутится
Подобно воющей реке?
Война, война течет кровава;
Закон лежит повержен мертв,
Корысть алкает новых жертв,
И новой крови жаждет слава.

Сомкнитесь, горы, вкруг меня;
Сплетитеся, леса дремучи;
Завесой станьте, черны тучи,
Чтоб злости их не видел я.

Удары молнии опасны,
В дубравах страшен мрак ночной,
Ужасен зверя хищна вой —
Но люди боле мне ужасны.

БЛАЖЕНСТВО

Зефир с ракитников пушистых
Аврорин бисер осыпал;
На озере в зыбях струистых
Всходящий солнца луч играл.
То с резвой ветерков станицей
Он по водам мелькал зарницей;
То молнией вился в травах;
То на пестреющих цветах
Он в ярких искрах рассыпался —
И луг, казалось, загарался.

Проснувшись, ручеек играет
В янтарных, гладких берегах:
То пену в жемчуг рассыпает
На золотых своих кудрях
И гордо по кремешкам льется,
Иль между роз украдкой вьется,
Им на ушко любовь журчит;
То, закатясь в лесок, молчит
И под столетним дубом дремлет,
Иль соловьиным песням внемлет.

За перлов облак закатился,
Взвиваясь, жаворонок стрелой —
И громкий, звонкий свист разлился
Под твердью светлоголубой.
Граждане чистых вод безмолвны,
Играя, рассекают волны,
В весельи встретя новый день;
Приятный свет, густая тень,
Давая вольный путь отраде,
Манят иль к пользе иль к прохладе.

Везде природы совершенство
Луч осветил всходяща дня;
Всё чувствует свое блаженство,
Всё веселится вкруг меня,
Всё видит счастье под ногами,
Не гонится за ним морями:
Никто от счастья не далек.
Один лишь только человек,
Гордясь свободой без свободы,
Блаженства ищет вне природы.

Ему лишь свод небесный низок,
Тесна обширность дальных стран;
Ему от юга север близок
И мелок грозный океан.
Среди богатств — он нищ и беден,
Средь пользы — ядовит и вреден.
Он тем не сыт в алчбе своей,
Чего довольно твари всей.
Природа рай ему готовит —
Он в нем ужасный ад становит.

Ему весна целебны травы
Со ароматом в дань несет,
И гряды с овощем кудрявы
Горяще лето в дар дает.
Там осень нивы позлащает
И в дар ему их посвящает;
Сбирая виноград в полях,
Шампанско пенит в хрусталях;
Очистя воздух, смешан с ядом,
Зима ему полезна хладом.

Но он дары их презирает
И мощною своей рукой
Земли утробу раздирает;
Во ад спускается живой,
Геэнну дерзостью смущает
И нагло тамо похищает
У фурий корень страшных бед —

Пороки в золоте несет,
В селитре лютые пожары,
В меди громовые удары.

И се он в громах гибель мещет,
Куда его достигнет взор;
Природа там его трепещет,
Сердца трясутся крепких гор.
Напрасно лев в леса дремучи,
Напрасно ястреб в темны тучи
Скрывают в робости свой след:
Для сил его пределов нет.
Он в небесах орлу опасен,
Он киту в безднах вод ужасен.

Так, он один страдать назначен
Из чувствующих тварей всех;
В лучах блестящей славы мрачен,
Уныл в объятиях утех,
Среди забав тосклив и скучен,
На троне с рабством неразлучен.
На что ни кинет мрачный взгляд,
Изо всего сосет лишь яд;
Одних мечтаний ложных жаждет —
И между благ в несчастьи страждет

Ему покой и радость чужды:
Рожден желаньями кипеть.
Его отрада — множить нужды,
Его мученье — их терпеть.
Средь брани ищет он покоя;
Среди покоя — алчет боя;
В неволе — враг земных богов;
На воле — ищет злых оков;
Он в будущем лишь счастье видит
И в настоящем ненавидит.

Так странник, ночью, в час погоды,
Когда вихрь корни рвет древес,
И в бездны с гор бьют шумны воды,
Под черной тучей видит лес;

. . . .
Почтя селенья близка знаком,
К нему стремится, всё презрев —
И колкий терн и тигров рев;
А свет, сей свет ему любезный,
Манит на край бездонной бездны.

Имея разум ослепленный
И цену слаб вещей познать,
Напрасно хочешь вне вселенной
Свое ты счастье основать.
Вотще свой рай ты удаляешь
И новы блага вымышляешь.
Умей ценить природы дар
И, не взлетая как Икар,
Познай вещей ты совершенство —
И ты в себе найдешь блаженство.

К нему, зефиры, понесите,
И с луга чистого сего,
Гоняя репейки косматы,
Душисты, легки ароматы,
Повейте кротко на него.

Приди, утешь меня в моей тоске ты слезной;
Приди, хоть час со мной побудь
И припади на белу грудь,
На пламенную грудь твоей любезной!
Я, нежною своей рукой
До розовых твоих ланит касаясь,
Твоим дыханьем упиваясь,
Свой пламень разделю с тобой;
Печаль твою рассею,
Своими вздохами твою тоску развею;
Смущенье утишу
Я ими,
И поцелуями своими
Твои я слезы осушу.
Жестокий, ты меня пренебрегаешь!
Или меня за смуглость презираешь?
Ах, если я смугла лицом,
Лучи виновны солнца в том;
А грудь моя, тобою страстна,
Нежна, полна, прекрасна
И высока,
Бела, как тонкие в день ясный облака;
Она на холмы тех высоких гор походит,
С которых вечно снег не сходит.
Что с круглостью равно моих ланит?
И что пылчей любви огня,
Который в сердце у меня
И во глазах моих горит?
Как стройны пальмы юны,
Как прямы в арфе струны,
Таков природой дан
Мне тонок, прям и строен стан.
Я в легкости зефирам равномерна.
Лишь чуть коли

Ты мне покажешься вдали,
Тогда я по лугам, как молодая серна,
Резвлюся, прыгаю, скачу —
И сердцем, как стрела, к тебе лечу.
Но что зефир так тихо веет
Между ракитовых кустов?
Кого он здесь будить не смеет?
Какое легкое цветов
Я чувствую благоуханье?
Ах, не любезного ль дыханье
Зефир в места сии несет?
Ах, не оно ль, как сладкий мед,
В мою грудь страстну, томну льется?
Не тщетно крепко сердце бьется —
Что вижу? Так; я зрю его!
О радость! я нашла того,
Кем столько дни мои мне милы!
Завистников я вижу лесть.
О небо, дай мне столько силы,
Чтоб эту радость перенесть!
Там спит он под кустами в поле —
Как ночь, печаль моя прошла.
Так я любезного нашла —
И с ним не разлучусь уж боле.

Подружки, не шумите!
Подружки, не смутите
Его вы сладкий сон!
Там, скрывшися от зною,
Под тенью древ густою,
Спит крепко, сладко он.
Подружки, не шумите!
Подружки, не смутите
Его вы сладкий сон!

О милое для сердца восхищенье!
Любезный мой
Со мной.
Но что за сладкое я слышу пенье?
Ах, это пеночка поет свою любовь —

В движенье томное она приводит кровь.
О пеночка, мой друг, как ты, я так же вяну;
Как ты, я так же и люблю —
Пой, милый друг, тебе я пособлю
И милого будить тихонько стану.

Пробудись, мой друг любезный,
И в объятиях моих
Ты почувствуй жар небесный,
Упоен любовью в них.
Встань; пойдем в густые рощи:
Мил там свет, приятна тень.
Кажется стоит там день
Рядом возле тихой нощи.
Встань; пойдем с тобой в сады,
Где в кустах цветы пестреют
И зефиры тихо веют,
Где румянит зной плоды.
Там, мой друг, в тени глубокой
Сядем мы под дуб высокой
На ковры шелковых трав;
Там, на грудь ко мне припав,
Разделишь ты пламень с нею;
Там, мой друг, с душой твоею
Душу страстную свою
В поцелуях я солью.

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ XVII

«Возлюблю тя, господи, крепосте моея

К тебе мой бог великий, вечный,
Желанья все мои парят,
Сквозь тьму и бездну бесконечны,
Где миллионы звезд горят
И где, крутясь, миры в пучинах
Твое величество гласят:
Велик господь, велик и свят
Вещей в началах и кончинах.
Велик величества творец,
В бедах мне щит, в суде отец.

Болезни взор мой помрачали;
Земля разверзлась подо мной;
Как сонм стесненных туч печали
Носились над моей главой.
Переставало сердце биться; —
Потек по жилам смерти хлад; —
Уже ногой ступил я в ад, —
Но вспомнил к богу обратиться. —
Сквозь небеса проник мой вздох —
И мой меня услышал бог.

И двигнулась — и встрепетала
Земля, поверженная в страх.
От гнева бога тьма восстала,
Содрогнулись сердца в горах.
Взглянул он — море возмутилось
И вихри пламенны взвились,
И страшны громы раздались;
Ступил — и небо преклонилось. —

Сошел — и крепкою пятой
Сгустил он тучи под собой.

И се — воссед на вихри скоры,
Несется облеченный в тьму.
Пред ним кремнисты тают горы;
Курятся бездны в след ему.
Как молния его блистанье.
Он рек — и, грозный глас внемля,
Расселась в трепете земля,
Вселенной вскрылись основанья;
И воды, в страхе, без препон,
Смутясь, из бездны рвутся вон.

Подвигнувшись толь страшной бранью
Врагов моих карая злом,
Мой бог своею сильной дланью,
Как крепким медяным щитом,
Покрыл меня — и мне их стрелы,
Как ломкий и гнилой тростник:
Сколь бог мой страшен и велик,
Столь тесны вражьих сил пределы!
Едва я возопил стеня,
Он двигнул громы за меня.

Пари, мой дух, за круги звездны,
Любовью к богу вознесен;
Храни пути его небесны —
И будешь в гибели спасен.
Страшись мужей коварных, льстивых:
Беседа их для сердца яд:
С святым ты будешь купно свят;
Познаешь правду средь нелживых.
С правдивым будешь ты правдив;
И с нечестивым нечестив.

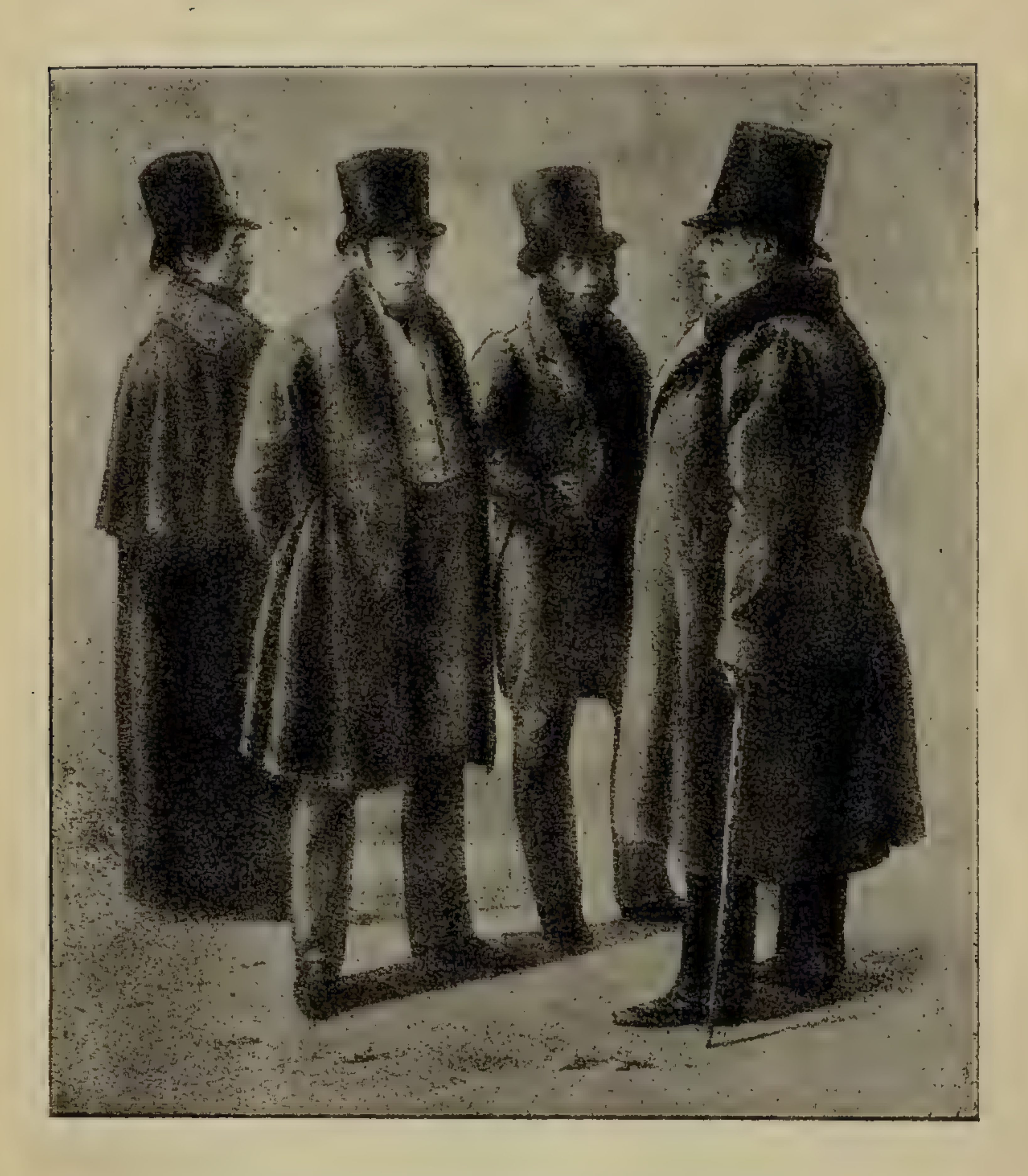
Смиренных щит! Смиритель гордых!
Блесни зарями в грудь мою;
И на столпах надежды твердых
Твою я славу воспою;

Чрез горы препинаний ада
Переступлю, как исполин;
Перелечу, как сын орлин,
Чрез бездны, страшные для взгляда, —
И, верой воспален к царю,
Как солнце юно возгорю.

С тобой кого мне устрашиться,
Кого бы я не превозмог? —
Кто славою с тобой сравнится?
И где тебя сильнейший бог? —
Где небо, где есть круги звездны,
Для сил и для богов иных?
И где для молний есть твоих
Недосягаемые бездны? —
Твоим лишь духом все живет —
Ты все — иного бога нет.

Не ты ль, вдохнув мне силы многи,
Дал крепость льва моим рукам,
Еленью скорость дал мне в ноги
И орлю быстроту глазам?
Не ты ль на брань меня наставил,
Дал мышцы мне как медян лук?
Не ты ль различны силы вдруг,
Чем в тысящах себя прославил,
В одном во мне соединя,
Венчал царем земли меня?

Не силою ль твоей взлетает
Мой быстрый дух на небеса,
Где солнцев тысяча блистает,
Твои вещая чудеса?
Не силою ль твоей великой
Причину мира мерит он
И постигает тот закон,
Чем обуздал хаос ты дикой,
Пространства разделил мирам,
Дал стройный вид и бег телам?



Гнедич, Жуковский, Пушкин и Крылов

Но где есть слово человека
Тебя обильно превознесть? —
В ком долгота найдется века
Твои все чудеса исчесть? —
Пади мой дух в смиреньи многом,
И свой не устремляй полет
В пучины, коим меры нет. —
Чтоб бога знать, быть должно богом;
Но чтоб любить и чтить его,
Довольно сердца одного.

ПОДРАЖАНИЕ XXXVII ПСАЛМУ

Смягчи, о боже! гнев твой ярый,
Вины души моей забудь
И молний уклони удары,
В мою направленные грудь!
Престани в тучах, в облистаньях
И в бурных пламенных дыханьях
Являть, колико суд твой строг;
Пролей надежду в грудь унылу,
Яви свою во благе силу
И буди в милостях мне бог!

Стрелами острыми твоими
Мне сердце все изъязвлено
И, раздираемое ими,
Горит как в пламени оно;
Свои считая преступленьи,
В стыде, в болезни, в изумленьи
Смыкаю я смущенный взор.
Нет предо мною света дневна —
На мне твоя десница гневна
Хладнее льдов, тягчее гор.

Все скорби на меня зияют
И плоть мою себе делят.
Как воск, во мне так кости тают,
И кровь моя как острый яд;
Как трость ломка во время зною,
Как ломок лед в реках весною,
Так ломки ноги подо мной.
Все множит мне печалей бремя;
Остановилось само время,
Чтобы продлить мой жребий злой.

В сем зле, как в треволненном море,
Собрав остаток слабый сил, —
В отчаяньи, в надежде, в горе,
К творцу миров я возопил,
Воззвал и сердцем встрепетался;
То луч надежды мне являлся,
То, вспомянув мои вины,
Терял я из очей свет красный:
Меч видел мщения ужасный
И видел ада глубины.

Вкруг моего собравшись ложа
С унылой жалостью друзья,
Моей кончины ужас множа,
Казалось, взорами меня
Во гроб холодный провождали;
Притворным плачем мне стужали
Враги сокрыты дней моих;
А я, как мертв, среди смятенья
Лежал без страха, без движенья
И уст не отверзал своих.

Но в страшную сию минуту,
В сей час ужасный бытию,
Зря под ногами бездну люту
А пред очами смерть мою, —
Надеждой на тебя отрадной,
Как в жар поля росой прохладной,
Мой слабый дух себя питал.
Хоть телом упадал я в бездны,
Но духом за пространства звездны
К тебе с молитвой возлетал.

Нет! — рек я в глубине сердечной —
Нет, не погибну я, стеня;
Исторгнет бог мой сильный, вечный
Из смертных челюстей меня,
И дух мой не отдаст он аду
Неправедным врагам в отраду;
Их не свершится торжество;

Не посмеется мне их злоба,
Что у дверей ужасных гроба
Помочь бессильно божество.

Творец! Внемли мое моленье
И гласу сердца ты внемли:
Хотя ничтожное творенье,
Я прах, невидный на земли;
Но что есть мало, что презренно,
Тобою, боже, сотворенно?
Прекрасен звездный твой чертог;
Ты в солнцах, ты во громах чуден —
Но где ты чудесами скуден? —
Ты и в пылинке тот же бог!

И я к тебе, надежды полный,
Свой простираю томный глас:
Смири страстей свирепых волны,
В которых духом я погряз!
Мои велики преступленья:
Их сердцу страшно исчисленье —
Но в судие я зрю отца.
Мой страшен грех, но он конечен —
А ты, мой бог, ты силен, вечен;
Твоим щедротам нет конца.

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ LXXI

Подай царю твой, боже, суд,
И правду дай цареву сыну;
Да к пользе царства примет труд,
Да истину хранит едину —
И кротко, как зарей зефир,
По всем странам прольется мир.

Царь не предаст сирот и вдов;
На трон в лице восседши бога,
Сомкнет уста клеветников,
Спасет и нища и убога.
Как солнце вешнее с высот,
Прольет на всех он луч щедрот.

Как напояет землю дождь
И проникает мягку волну,
Так сей ко счастью кроткий вождь
Прольет в сердца отраду полну —
И не затьмит его лучей
Вся толща туч, весь мрак ночей.

К нему народы потекут,
Как в океан пространны реки;
Цари различны дань дадут;
Он возродит златые веки —
И где конец земле, морям,
Предел его державе там.

Как беспредельный океан,
Его сокровища узрятся;
Среди его цветущих стран

Довольство с миром водворятся —
И дом его, ко славе скор,
Превысит верх Ливанских гор.

Его благословит народ;
Рабы, как чада, будут верны.
Предупредят зари восход
От всех ему хвалы усердны —
И, мудрости его внемля,
Ему восплещет вся земля.

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ XIV

Кто, боже, в высотах эфирных
Святой твой населяет двор?
Кто слышит, как, при звуках лирных,
Поет тебя пресветлый хор?
И кто, в святилищах небесного чертога,
Вкушает сладость зреть величье, славу бога?

Кто сердцем чистым, нелукавым
Стремится твой закон блюсти;
Кто не скользит во след неправым;
Чей в век язык не знает льсти,
И чья душа, в словах и взорах беспорочных,
Как полная луна, видна в водах полночных.

Кто на друга сетей не ставит,
Не сплетает злых клевет;
Боящихся кто бога славит
И злом за зло не воздает,
Кто в самых рубищах невинность чтить умеет,
Злодеев презирать и в блеске счастья смеет;

Кто клятву сохраняет свято,
Страшится слабых поражать,
И лихвою презренной злато
Свое не тщится умножать:
Кто на суде всегда едину правду любит
И за корысть убогого не губит.

Кто с сих путей не совратится
И сердце право соблюдет,

Тот, боже, в твой чертог вселится,
Твоей увидит славы свет —
И там, земных сует оставя скоротечность,
В чистейших радостях он вкусит сладку вечность.

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ XCVI

Взыграй, вся дышущая плоть!
Днесь воцарился твой господь.
Промчите слух сей, ветры скоры,
В дальнейшие земли концы.
Да скачут холмы как тельцы,
Как овны, да взыграют горы
Средь кликов празднующих стран,
И да восплещет океан!

Предыдет огнь и вихрь пред ним
И гром ревущий в кару злым;
Окрест несется мрак стесненный,
Вьют вихри, дождь, и снег, и град,
И молнии его блестят
От края до края вселенной;
Немеет гром; ему внемля,
Как море, зыблется земля.

На высотах его престол;
Судьба миров — его глагол;
Врагов палящий пламень — взоры;
Речет — и огнь их жрет вокруг;
Воззрит — и тьмы падут их вдруг.
Как воск пред ним, так тают горы;
Земля — певец его чудес;
Вещатель славы — твердь небес.

О вы, певцы богов иных,
Сравните с мертвой силой их
Живого бога силу живу —
И усрамитесь падать ниц

Пред изваяньем мерзких лиц,
Кладя на них надежду лживу!
Они, как вы, лишь персть и прах;
Ограда их — обман и страх.

Но ты, мой бог, творец миров,
Един превыше всех богов,
И вышний надо всей землею!
Воспой его, правдивых лик;
Единый царь судеб велик:
Он силой все хранит своею;
В нем правым жизнь; в нем чистым свет —
И вне его спасенья нет.

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ XCIII

Несись на вихрях, мщений царь!
Воссядь в громах, на тучах черных
Судить строптивых и упорных;
Ступи на выи непокорных
И в гордых молнией ударь.

Доколь вздымать им грудь надменну
И подпирать пороков трон,
Правдивых гнать из света вон?
Доколь твой презирать закон
И осквернять собой вселенну?

Куда ни обращусь, внемля,
Везде их меч, везде угрозы.
Там на невинности железы,
Там льются сирых кровь и слезы;
Злодейством их полна земля.

Так, проливая крови реки,
Заграбя мир себе в удел,
Твердят они на грудах тел:
Господь не видит наших дел
И не познает их во веки.

Безумец, где твой ум и слух?
Стряхни невежество глубоко;
Скажи, хоть раз вознесясь высоко:
Ужели слеп создавший око,
И сотворивший ухо — глух?

Скажи, оставя мудрость лживу,
Без света ли — творец светил?

Бессилен ли — создатель сил?
Безумен ли — кто ум в нас влил?
И мертв ли — давший душу живу?

Блажен, о боже, в ком твой свет:
Он соблюдется цел тобою,
Тогда как, окруженный мглою,
В изрытый ров своей рукою
Злодей со скрежетом падет.

Кто, кто с мечем? Со мною рядом
Кто мне поборник на убийц?
Кто на гонителей вдовиц?
Никто — всех взоры пали ниц —
И всех сердца страх облил хладом.

Никто — но бог, сам бог со мной;
Сам бог приемлет грозны стрелы,
Вселенной двигнет он пределы,
Разрушит замыслы их смелы
И с широты сметет земной.

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ LI

Что хвалишься во злобе, сильный,
Что можешь наносить ты вред?
Глагол твой, лестию обильный,
Как ядом растворенный мед;
Язык твой — бритва изощренна;
В груди кипит всех зол геэнна.

Ты лживость паче правды любишь
И злобу паче доброты;
Скорбя, щадишь; ликуя, губишь;
Блаженством ближних мучим ты —
И правды обличенья смелы
Тебе суть громоносны стрелы.

Но се господь судом, как громом,
Твое величие сотрет:
С твоим тебя расторгнет домом,
От сердца кровных оторвет;
Твоих богатств иссушит реки
И род твой погасит навеки.

В посмешище ты будешь правым;
Рекут, твою погибель зря:
Се муж, что сердцем столь лукавым
Мнил превозмочь судеб царя,
Богатством лишь своим гордился,
И только зло сплетать стремился.

А я, как маслина богата,
Средь дома божия цвету;

И блеск честей и горы злата
Считая за одну мечту,
Лишь в боге все блаженство ставлю,
И славен тем, что бога славлю.

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ LXXXVII

О боже, царь щедрот, спасений,
Внемли! К тебе моих молений
Свидетель — нощи все и дни.
Я в нощь свой одр мочу слезами,
И в день иссякшими глазами
Встречаю мраки лишь одни.
Да пройдет вопль мой пред тобою
Шумящей, пламенной рекою:
Воззри — и слух ко мне склони.

В груди моей лишь скорби люты;
Нет дня отрадна, нет минуты;
Теснится в сердце мук собор.
Уже, к веселью неспособен,
Я бледен, мертвецам подобен;
Уже ко гробу шаг мой скор;
Уже в моих я равен силах
С забвенными давно в могилах,
От коих отвратил ты взор.

Все гнева твоего удары,
Как моря в бурю волны яры,
Навел ты на мою главу.
Тесним от ближних, обесславлен,
Друзьями презрен и оставлен,
Средь кровных чуждым я живу.
В одре как в гробе истлеваю;
Но руки к небу воздеваю:
К тебе и день и ночь зову.

Увы, иль стон живых порочен?
Или для мертвых ты лишь мощен?

Они ль певцы твоих чудес?
Но кто воспел тебя во гробе?
Кто возгласил в земной утробе
Твой суд, иль блеск твоих небес?
Кто имя божье славословил?
И кто в стране забвенья пролил
Хоть каплю благодарных слез?

А я, едва заря настанет,
Едва светило дня проглянет,
Огнем живым к тебе дышу —
И вместе с хором опереным
Под сводом неба озаренным
Твое величие глашу.
Куда ни двигнуся ногою —
Как сердце я свое — с собою
Хвалу чудес твоих ношу.

Почто же, бог мой, презираешь,
Не внемлешь ты и отреваешь
Вопль страждущей души моей?
Средь нужды, нищеты и горя,
Как средь бунтующего моря,
Я взрос от самых юных дней —
И днесь от бедства не избавлен,
Как лист иссохший, я оставлен
Среди пылающих огней.

ПОСЛАНИЕ О ПОЛЬЗЕ СТРАСТЕЙ

Почто, мой друг, кричишь ты так на страсти,
И ставишь их виной всех наших зол?
Поверь, что нам не сделают напасти
Любовь, вино, гульба и вкусный стол.
Пусть мудрецы нахмуря смуры брови,
Журят весь мир, кладут посты на всех,
Бранят вино, улыбку ставят в грех
И бунт хотят поднять против любови.
Они страстей не знают всей цены;
Они вещам дать силы не умеют;
Хотя твердят, что вещи все равны,
Но воду пьют, а пива пить не смеют.
По их словам, полезен ум один;
Против него все вещи в мире низки;
Он должен быть наш полный властелин;
Ему лишь в честь венцы и обелиски. —
Он кажет нам премудрые пути:
Спать на жестке, не морщась пить из лужи,
Не преть в жары, не мерзнуть век от стужи,
И словом: быть бесплотным во плоти,
Чтоб, навсегда расставшись с заблужденьем,
Презря сей мир, питаться — рассужденьем.

Но что́ в уме на свете без страстей? —
Природа здесь для нас, ее гостей,
В садах своих стол пышный, вкусный ставит,
Для нас в земле сребро и злато плавит;
А мудрость нам, нахмуря бровь, поет,
Что здесь во всем для наших душ отрава,
Что наши все лишь в том здесь только права,
Чтоб нам на все смотреть разинув рот.

На что ж так мир богат и разновиден?
И для того ль везде природа льет
Обилие, чтоб только делать вред? —
Величеству ее сей суд обиден.
Поверь, мой друг, весь этот мудрый шум
Между людей с досады сделал ум.
И если б мы ему дались на волю,
Терпели бы с зверями равну долю;
Не смели бы возвесть на небо взор,
Питались бы кореньями сырыми,
Ходили бы нагими и босыми
И жили бы внутри глубоких нор.

Какие мы ни видим перемены
В художествах, в науках, в ремеслах,
Всему виной корысть, любовь иль страх,
А не запачканны бесстрастны Диогены.

На что б вино и ткани дальних стран?
На что бы нам огромные палаты,
Коль были бы, мой друг, мы все Сократы?
На что бы плыть за грозный океан,
Торговлею соединять народы?
А если бы не плыть нам через воды,
С Уранией на что б знакомство нам?
К чему бы нам служили все науки?
Ужли на то, чтоб жить поджавши руки,
Как встарь живал наш праотец Адам?

Под деревом в шалашике убогом,
С праматерью не пекся он о многом.
Виньол ему не строивал палат,
Он под ноги не стлал ковров персидских,
Ни жемчугов не нашивал бурмитских,
Не иссекал он яшму иль агат
На пышные кубки для вин превкусных;
Не знал он резьб, альфресков, позолот
И по стенам не выставлял работ
Рафаэлов и Рубенсов искусных.
Восточных он не нашивал парчей;

Когда к нему ночь темна приходила,
Свечами он не заменял светила,
Не превращал в дни ясные ночей.
Обедывал он просто, без приборов,
И не едал с фаянсов иль фарфоров.
Когда из туч осенний дождь ливал,
Под кожами зуб об зуб он стучал
И, щурясь на пасмурность природы,
Пережидал конца дурной погоды,
Иль в ближний лес, за легким тростником,
Ходил нагой и, верно, босиком;
Потом расклав хворостнику беремя,
Он сиживал с женой у огонька,
И проводил свое на свете время
В шалашике не лучше Калмыка.
Все для него равно на свете было,
Ничто его на свете не манило;
Так что ж его на свете веселило?

А все-таки золотят этот век,
Когда труды природы даром брали,
Когда ее вещам цены не знали,
Когда как скот, так пасся человек.
Поверь же мне, поверь, мой друг любезный,
Что наш златой, а тот был век железный
И что тогда лишь люди стали жить,
Когда стал ум страстям людей служить.
Тогда пути небесны нам открылись,
Художества, науки водворились;
Тогда корысть пустилась за моря
И в ней весь мир избрал себе царя.
Тщеславие родило Александров,
Гальенов страх, насмешливость Менандров;
Среди морей явились корабли;
Среди полей богатыри-полканы.
Там башни вдруг, как будто великаны,
Встряхнулися и встали из земли,
Чтоб вдаль блистать верхами золотыми.
Расстались с зверями люди злыми
И нужды, в них роями разродясь,

Со прихотьми умножили их связь:
Солдату стал во брани нужен Кесарь,
Больному врач, скупому добрый слесарь.
Страсть к роскоши связала крепче мир;
С востока к нам шолк, яхонты, рубины,
С полудня шлют сыры, закуски, вины,
Сибирь дает меха, агат, порфир,
Китай чаи, Левант нам кофе ставит;
Там сахару гора чрез океан,
В Европу мчась, валы седые давит.

Искусников со всех мы кличем стран.
Упомнишь ли их всех, моя ты Муза?
Хотим ли есть? — Дай повара француза,
Британца дай нам школить лошадей;
Женился ли, и бог дает детей?
Им в нянюшки мы ищем англичанку.
Для оперы поставь нам италианку;
Джонсон — обуй, *Дюфо* — всчеши нам лоб;
Умрем, и тут — дай немца сделать гроб.

Различных стран изделия везутся,
Меняются, дарятся, продаются;
Край света плыть за ними нужды нет!
Я вкруг себя зрю вкратце целый свет.
Тут легка шаль персидска взор пленяет,
И белу грудь от ветра охраняет;
Там английской кареты щегольской
Чуть слышен стук летя по мостовой.
Все движется и все живет меной,
В которой нам указчик первый страсти.
Где ни взгляну, торговлю вижу я;
Дальнейшие знакомятся края:
Знакомщик их причуды, роскошь, сласти.
Ты скажешь мне: — но редкие умы? —
Постой! Возьмем людей великих мы;
Что было их душею? Алчность славы
И страсть, чтоб их делам весь ахал мир.
Там с музами божественный Омир,
Гораций там для шуток и забавы,

Там Апеллес вливает душу в холст,
Там Пракситель одушевляет камень,
Который был нескладен, груб и толст,
А он резцом зажег в нем жизни пламень.
Чтоб приобресть внимание людей,
На трех струнах поет богов Орфей,
А Диоген нагой садится в кадку.—
Не деньги им, так слава дорога,
Но попусту не делать ни шага
Одну и ту ж имеют все повадку.

У мудрецов возьми лишь славу прочь,
Скажи, что их покроет вечна ночь,
Умолкнут все Платоны, Аристоты,
И в школах в миг затворятся вороты.
Но страсти им движение дают:
Держася их, в храм славы все идут;
Держася их, людей не редко мучат;
Держася их, добру их много учат.

Чтоб заключить в коротких мне словах,
Вот что, мой друг, скажу я о страстях:
Они ведут: науки к совершенству,
Глупца ко злу, философа к блаженству.
Хорош сей мир, хорош; но без страстей
Он кораблю б был равен без снастей.

ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ ЖЕЛАНИЙ

Наскуча век желаньями терзаться,
Препятством чтя их к благу моему,
Сжал сердце я и волю дал уму,
Чтобы от них навеки отвязаться.

Все суета — так пишет Соломон;
Хоть ныне мы ученей древних стали,
Но и они не все же вздор болтали —
Так, думал я, едва не прав ли он.
Все суета, все вещи точно равны —
Желанье лишь им цену наддает,
Иль их в число дурных вещей кладет,
Хотя одни других не боле славны.
Чем худ кремень? чем дорог так алмаз?
Коль скажут мне, что он блестит для глаз —
Блестит и лед не менее под-час.
Так скажут мне: поскольку вещи редки,
Постольку им и цены будут едки.
Опять не то — здесь римска грязь редка;
Она лишь к нам на их медалях входит;
Но ей никто торговли не заводит,
И римска грязь — как наша грязь, гадка.
Редка их грязь — но римские антики
Не по грязи ценой велики;
Так, стало, тут оценщик есть другой, —
Желанье? Да, оно — никто иной,
И, верьте мне, оценщик предурной.
Ему-то мы привыкнув слепо верить,
Привыкли все его аршином мерить;
Оно-то свет на свой рисует лад;
Оно-то есть томящий сердце яд.

На эту мысль попав как на булавку,
Желаньям всем я тотчас дал отставку.
Казалося, во мне остыла кровь:
Прощай, чины, и слава, и любовь.
Пленясь моих высоких дум покроем,
Все вещи я своим поставил строем,
И мыслил так: все счастья вдалеке
Пленяют нас; вблизи все скоро скучит;
Так все равно (не ясно ль это учит?),
Что быть в венце, что просто в колпаке;
Что быть творцом прекрасной Энеиды,
От нежных муз почтенье заслужить,
Князей, царей и царства пережить;
Что быть писцом прежалкой героиды,
Иль, сократя высоких дум расход,
Писать слегка про свой лишь обиход;
Что на полях трофеи славны ставить,
С Румянцевым, с Каменским там греметь;
Отнять язык у зависти уметь
И ненависть хвалить себя заставить;
Что, обуздав военный, пылкий дух,
Щадя людей, бить, дома сидя, мух.

Пускай же свет вертится так, как хочет;
Пускай один из славы век хлопочет,
Другой, копя с червонцами мешки,
На ордена, на знать не пяля глаза,
Одним куском быть хочет сыт два раза
И прячет рай за крепкие замки:
Все это — вздор, мечтанье, пустяки!

Не лучше ли своих нам нужд не множить,
Спокойно жить и света не тревожить?
Чем мене нужд, тем мене зла придет;
Чем мене нужд, тем будет счастья боле;
А нужды все желанье нам дает.
Так, стало, зла умалить в нашей воле.
Так точно! ключ от рая я сыскал,
Сказал — и вдруг желать я перестал.

Противник чувств, лишь разуму послушен,
Ко всем вещам стал хладен, равнодушен;
Не стало нужд; утихли страсти вдруг;
Надежда, мой старинный, верный друг,
В груди моей себе не видя дела,
Другим сулить утехи полетела;
Обнявшись с ней, ушли улыбки в след —
И кровь моя преобратилась в лед.
Все скучно мне и все постыло стало;
Ничто во мне желанья не рождало.
Без горести, без скуки я терял;
Без радости я вновь приобретал;
Равно встречал потери и успехи;
Оставили меня и грусть и смехи;
Из глаз вещей пропали дурноты,
Но с ними их пропали красоты —
И, тени снять желая прочь с картины,
Оставил я бездушный вид холстины.
Или, ясней — принявши за закон
Что в старину говаривал Зенон,
Не к счастию в палаты я ворвался,
Не рай вкусил; но заживо скончался —
И с трех зарей нечувствовать устал.
Нет, нет! вскричат: он точно рай сыскал —
И, что чудней, на небо не взлетая.
А я скажу, что это мысль пустая.
Коль это рай, так смело я стою,
Что мы в аду, а камни все в раю.

Нет, нет, не то нам надобно блаженство;
С желанием на свет мы рождены.
На что же ум и чувства нам даны?
Уметь желать — вот счастья совершенство!
К тому ль дан слух, чтобы глухими быть?
На то ль язык, чтоб вечно быть немыми?
На то ль глаза, чтобы не видеть ими?
На то ль сердца, чтоб ими не любить?

Умей желать и доставай прилежно:
С трудом всегда приятней приобресть;

Умей труды не даром ты понесть —
Дурачество желать лишь безнадежно.
Препятство злом напрасно мы зовем;
Цена вещей для нас лишь только в нем:
Препятством в нас желанье возрастает;
Препятством вещь сильней для нас блистает.
Нет счастья нам, коль нет к нему помех;
Не будет скук, не будет и утех.
Не тот счастлив, кто счастьем обладает:
Счастлив лишь тот, кто счастья ожидает.

Послушайте, я этот рай узнал;
Я камнем стал, и три дня не желал;
Но целый век подобного покою
Я не сравню с минутою одною,
Когда мне, сквозь несчастья мрачных туч,
Блистал в глаза надежды лестный луч, —
Когда, любя прекрасную Анюту,
Меж страхами и меж надежды жил.
Ах, если б льзя, я б веком заплатил
Надежды сей не год, не час — минуту!

Прочь, школами прославленный покой,
Природы враг и смерти брат родной!
Из сердца вон — и жди меня во гробе!

Проснитесь вновь, желанья, вы во мне!
Явись при них скорей надежда мила!
Так — только в вас и важность и вся сила:
Блаженство дать вы можете одне.

Пусть мудрецы системы счастья пишут:
Все мысли их лишь гордостию дышут.
Начто сердцам пустой давать закон,
Коль темен им и бесполезен он?
Системы их не выучишь в три века;
Они ведут к бесплодным лишь трудам.
А я, друзья, скажу короче вам:
Желать и ждать — вот счастье человека.

ТРИ ПОЦЕЛУЯ

В осенний темный вечер,
Прижавшись на диване,
Сквозь легкий сон я слушал,
Как ветры бушевали;
Вот вдруг ко мне подкрались
Три девушки прекрасны:
Какую бы с ним шутку
Сыграть? — они шептали:
Прекрасную сыграем, —
Одна из них сказала —
Но прежде мы посмотрим,
Довольно ль спит он крепко:
Пусть каждая тихонько
Сонливца поцелует,
И если не проснется,
Я знаю, что с ним делать. —
Тут каждая тихонько
Меня поцеловала
И что ж! — Какое чудо!
Куда осенний холод,
Куда и осень делась?
Мне точно показалось
Что вновь весна настала,
И стал опять я молод!

Гостиная в доме А. Н. Оленина в Приютине

АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ ОЛЕНИНУ

при доставлении последнего издания басен

Прими, мой добрый Меценат,
Дар благодарности моей и уваженья.
Хоть в наш блестящий век, я слышал, говорят,
Что благодарность есть лишь чувство униженья;
Хоть, может быть, иным я странен покажусь,
Но благодарным быть никак я не стыжусь.
И в простоте сердечной
Готов всегда и всем сказать, что, на меня
Щедрот монарших луч склоня,
Ленивой Музе и беспечной
Моей ты крылья подвязал.
И может, без тебя б мой слабый дар завял
Безвестен, без плода, без цвета
И я бы умер весь для света.
Но ныне, если смерть мою переживу,
Кого, коль не тебя, виной в том назову?
При мысли сей, мое живее сердце бьется.
Прими ж мой скромный дар теперь
И верь,
Что благодарностью, не лестью он дается.

18 апреля 1826

ВТОРОЙ ОТДЕЛ

В ладони хлопая, кричат согласно: *mame!*
Но сколь немного жен есть верных, знает свет;
Не на Лукрецию и наш нашел поэт.
Он видит это сам. Поступки Тараторы
Между приятелей ее заводят ссоры.
Чтоб отомстить за то, чего не мог сберечь,
Хоть одного из них он хочет подстеречь;
Желанны дни пришли! он видит очень ясно,
Что он себя считал в рогатых не напрасно.
Изменница! — кричит, — того ль достоин я!
Увы! где делась честь! где слава вся моя!
Жена в ответ ему: для этой самой славы
Немного рушу я супружески уставы;
С партером перервать я твой хотела спор,
Где вечно на тебя всемирный заговор;
Завистников тебе, ты знаешь, там не мало:
Но ныне тщанием моим их мене стало.
Я многие тебе достала голоса. —
Любезная жена! ты строишь чудеса! —
Вскричал поэт; — так будь моим ты Аполлоном,
И лавры мне плети; в рогах я не с уроном;
В них выгоды себе я вижу лишь одни;
ем боле голосов, чем боле мне родни. . .

* * *

Что в древни времена был Рим,
Чем славились Египет, Греки,
То возрожденным в наши веки
Мы в сей одной державе зрим.
Граждан уставы не жестоки,
У них лишь связаны пороки,
Неволи нет, хотя есть трон:
У них есть царь, но есть закон.
Минерва, правя в сих местах,
Рабов не ищет малодушных;
Но хочет лишь детей послушных,
Вперя к себе любовь, не страх.
Во гневе гром ее ужасен,
Но он врагам одним опасен,

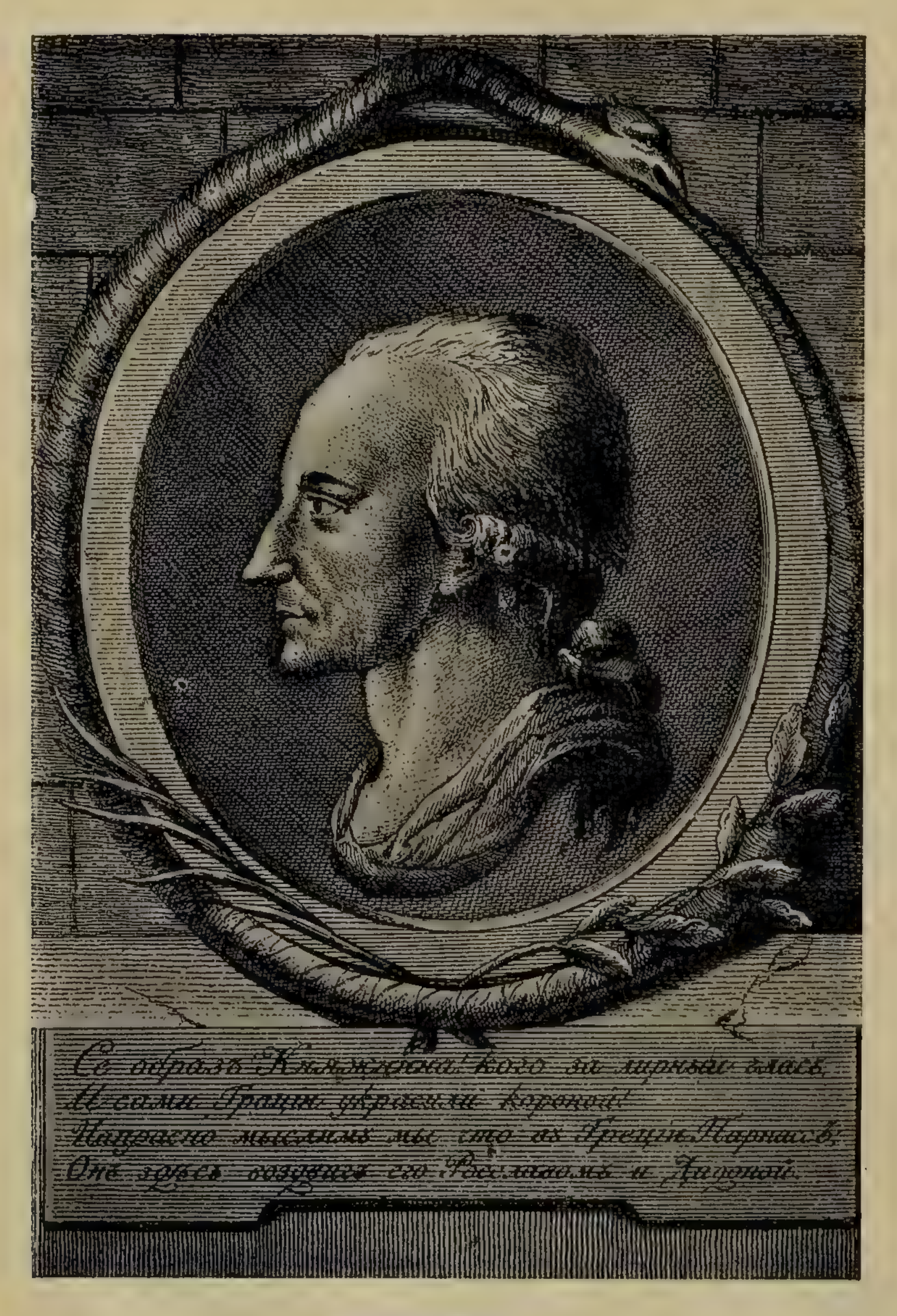
Им мышцы льва ослаблены,
И ломятся рога луны;
Она не гонит и наук,
Не дремлет, видя их, от скуки:
И можно ль гнать тому науки,
Кто девушкам Парнасским друг?
Кто с резвой Талиею стрелы
В привычки мещет загрубелы,
Чтобы из нравов то извлечь,
Что слаб один закон пресечь.
В счастливой этой стороне
Суды воюют с преступленьем;
Но со страстьми и заблужденьем
Одни писатели в войне.
Невинности для обороны
И, злобе в страх, цветут законы:
Расправа есть и шалунам,
Театры глупых учат там.
В такой цветя счастливой доле,
В лучах Фемисы и наук
Не знают там, что быть в неволе,
Есть способы отбыть от скук:
И льзя ль страдать в том обитанье,
Где есть порокам наказанье,
Где осмеянья ждет глупец,
А лавра — воин и мудрец.

[А. И. КЛУШИНУ]

Залогом дружества прими Фонтена ты:
И пусть оно в сердцах тогда у нас увянет,
Когда бог ясных дней светить наш мир престанет
Или Фонтеновы затмит кто красоты.

* * *

Мой критик, ты чутьем прославиться хотел,
Но ты и тут в просак попался:
Ты говоришь, что мой герой....
Ан нет, брат, он:...


Се образъ Княжнина, кого за мирный гласъ,
И сами Грации украсили короной:
Напрасно мыслимъ мы, что въ Грецiи Парнасъ;
Онъ здѣсь воздвигнутъ его Росславомъ и Дидоной.

Я. Б. Княжнин

[ЭПИГРАММА

НА ПЕРЕВОД ПОЭМЫ «L'art poétique»

«Ты ль это, Буало?.. Какой смешной наряд?
Тебя узнать нельзя: совсем переменился!»
— Молчи! Нарочно я Графовым нарядился;
Сбираюсь в маскерад.

[Е. П. ПОЛТОРАЦКОЙ]

За милую прелестну кружку,
Которой отвожу свою от жажды душку,
С которой только что не сплю
И так люблю,
Как маленький дитя игрушку.

[П. Н. ЛЬВОВОЙ]

Счастливы басенки мои в руках твоих,
Люби и жалуй их,
И если иногда стихи мои не гладки,
Читая их в кругу друзей под вечерок,
Улыбкою своей ты скрадь их недостатки;
И слабые стихи в устах красавиц сладки —
Так мил нам на груди у них простой цветок.

* * *

Полезен ли другим о басне сей урок —
Не знаю, а творцу бедняжке он не в прок!

ЭПИГРАММА РЕЦЕНЗЕНТУ ПОЭМЫ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Напрасно говорят, что критика легка.
Я критику читал «Руслана и Людмилы»:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка!

[ОТРЫВОК ИЗ «ОДИССЕИ»]

Мужа поведай мне, муза, мудрого странствия многи,
Им понесенны, когда был священный Пергам испровергнут.
Много он видел градов и обычаев разных народов;
Много, носясь по морям, претерпел сокрушений сердечных,
Пекшися всею душей о своем и друзей возвращенье.
Но не спас он друзей и сподвижников, сколько ни пекся.
Сами они от себя и своим безрассудством погибли
Буйные! — Тучных волов они высокого солнца
Пожрали — он навек обрек их не видеть отчизны.
Ты, богиня, и Диева дщерь, нам все то поведай.
Все уж иные, кого не постигла горькая гибель,
В домы свои возвратились, войны избежавши и моря.
Он лишь один, по отчизне тоскуя и верной супруге,
Властью удержан был сильной, божественной нимфы
Калипсы.
В утлых прекрасных пещерах — она с ним уз брачных
желала.
Год же когда совершился и новое лето настало,
Боги тогда присудили в отчизну ему возвратиться
В область Итаку — и тут не избегли трудов и злосчастий
Он и дружина его; боги все к нему умилились.
Только Посейдон один гневен жестоко был к Одиссею,
Мужу божественну, доколь не вступил он на землю.
Но тогда был Посейдон далеко в стране ефиопов.
Два ефиопских народа земли на концах обитают.
Тамо, где солнце восходит, и там, где солнце нисходит,
Жертвами тучных волов и богатой стотельчною жертвой
Он от них услаждался — боги же купно другие
Были тогда на Олимпе, в чертогах могущего Дия.

[В. П. УШАКОВОЙ]

Варвара Павловна!
Обласканный не по заслугам,
И вам и вашим всем подругам
Крылов из кельи шлет поклон,
Где мухою укушен он.

Сидит раздут как купидон —
Но не пафосский и не критский,
А иль татарский иль калмыцкий.
Что ж делать?.. надобно терпеть!..
Но чтоб у боли сбавить силы,
Нельзя ль меня вам пожалеть?..
Вы так добры, любезны, милы; —
Нельзя ль уговорить подруг,
Чтоб вспомнить бедного Крылова,
Когда дессерт пойдет вокруг?..
Поверьте, он из ваших рук,
Лекарством будет для больного.

* * *

Ест Федька с водкой редьку,
Ест водка с редькой Федьку.

ЭПИТАФИЯ

Как утром на цветах весенняя роса,
Едва она на сей земле блеснула,
С улыбкою на здешний мир взглянула
И вознеслась к себе на небеса.

* * *

Про девушку меня идет худая слава,
Что будто я весьма дурного права
И будто вся моя забава
Людей расценивать и на смех подымать. —
Коль правду говорить, молва такая права:
Люблю, где случай есть, пороки пощипать.
(Все лучше-таки их немножко унимать.)
Однако ж здесь, я сколько ни глядела,
Придраться не к чему, а это жаль — без дела,
Я право уж боюсь, чтоб я не потолстела.
Какое ж диво в том? —
Для добрых только ваш гостеприимен дом,

И вы одним своим небесным взором
Прочь гоните порок со всем его прибором.
Так вижу только я здесь радость, игры, смех;
А это не порок, спросите хоть у всех.
К чему ж мне попусту на ссору накупаться
И злые выпускать стихи?
Нет, нет, пора уняться;
А то еще меня осудят женихи
И придет век мне в девушках остаться.
Брюзжала я — теперь хочу налюбоваться,
Что есть завидная семья,
Великая и славою и властью,
И в ней приют семейственному счастью.
Так: на нее любуясь, я
Живущим в хижине сказала б справедливо:
Живите как живут в семье прекрасной сей;
И даже в хижине своей
Вы рай увидите и будете счастливы.

* * *

Мой друг, когда бы был ты бог,
Ты б глупости такой сказать не мог.

* * *

По части кравческой, о царь, мне речь позволь
И то, чего тебе желаю,
И то, о чем я умоляю,
Не морщась выслушать изволь.
Желаю, наш отец, тебе я апетита,
Чтоб на день раз хоть пять ты кушал бы досыта,
А там бы спал, да почивал,
Да снова кушать бы вставал.
Вот жить здоровая манера!
С ней к году — за то я, кравчий твой берусь —
Ты будешь уж не боб, а будешь царь-арбуз!
Отец наш! не бери ты с тех царей примера,
Которые не лакомо едят,

За подданных не спят
И только лишь того и смотрят и глядят,
Чтоб были все у них довольны и счастливы:
Но рассуди премудро сам,
Что за житье с такой заботой пополам;
И, бедным кравчим, нам
Какой тут ждать себе наживы?
Тогда хоть брось все наше ремесло.
Нет, не того бы мне хотелось.
Я всякий день молюсь тепло,
Чтобы тебе, отец, пилось бы лишь да елось,
А дело бы на ум не шло.

[ЭПИТАФИЯ Е. М. ОЛЕНИНОЙ]

Супруга нежная и друг своих детей,
Да успокоится она от жизни сей
В бессмертьи, там, где нет ни слез, ни воздыханья,
Оставя по себе тоску семье своей
И сладостные вспоминанья!

* * *

Убогий етот дом Василей Климыч Злов
С большим раченьем
Своим построил иждивеньем.
И нищие в дому его же все трудов.

* * *

Вот вам стихи!
Не кушайте ухи,
А кушайте жаркое
Иль что-нибудь другое.
Затем покорный ваш слуга
И гнусь пред вами, как дуга.

ЭПИГРАММА

Федул твердит, что Фока плут
Его позорит и ругает;
Но я не вижу толку тут:
Кто уголь сажею марает?

ТРЕТИЙ ОТДЕЛ

ПОДЩИПА

ШУТО-ТРАГЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ, В СТИХАХ

Действующие лица:

Царь Вакула.
Царевна Подщипа, его дочь.
Трумф, немецкий принц.
Слюняй, князь, жених Подщипы.
Дурдуран, гофмаршал двора царя Вакулы.
Чернавка, наперсница Подщипы.
Паж царя Вакулы.
Цыганка.
Бояре, члены Совета царя Вакулы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Подщипа и Чернавка

Чернавка

Престанете ль, княжна, крушиться столько вы,
И молодость губить?

Подщипа

Увы! Увы!! Увы!!!

Чернавка

Ах! сжальтесь над собой! и так уж вы, как спичка,
И с горя в неглиже, одеты как чумичка:
Не умываетесь, я чаю, дней вы шесть,
Не чешетесь, ни пить не просите, ни есть.
Склонитесь наконец меня, княжна, послушать:
Извольте вы хотя телячью ножку скушать.

Подщипа

Чернавка милая! петиту нет совсем;
Ну, что за прибыль есть, коль я без вкуса ем?
Сегодня поутру, и то совсем без смаку,
Насилу съесть могла с сигом я кулебяку.
Ах! в горести моей до пищи ль мне теперь!
Ломает грусть меня, как агнца лютый зверь.

Чернавка

Лишь меру надо знать. Увы! и я не спорю,
Что много есть для вас причин законных к горю
С тех пор, как Трумф немчин, красой твоей пленясь,
Проклятых свах заслал и, за отказ взбесясь,
А более за то, что любишь ты Слюняя,
Вошел войною к нам, все грабя и пленяя;
Премудрый твой отец Вакула, светлый царь,
В Сенате будучи, спускал тогда кубарь,
Когда о близкой толь беде ему сказали.
Все меры приняты: указом приказали,
Чтоб шить на армию фуфайки, сапоги
И чтоб пекли скорей к походу пироги.
По лавкам в тот же час за тактикой послали,
Намазали тупей, подкоски подвязали,
Из старых скатертей наделали знамен,
И целый был постав блинами завален.
Но ах! уж поздно все! Трумф под город пробрался,
Как вихрь в полях взвился и в город он ворвался.
Ах! сколько видела тогда я с нами бед!
У нас из-под носу сожрал он наш обед,
Повыбил окна все; из наших генералов
Наделал он себе конюших да капралов,
По бешеным домам министров рассадил,
Всем графам да князьям затылки подобрил,
И ах! — как не пришиб его святой Никола!
Он бедного царя пинком спихнул с престола!
Что делать в крайности и гибели такой?
Вакула наконец спастись хотел тобой
И немцу вдруг твою он руку предлагает.
Любовь и зверские сердца превозмогает!

Согласен Трумф за то корону возвратить,
И к свадьбе пиво он скорей велел варить.

Подщипа

А бедный князь Слюняй, с его жестокой страстью,
Колико поражон такою стал напастью!
Увы! из детских я к нему привыкла лет,
И с ним заветного у нас друг другу нет.
Как вспомнить я могу без слез его все ласки,
Щипки, пинки, рывки и самые потаски!
Делили все мы с ним забавы меж собой:
Катанья в масляну, качели о святой;
Друг без друга, увы! мы в жмурки не играли
И вместе огурцы по огородам крали...
А ныне, ах! за весь его любовный жар
Готовится ему несносный столь удар!!!

Чернавка

Не спорю, что его опасно то здоровью:
Как резом в животе, он мучится любовью;
Но если спасть должна ты царство и отца,
Княжна! поступком сим ты все пленишь сердца,
И скажут все, что ты героев всех не ниже.

Подщипа

Да, да, рассказывай: рубашка к телу ближе.

Явление 2

Те же и Дурдуран *(с каплуном в руках)*

Дурдуран *(кланяясь низко)*

Княжна! родительский узнай к тебе приказ,
И будь готова ты венчаться через час.
Сейчас лишь каплуна я сам купил на рынке
И нанял на вечер гудок да две волынки.

Подщипа

Что слышу!.. Ой, умру!.. ой, тошно!.. ой, живот!..
(Упадает в кресло)

Чернавка

Страшусь! она себя с печали надорвет!

Дурдуран

Я знаю всей ее великой жертвы цену...
Понюхать бы дала царевне ты хоть хрену.

Чернавка

О бедная княжна! злосчастная любовь!
Хотя б рожечную скорей пустить ей кровь.

Дурдуран *(ощупывая княжну)*

Смотри: копна-копной, не можно с места сдвинуть.
Не лучше ль на живот горшка ей два накинуть?

Подщипа *(несколько опамятовавшись)*

Где я?.. Скажите мне: теперя ночь иль день?

Чернавка

Царевна, что у вас?

Подщипа

Вапёры да мигрень.

Дурдуран

Скрепитесь, о княжна! и давши Трумфу руку...

Подщипа

Нет, нет! не вытерплю такую злую муку!
Зарежусь, утоплюсь...

Чернавка

Опомнитесь, княжна!

(Дурдурану)

Ну, если в подлинну утопится она?

Дурдуран

Царь все предвидел то и, страхом отчим движим,
Велел ей пузыри носить на место фижем,

Чтоб, если кинется в реку, наверх ей всплыть;
А за столом велел лишь жеванным кормить,
Да чтоб, спустя чулки, ходила без подвязок...
Но пропадайте вы! Мне с вами не до сказок!
Мне ныне случай есть явить весь разум мой:
Кухарка, чай, давно в стряпушьей ждет за мной.
А чтоб гофмаршальский мой сан достойно справить,
На кухню каплуна я сам бегу доставить

(Уходит)

Подщипа

Не сон ли это все?—Не брежу ль я?..

Чернавка

Ах, нет!
Но укрепись, княжна! се твой жених грядет!

Подщипа *(вставши)*

О царский сан! ты мне противней горькой редьки!
Почто, увы! не дочь конюшего я Федьки!

Явление 3

Те же и Трумф

Трумф

Старофа ль, анкель мой! прелесна мой княшон!
Для плапалушна шас, кахта мой пудешь жон,
Мой ноши весь не спит и серса польна сшотся;
Прелесна тфой фикур на мой туша шифется.
Курит ли трупка мой, — из трупка тфой пихтишь.
Или мой кафе пил, — тфой в шашешка сидишь;
Фезте мой фидиг тфой — на поля и на пушка,
И кочет auf ein Mal уфидеть на патушка,
Карона, скиптра, трон и слафа растелить
И фместе на слатей из пушешка палить.

Подщипа

Конечно, государь! мне много б было славы!
Но вспомни, что у нас совсем различны нравы:
Ты любишь устрицы, а я их не терплю;

Противны сочни вам, а я их смерть люблю;
Привык ты на войне сносить и жар и холод,
И к пище всякой там тебя привадит голод;
А я лишь выборный люблю везде кусок:
Петушьи гребешки, у курочки пупок;
Ты всяку дрянь рад есть, находишь вкус в лягушках,
А я у матушки взросла лишь на ватрушках;
Ты храбр, но с нежностью и вкусом не знаком,
И за версту, о князь, воняешь табаком.
Помысли ж, каково мне быть твоей женою,
Подумай, — государь, — и сжалься надо мною.

Трумф

Фай! што тут шалиться нам путет жить утешна.
Кахта на цепки нас Амур сафяшет фешна:
Из крушешка отна мы путем пифа пиль,
Из трупошка отна тапах с тапой куриль;
Не путет мала твой ни домик, ни палатка,
Ни платьиса пахат, ни санка, ни лошатка;
Все это путит дал. Не тушь, mein Herz, не тушь!
Шесна пароль тебе: мой путет топра муш.

Подщипа

Нет, нет, о государь! не льсти себя напрасно!
Боюсь, с тобою мне супружество ужасно!

Трумф

Паись со мной? кафо? — На всех стреляй фелит!
Не пось! не там тепе, красафис мой, ф опит;
На карнафаль к тепе подсунься лишь тетинка,
Мой псарь тотшас тафай он фухтеля на спинка.
Мой стелай, чтоб нихто на твой не смел клядить,
И в спальна сарска к нам нихто не смей кадить:
Ни графа, ни министр, ни сама генерала,
Отна фельдфебель мой und два иль три капрала.

Подщипа

Я музыку люблю.

Трумф

О мусык слафна наш!
На кларинет тепе икрай я путит марш;
Два тонка флейтошка, да тольста два тимпана,
Симфонья на опет нам стелай с парапана.

Подщипа

До танцев страстна я.

Трумф

Мой путет бал тафал,
И станет пил тафо, кто не буль тансофал.
Мой люпит фесел шить: скакать, плясать, ресфиться,
И палькой на дворца сконяит веселиться.

Подщипа

Я не люблю тебя, мне вид противен твой!

Трумф

Не люпишь?.. Этофа стерпел не мошна мой!
Протифна Трумф?.. фай, фай! такая поруканья
Тастойна саслушить тешола накасанья.
Некотна тефка! твой протифен мой фикур,
Кохта сфетлейша ей принцеса телай кур!
Мой снает фсе: Слюняй тфои так мысли латит;
Но мерска сей рифаль я в мик на кол посатит.
Смотри, я не шути, кохта пуфай сертит.
Люпи мене, коль пил не хочешь польна пит!
Рукаться на мене!.. Не там тепе поташка;
Коль быль не хочешь шон, так мой ты путешь прашка!

Подщипа

Тиран! не устрашишь ты сердце тем мое:
В моем несчастьи мне сноснее мыть белье,
Когда бы только князь Слюняй носил мне воду,
Чем быть супругою столь скверному уроду.

Трумф

Der Teufel... я урот?.. Стерпел нет больше мошь!
Ну фот заплат са фесь моя люповь!.. Карош!

Мольши! на корот стесь пе путет шиф ни тушка:
Сей-шас пошел фелеть на фсех стреляй из пушка.

(Уходит)

Подщипа

Ступай, тиран! твоих я ядер не боюсь,
О князе бедном лишь своем слезами льюсь!

Явление 4

Подщипа, Чернавка и Слюняй

Слюняй *(крадется тихонько из-за кулис)*

Князьня! усой-и он? Ну, бьят, какой сейдитой?
Он съядит хоть бы с кем, хоть с куцейем Никитой.
Пьеестная! как я боялся за тебя,
Уз так за двейю там езем я сзяй себя.
Ну так и думаю: убьет ее до смейти.
На-сию побьяи его отсюда цейти!

Подщипа

Чтоб сделал ты, мой князь?

Слюняй

Ну, так бы и завый!
Без миенькой князны куда б я годен бый?

Подщипа

Ужели б сим мечом ты не сразил злодея?
Скажи, любезный князь, утешь меня скорея!

Слюняй

Да, да! подсунься-ка к его ты паясу:
Вить деевяниую я спагу-то носу.

Чернавка

Возможно ль, государь?

Слюняй

А как бы ты хотея?
Мне матуска носить зеезной не веея.

Чернавка

Но если, князь, на вас напасть дерзнул бы кто...

Подщипа

Скажи, чем спасся б ты?

Слюняй

А ноги-то на сто?
Не бось, как дам стьецка, так поминай как зван!

Подщипа

Увы, любезный князь! с тобою мы пропали.

Слюняй

Ой! как мне быть, как ты с дьюгим пойдесь к венцу!
Я так юбью тебя... ну пусце еденцу.
Ты знаесь, миня, моей веикость стьясти;
Подумай, как бы нам спастися от напасти.
Кой выйдесь за него, — не быть со мной добью.

Подщипа

От нажимации одной лишь я умру.
Чернавка милая! беги, беги скорее —
Сказать родителю, что жизнь мне смерти злее,
Когда с Слюняем я любезным разлучусь,
Что вечно Трумфовой я быть не соглашусь;
Скажи родителю, чтоб он со мной скорле
Увиделся сей час тихонько, хоть в сарае,
Чтоб нам придумать, как немчина обмануть
И голову ему, как петуху, свернуть.
Беги, лети к нему!

Чернавка

Бегу, но все напрасно!

(Уходит)

Явление 5

Те же, кроме Черпавки

Подщипа

Так, так! напрасно все! и я то вижу ясно.
Но есть еще одно прибежище у нас,
И смерть от хищника спасет нас сей же час.
Скажи, мой князь, в любви ты мне не лицемеришь?

Слюняй

Хоть пьисягнуть готов! Узьи ты мне не веишь?

Подщипа

Готов ли вместе ты со мною умереть?

Слюняй

Позяюй!

Подщипа

Вместе нам приятна будет смерть.
Пойдем же, бросимся сейчас стремглав в окошко
И сломим головы.

(Тащит его за руку)

Слюняй

Постой, постой немноськo!
Отсей вить высоко. Позаюй, бьёсюсь я,
Но тойко, знаесь сто: из пизнего зийя.

Подщипа

Я вижу: смерти род такой тебе ужасен.
Но менее ль, скажи, злодей для нас опасен?
Вить умирать же нам, а может нас убьют.
Пойдем же, бросимся с тобою вместе в пруд,
И Трумфу нашему тем досадим злодею.

Слюняй

Позяюй, — только я вить пьявать не умею.

Подщипа

Жестокий! робостью ты бед моих не множь!
Ну, хочешь ли: вот я украла в кухне нож...

Зарежемся!.. Мы тем от бед себя избавим,
И наши имена навек с тобой прославим!

Слюняй

Извой.

Подщипа (*подавая ему нож*)

Начни ж.

Слюняй

Гьяди.

Подщипа

Увы! я вся дрожу!

Слюняй (*отдавая нож*)

Князна! заезься ты, я пьезде погьяжу.

Подщипа

О варвар! так-то ты в любви своей мне клялся?
Где нежность вся твоя, где пламень твой девался?
Прочь, прочь! я более тебя уж не люблю,
И вида твоего, Слюнявый, не терплю!
Прощай!.. быть нежным ввек ты счастия не вкусишь.
Прямой Слюняй, когда зарезаться ты трусишь.

(*Уходит*)

Явление 6

Слюняй один

Слюняй

Да, видись, бьят! насья, небось, ты дуяка!
Заезься-ка сама, кои юка егка.
И я не пьёмах вить, меня ты не обманешь.
Чейкн уться дойго-и, а после и не встанешь.
Нет, сто ни говои, я смейти не юбью,
Хотя от миенькой и гнев за то тейпью:
Но посье помнюсь, пьивьюся, пьияскаюсь,
И сто я зить хочу, ей истинно пьизнаюсь.
Ну, пьяво, как она ни спой себе со мной,
А все-таки вить я — утеснее зивой.

Явление 7

Слюняй, Вакула, Дурдуран, паж с кубарем, вельможи

Вакула

А, слышь ты, господа! мы стол велим поставить,
Чтоб царский мой совет как надобно исправить,
Да, слышь, подумаем.

Дурдуран

Скорей внесите стол.
Боюсь лишь, чтоб немчин нас не всадил на кол.

Вакула

Нет, в рынок он пошел теперь за башмаками,
Чтоб, слышь ты, танцовать ужо на бале с нами;
А у меня меж тем подкуплен уж звонарь...

Паж

Велите ли себе спустить теперь кубарь?

Вакула

Тотчас, слышь, погоди! Ну, слышь, чтоб с колокольни
Звонарь, как сыч, смотрел на все места окольни
И дал бы знать, когда воротится немчин.
Молчи: мы, слышь, ему сготовим добрый блин.
Садитесь же.

(Все садятся. Вакула берет первое место)

Ну, вот, бояре, в чем все дело:
Нас семя вражье здесь немчинско одолело;
Вить, слышь, сказать — так стыд, а утаить — так грех:
Я, царь, и вы, вся знать, — мы курам стали в смех.
Нам, слышь, по улицам ребята все смеются;
Везде за нами гвалт — бес знает, где берутся!
Частехонько — ну срам! — немчина веселя,
Под царский, слышь ты, зад дают мне киселя.
Сам Трумф, ругаться вам став заражен повадкой,
Слышь, всем велит носить кафтаны вверх подкладкой,
И уж задумал, слышь, содрать с вас парики,
Чтоб лошадям своим свалять их в потники.

Так, знашь, нельзя ль самим содрать с него нам кожу,
Иль, слышь, хоть, отманя к сторонке, треснуть в рожу,
Да вон и с челядью его отсель прогнать.
Ну, так ли, господа? — Так, слышь, сберем мы рать.

Слюняй

Надезя-госудай! вить я в совет не нузен?

Вакула

Ты зелен еще, князь! Ступай и будь на ужин.
Подщипа, слышь ты, мне теперь сказала все..

Слюняй

Пьёпай я!

Вакула

Я с тобой уж помирил ее.
Небось, лишь погоди, я с басурманом слажу.

Слюняй

Езон! Так я пойду на гюобятню сьязю.

(Уходит)

Явление 8

Те же, кроме Слюняя

Вакула *(встает и подходит к одному из вельмож)*

Ну что ж, придумал ты, мой дорогой Совет?
А, слышь, и в помощи нам недостатка нет.

(Подает бумагу)

Прочти, какую нам сосед дает помогу.
Не без кумов-то вить и я здесь, слава богу!
Ну, что ж? Прочел ли ты?

Дурдуран *(привстает)*

Он слеп, о государь!

Вакула

Так, слышь ты, не прочтет...

Паж

Прикажете ль кубарь?

Вакула

Тотчас, слышь.

(Подходит ко второму)

Ну, так ты скажи свое, слышь, мненье.
И докажи свое и знанье и уменье.
С чего бы заговор нам лучше свой начать,
Умненько произвесть и славно окончать?
Ну, что ж ты думаешь? Скажи хотя мне слово.

Дурдуран *(привстает)*

Он нем, о государь!

Вакула

Ну вот тебе здорово!

(Подходит к третьему)

Скажи же ты хотя, как горю пособить.
А я, ну, право, слышь, не знаю, как мне быть.
Эх, слышь! Ну что ж ты стал?..

(Толкает его в бок)

Дурдуран *(привстает)*

Он, государь, не слышит!

Вакула *(к четвертому)*

Хоть ты!

Дурдуран

За старостью, о царь, едва он дышит!

Паж

А у меня кубарь готов, навит совсем.

Вакула

Ну, ладно же, так мы в столовую пойдем.

(К Совету)

Вы, слышь-те, вздумайте, да не сходя со стула.
А я, знашь, подмахну вам тотчас: царь Вакула.

(Уходит с пажом)

Дурдуран

Молчите ж, ни гу-гу! и думать мы начнем;
А что придумаем, царю то донесем.

(Один после другого зачинают зевать и дремать. Все засыпают и храпят. Занавес опускается)

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 1

Вакула и Подщипа

Вакула

Ну, ну, не видывал такой беды я с роду!

Подщипа

Что, что ты, отче мой?

Вакула

Ну, ну, рад, знашь, хоть в воду!

Подщипа

Какою новою грозит нам рок бедой?
Не новою ль злодей идет на нас войной?

Вакула

Вот вздор бы, слышь, какой! На то вить есть солдаты!
Пускай бы и дрались они себе из платы.

Подщипа

Или против твоей особы заговор?

Вакула

Нет, нет, совсем не то! Ты, слышь, болтаешь вздор.

Подщипа

Какое ж новое нас горе одолело?
Не хлеба ль недород?

Вакула

А мне, слышь, что за дело?
Я разве даром царь? — Слышь, лежа на печи,
Я и в голодный год есть буду калачи.
Да дело все не в том, моя беда сильнее;
Ну, слышь ты, ничего мне не было больнее...

Подщипа

Так верно Трумф...

Вакула

Ах, нет!

Подщипа

Так что ж, о государь?

Вакула

Ну, слышь, проклятый паж мой изломал кубарь.
Я им с ребячества до ныне забавлялся,
А, знашь, теперь хоть кинь. Ну, так бы разорвался!

Подщипа

Я думала другой печали сей предмет,
И, знавши, государь, что собрал ты Совет...

Вакула

То дело иншее! Чтоб им придать охотки,
Так я послал в Совет салакушки да водки,
Пускай их думают; авось придет черед
И нам, Подщипушка, у немца взять перед.
Когда б не паж, и я бы, может, что затеял;
Да он, проклятый, слышь ты, мысли все рассеял.
А вот и Дурдуран! Слышь, что-то он несет?

Явление 2

Те же и Дурдуран

Вакула

Ну, что же сделал, слышь, премудрый мой Совет?

Дурдуран

Штоф роспил вейновой, разъел салакуш банку,
Да присудил, о царь, о всем спросить цыганку,
Котора на мосту с премудростью живет
И знает наизусть, что будет за сто лет.
Как отымалками, бесами помыкает
И часто за усы их старшего таскает.
И, словом, приговор Совета был таков,
Что голова ее всех вместе их голов
Умнее во сто раз, а может быть и боле.

Вакула

Ну, что же? Вить за ней послать-то в нашей воле.
Пошли-ка поскорей!

Подщипа

Пошли, душа моя!
Поворожиться-ка, кому достанусь я.

Вакула

Да если б занял ты мне для нее полтинник...
Скажи-ка, будто я... ну, знашь ты, именинник,
Так мне подарками тут с рубль перепадет;
А между тем пускай она, слышь, подождет.

Дурдуран

О всем придумал я и трудность опрокинул:
На кашель, государь, я пошлину накинул,
А за цыганкою послал уж ходока.

Вакула

Да вот, слышь, и она. Эк на помин легка!

Явление 3

Те же и Цыганка

Цыганка *(вбегая)*

О чем кручинен, царь, и что на сердце, знаю!
Ой, дай же рубличек, на ручке загадаю,
Все про хорошенько и добренько скажу.
Ой, дай же рубличек, царю поворожу.

Подщипа *(подает руку)*

Скажи, цыганка, мне, да будь лишь справедлива...

Цыганка

Ой, все я знаю, все! То рученька счастлива...

Вакула *(выдергивает руку Подщипы и подает свою)*

Постой-ка! руку-то и после можешь дать.
Тут, слышь, о царственных делах хотят гадать.
Скажи-ка — от тебя я света ожидаю...

Цыганка

Да дай же рубличек, добренько загадаю.

Подщипа

Ах, мне о женихе!

Вакула

Нет, нет, слышь! мне скажи...

Дурдуран

Вот рубль.

Вакула

Да вот, слышь, рубль — так мне поворожи.

Цыганка

Богата рученька, разумная головка!
Ой, много мозгу в ней.

Вакула

Ну, слышь, пряма колдовка.

Цыганка *(смотря на руку Вакулы)*

Кручины много есть.

Вакула

Ну, то-то ж. Как же быть?
Не вздумаешь ли ты, как горю пособить?
Отворожи-ка ты отсюда нам немчина.

Цыганка

Черноволосый он, такой большой детина
На сердце у тебя.

Вакула

Как жернов, слышь, лежит.

Цыганка

Он худо думает.

Вакула

Чтоб взял его, слышь, жид!

Цыганка

Все загадала я; но всем болтать не стану,
А за секрет скажу лишь только Дурдурану.
Когда исполнит он совет мой точно весь,
Так вмиг и с челядью не будет немца здесь.

Вакула *(Дурдурану)*

Слышь, слушайся ж ее!

Дурдуран

Хоть то мне и обидно,
Но если царь велит, так мне ничуть не стыдно.

Подщипа

Скажи, любезная, и мне ты поскорей
И худо и добро об участи моей.

Цыганка

Прекрасна рученька, таланлива, счастлива;
А есть кручинушка...

Подщипа

Ох, тише! я стыдлива.

Цыганка

Сердечушко твое, княжна, заножено,
Ну, хочет, кажется, вон выпрыгнуть оно.
Прекрасный молодец! как яблочко наливно...

Подщипа

Ой, стыдно, стыдно мне!

Цыганка

Однако ж не противно?

Подщипа

Ну, нет... Да буду ли сегодня я за ним?

Вакула

Княжна! слышь, надо дать подумать время им.

Цыганка

Что ж за труды?

Вакула

Молчи! Когда отмщу злодею,
Так, слышь, сошью тебе кумачну телогрею.

Явление 4

Те же и Трумф

Трумф *(вбегая в бешенстве)*

Фай, фай! преклята тфарь! собашья скферна дел!
Как мошно думал так, упил меня фелел?
Прекрасна та прожект! Мой ошень плаготарит!
Но прежде фся ваш род на фертель мой исшарит!

Вакула

Помилуй, государь, я слышь...

Трумф

Помилуй — нет!
Проклята ваша тух, как стерфа пропатет.
Я снай вся умысла и фаша загофора:
Сейшас я тфой пояр потслюшал у забора.

Дурдуран

Пропали мы!

Вакула

Беда!

Подщипа

О, ты, жестокий рок!

Трумф

Да, брат: и на моя калофка быль умок;
Мой знает плутня тфой, и за такая шашня
Мой путет фас сашай на сепи и на башня,
Да на рапоший дом фас путет посылать,
И кроме хлеп да фот вам кушать не тафать.

Вакула

Помилуй, государь! Я, слышь, вперед не буду.
Попутал бес меня.

Трумф

Фон, стара пес, отсюда!

(Вакула уходит)

Подщипа

Ужели нет и мне пощады никакой?

Трумф

О, хитра польно тфой! Мольши, красафис мой!
Пошель, пошель! Теперь мой даст на все указа.

(Подщипа уходит)

Дурдуран

Ни телом, ни душой...

Трумф

Ти, клупая проказа!
Ти много финофат! Марш, марш, мой каспатин!
Твой тотшас путет сут и палошка на спин.

Дурдуран

Позвольте выйти мне.

Трумф

Пошель, такой сапака!
На фешер путу таль вам топра перетряка.

(Дурдуран уходит)

Явление 5

Трумф и Цыганка

Цыганка

Во мне ведь нужды нет?

Трумф

Постой, красафис мой!
Скаши-ка, для шефо твой призван на пакой?

Цыганка

Хороший молодец! Царевна присылала
И о тебе со мной всё утро прогадала.

Трумф

А што кадал такой? мой скоро ль шорт возьмет,
И скоро ль князь Слюняй на сватьба с ней пойтет?

Цыганка

Ой, нет! лишь о тебе одном она тужила,
И любишь ли ее, о том проворожила:
Милее никого тебя ей, барин, нет,
И с нетерпением она дня свадьбы ждет.

Трумф

Не лшот тфой?

Цыганка

Кстати ли? Подумай сам ладненько;
Ну, где есть личико другое так беленько,
Где букли толще есть, где гуще есть усы,
И у кого коса длинней твоей косы?
Где есть такой носок, глазок, роток, бородка
И журавлиная степенная походка?
Ну, есть ли девушка иль мужняя жена,
Чтоб, на тебя взглянув, не ахнула она?

Трумф

Мой тумал так, да князь Слюняй мне тут сатится.
(Показывает на затылок)

Цыганка

Ну вот великий страх! Я рада побожиться,
Что, может, до того казался он ей мил;
Но ныне ты ее все мысли полонил.
Подай-ка рученьку. Ой, тут сидит девочка,
И по тебе с ума царева сходит дочка.

Трумф

За фестошка така не шаль полтинка даль,
Когта бы прафта мне, цыганошка, сказаль.

Цыганка

Я с роду не лгала.

Трумф

Так тфой не лицемеришь?

Цыганка

Взглянись лишь в зеркало, так лучше мне поверишь.

Трумф

Та, та! Тфой прафта есть: мой фашна есть фикур!
Поди ше, кралишка! Кохта моя амур
Успеха полушит, я кликну тфой в палата,
И накраштенья там фелика и поката.
Поди, красафис мой, на дом себе теперь.

Цыганка

Спасибо, барин мой!

(В сторону)

Вперед цыганкам верь!

Явление 6

Трумф и Слюняй

Трумф *(один)*

Она сказаль не лошь: умен, снать, эта тефка...
Я, прафо, подшутиль: молотшик не в истефка.

Слюняй *(вбегая и не видя Трумфа)*

Ну вот и я пьисой!

Трумф *(схватывает его)*

Подп-ка, прат, сюта.

Слюняй

Ой, смейть!

Трумф

Мне ната ты!

Слюняй

Пьисья моя беда!
Помиюй, дядюська!

Трумф

Нет, милуй мой не мошна.
Смерть тфой.

Слюняй

Пьяпай.

Трумф

От тфой пришел мне польно тошно.

Слюняй

Отец!

Трумф

Фай!

Слюняй

Гьяфцик!

Трумф

Фстор!

Слюняй

Сокьовисце мое!
Сиятейный!

Трумф

Мольшать!

Слюняй

Светьейсий!

Трумф

Ну!

Слюняй

Мусье!
Помиюй!

Трумф

Нет, тепе там топра перебяки.

Слюняй

Ах, батюски! пьопай на место я собаки!

Трумф *(вынимая шпагу)*

Катофся умирай!

Слюняй

Ой смейтюська моя!
Помиюй! Цем тебя пьогневай стойко я?

Трумф

Не путет польше тфой Подщипа телай куры,
Я кошу в сей минут тфой шашнь и вся амуры.

Слюняй

Ой, ой!

Трумф

Но нет! Хоть тфой нефеша и урот,
Я кошет пошитай в тепе тфой княша рот.
(Вкладывает шпагу.)

Слюняй

И в подьину, я — князь, не тойко бьягоёдный;
А ты со мной сшутий поступок стой негодный.
(В сторону)
Авось он стьюсит.

Трумф *(вынимая пару пистолетов)*

Ну, так выперишь люпой!

Слюняй

(Смотьи ка, усь дант!..) Спасибо, гъяфчик мой!
Да не заязен-и?

Трумф

Та, та! Он заряшона!
Сейшас тафай стреляй — кияшон чей путет шона.

Слюняй

Есть егче!.. Дядюска, я с ёду не стьеляй.

Трумф

Ну, ну! не то тотшас я пуля посылай.
Стой там.

Слюняй

С умом-и ты? застьеишь вить до смейти.
Князну, юбовь, тебя — чтоб все побьяи цейти!

Трумф

Фай, фай! какой тфой князь? Тфой потла, мерзка трус!

Слюняй *(кланяясь низко)*

Сто хоцес! Виноват, а смейти я боюсь!

Трумф

Стреляй!

Слюняй

Ой, нет!

Трумф

Так тфой со мной не кошет питься?

Слюняй

Ну, сам ты ясссуди: где мне с тобой возиться?

Трумф

Я люпит тфой княшон.

Слюняй

Ись тойко не убей!
Я отступьюсь совсем, вьядей позяюй ей!

Трумф

Так слюшай ше, Слюняй! Коль смерти тфой поится,
Так пыть рифалем мне для тебя не катится.
Смотри же, вышлю я к тебе княшон в минут;
Но пуля в лоб тотшас, кохта тфой путет плут.
Княшна укафари тотшас со мной шениться;
Или на шпага мой готофа тут сатиться...
Но фот итет княшон... Красафис мила мой!
Смотри тотшас феншать, или прочь колоф тфой.

(Уходит)

Явление 7

Слюняй *(один)*

Слюняй

Когда б она еще со мной не помииясь,
Иль хоть опять бы вновь тепея побьяпиясь!
А то беда пьисья.

Явление 8

Слюняй и Подщипа

Подщипа

Мир, мир, любезный князь!
Прости, коль дерзко я сказала, рассердясь.

Слюняй *(особо)*

Ахти! она меня еще сийнее юбит!

Подщипа

Слюняюшка, мой друг!

Слюняй *(особо)*

Ну, ну! совсем погубит!

Подщипа

Жестокий! ты молчишь! Того ль достойна я,
Когда сильней огня любовь к тебе моя?

Слюняй *(особо)*

Того-то и боюсь!

Подщипа *(плачет)*

Тронись же хоть слезами,
Взгляни ты на меня умильными глазами.

Слюняй

Князна! когда ко мне ты истинно незна,
Так Тьюмфу юку дать севодни з ты дойзна.

Подщипа

Ты ль это мне сказал?.. Душа летит из тела!

Слюняй

Но мне ведь гоёва моя не надоея!
Тьюмф именно сказай: кой сделись отказ
И не пойдесь к венцу с ним сей зе самый цас,
Так он... ну, видись-и... все это мне отпьятит,
И гоеву с меня, как коцеиску, схватит.
Так ясcуди з сама...

Подщипа

Умри ж, любезный мой,
И понеси во гроб любовь мою с собой!

Слюняй

Так ты намеена?..

Подщипа

Тебя хоть мертвым видеть,
И мертвого любить, а Трумфа ненавидеть!

Слюняй

Ах! он убьет меня!

Подщипа

Мой князь, спокоен будь:
Душа твоя ко мне переселится в грудь.
Ты в мыслях у меня и в сердце будешь вечно!
Я буду вспоминать...

Слюняй

Бьягодаю сейдецно!
Позяюста, князна, кой юбись ты меня,
Так выйди за него...

Подщипа

Как! как! чтоб вышла я?
Ах, нежности моей ты меры всей не знаешь,
Когда поступок мне столь гнусный предлагаешь!

Слюняй *(особо)*

Ну вот тебе юбовь!

(Подщипе)

Пьеесная, увы!
За вейность эдаку мне быть без гоёвы:
Застьеит он меня, отказ его твой взбесит.

Подщипа

Пусть от тебя убьет, застрелит иль повесит,
Но нежности к тебе не пременит моей.

Слюняй *(особо)*

Чтобы ты тьеснюя и с незностью своей!

Подщипа

Чтоб я оставила тебя — избави боже!
Люблю, люблю тебя — ты мне всего дороже.

Слюняй

Ахти! беда моя! хоть тисе говои:
Он бьиско. Стьястью ты меня не умои.
Задусит он меня.

Подщипа

Пусть он тебя задушит,
Но верности моей нимало не нарушит.
Чем я горжусь, о том чтоб стала я молчать!
Люблю, люблю тебя, — и буду то кричать!

Слюняй

Ей, ей, конец пьисой! надезды бойсе нету!

Подщипа *(громче)*

Люблю, люблю тебя! будь то известно свету!

Явление 9

Те же и Паж

Паж

Княжна! немедленно ступай ко алтарю!
Уж велено звонить к вечерне звонарю;
А если вздумаешь хоть мало куралесить,
Так есть приказ за то Слюняя вмиг повесить.

Слюняй

Гоюбуська!.. пойди, кьясавица моя!

Подщипа *(Пажу)*

Скажи, что никогда...

Слюняй

Опомнись... умей я...
(Пажу)
Скази: идет.

Подщипа

Нет, нет! поди скажи тирану...

Слюняй

Помпюй!..

Подщипа

Что любить Слюняя не престану,
Что может он его повесить сей же час;
Но не ослабит тем любви взаимной в нас.

Слюняй

Пьекьясная юбовь!

Подщипа

Скажи, что им пылаю!

Слюняй

Я эдакой юбви зьядею не зеяю!..

Явление 10

Те же и Трумф

Трумф *(вбегая в бешенстве)*

Нет мочи польш терпел! Скафор тфой коль нейтет,
В минута сей Слюняй от рук моя умрет.

Подщипа

Нейду, нейду, нейду! Ты бесишься напрасно:
(Обнимая Слюняя)
Им вся пылаю я, им сердце нежно, страстно!

Трумф *(вырывая у нее Слюняя)*

Умри ше!

Слюняй

Каяуй! из тея идет дух!

Трумф

Фай! скферпа тух какой! как тфой фоняет втруг!

Слюняй

Не знаю.

Трумф

Как не снай?.. фай, нос моя уппла!

Слюняй

Сто деять? со стьястей зивот пееёмнё.

Явление 11

Те же и Вакула

Вакула *(вбегая)*

Ура, ребятушки! а наша, слышь, взяла!

Трумф

Што, што такой?

Вакула

Да что, слышь, вся беда прошла.
Не бойтесь, детки! Эх немецкий, слышь, проказник!
А слышь ты, уж теперь на нашем поле праздник.

Трумф

Мольши, некотпа тфарь! Я фас!.. К рушья! к рушья!

Вакула

И слышь, как не к ружья! — Сам бойся батожья!
А все, слышь, сделала премудрая цыганка,
Свертела дело вмиг, прямая басурманка!

Подщипа

Да как?

Слюняй

Пьютовка!

Вакула

Ну, слышь, с шайкою своей
По челяди его рассыпалася всей,
Да подпустила всем заряда два чихотки,

Да во щи пурганцу поболее щепотки; —
Так, слышь, у них теперь такая чихотня,
А что еще смешней — такая беготня,
Что наши молодцы их только окружили,
Так немцы, слышь ты, все и ружья положили.

Трумф

Пропаль я!

Слюняй

Сто, небось, тепей-то пьить ты сшиб.
Подсунься-ка ко мне, чухонский стаий гьиб!

Трумф

Мольшать!

Слюняй *(отскакивая)*

Ай! экой зьой!

Явление 12

Теже, Чернавка, Цыганка и Дурдуран

Цыганка

Вот, на моем сбылося!

Дурдуран

Все войско Трумфово, о царь, вам поддалося.

Вакула *(цыганке)*

А, слышь, будь фрейлиной у дочери моей.

Чернавка

Княжна, вас в церковь ждут, — спешите поскорей.

Трумф

Што путет с мой?..

Вакула

А, слышь, разведаюсь с тобою:
(Дурдурану)
Чтоб парикмахер, слышь, гребенкою большою

Сейчас, ты знашь, его в пять пуколь причесал;
Одел бы франтом, слышь, жабо бы подвязал,
Чтоб прыгать козачка Трумф к вечеру явился.

Трумф

О петна колоф мой!

(Дурдуран его уводит)

Слюняй

Езон! за то, сто зьийся!

Подщипа

Ну, что ж, к венцу?

Вакула

Пойдем.

Слюняй

Готов.

Подщипа

Чего ж годить?

Слюняй

Я в пойминутоцки!

Подщипа

На что же уходить?

Вакула

На что же медлить, слышь?

Подщипа

Иль тщетно я пылаю?

Слюняй

Пьеестная князна! Я медьить не зеяю,
И в цейковь я тотцас вас всех пеегоню,
Да тойко напеёд кой-сто пееменю.

ЛЕНТЯЙ

КОМЕДИЯ

Действующие лица:

Лентул
Правдон, отец Лентула.
Сумбур (Бурнай),[1] отец Прелесты, невесты Лентула.
Чеснов.
Андрей, слуга Лентула.
Даша, горничная Прелесты.
Подмастерье.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Андрей *(за письменным столом)*

«Любезный батюшка! по вашему совету» —
Ну! лгать, так лгать смелей — «встаю я до рассвету
И целый божий день хлопот здесь тьму терплю» —
А тут бы написать: иль ем, иль пью, иль сплю —
«Все езжу по судам» — да, ездишь уж с неделю
С постели на диван, с дивана на постелю. —
«Теперь то на мою нельзя пенять вам лень:
«Я по уши в делах» — в халате целый день. —

(Перечитывает)

Всё, кажется, — ну вот и грамотка готова —
Ба, ба, да про приезд невесты я ни слова, —
А этого никак не можно упустить —
Вот тут-то надобно весь ум употребить,
Чтоб было нежно все, и кстати бы, и к месту.

---

[1] Одно и то же действующее лицо в разных сценах названо разными именами.

Ну вот как будто б сам я был влюблен в Прелесту.
«Вчерась к восторгу» — вздор — «Мой ум» — нет —
«Сердце» — нет —
Тьфу, пропасть! ничего мне в голову нейдет.
Хотя бы под перо мне страстный вздох попался.
Ни мысли и в письме. — Куда ж мой ум девался!
Э, да! — нет, нет! не то — Ей, ей, не знай, как быть!
О лентюг! за тебя пришло мне и любить.
Так просто ж напишу: «Вчерась, как я обедал,
«С своею дочерью Сумбур сюда приехал» —
Живет! — Теперь уж всё. — Ну, сколько я надул?
Изволь лишь подчеркнуть: «послушный сын, Лентул»,
Да верно и того он в месяц не сберется.
Что вижу — за него и подписать придется.

Явление 2

Андрей и Даша

Даша

Андрей! куда учтив твой барин в женихах!
Неужли до того зарыт уж он в делах,
Что некогда ему зайти на час к невесте?
Ну, право, это льзя снести одной Прелесте.
Уж вот мы сутки здесь — он год не видел нас —
А уж, смотритко ты, совсем не кажет глаз...

Андрей

Как громко ты кричишь!

Даша

Меня ты не осудишь

Андрей

Да я не для себя...

Даша

Что ж?

Андрей

Барина разбудишь.

Даша

Как! шутишь что ли ты? неужли он не встал?

Андрей

Нет, встал было...

Даша

Да что ж?

Андрей

Опять заночивал.

Даша

Ну, Лентул, видно, здесь спокойно поживает.
Да ночью что ж он?

Андрей

Спит.

Даша

А днем то?

Андрей

Почивает.

Даша

Прекрасно! старичок наш будет очень рад!
Он в зятюшке себе найти сбирался клад.
Изживши на войне и с нуждой и с трудами,
Ложиться и вставать привык он с петухами;
Халата у него и туфлей вовсе нет:
Чуть рассвет, и уж он как будто в строй одет.
И тотчас или в сад, иль осмотреть работу,
Иль вскочит на лошадь да брызнет на охоту,
И, словом, целый день в движеньи так, как ртуть;
Ну, слышь, не только спать, — с ним некогда зевнуть,
И если первый день покою вам достался,
Так это от того, что до свету умчался
Старик наш со двора...

Андрей

Сказать да не солгать,
Такая жизнь совсем нам, Даша, не на стать:
Мой лентюг рад изжить век целый на диване,
И раз в году едва бывает он в кафтане.
Халат да туфли — вот и весь его наряд —
Ну, коль на то пошло, так вам я очень рад:
Пусть ваш старик его под лапу поприкрючит,
Авось от лени он его и поотучит;
А то ведь страм сказать, да грех и утаить,
А чай, он, право, здесь совсем забыл ходить.

Даша

Что он лепивенек, и прежде то мы знали;
Да только удали такой уж в нем не ждали.

Андрей

О, это все ль еще! — послушай, старый друг:
Теперь напомню я тебе, пока досуг,
Что нам ведь след один к венцу за господами;
Так то, что я сказал, пусть тут замрет меж нами;
Я барина люблю, и к пользе лишь его
Хочу не потаить от Даши ничего,
Чтоб, сладя заодно, нам все подвесть уловки,
Спасти его в беде иль в случае размолвки —
А что не сдобровать ему, то вижу я.

Даша

Вздор! — Наши старики издетства ведь друзья,
Да разве твой чудак здесь живши напроказил?

Андрей

Куда проказить нам! — С дивана он не слазил.
Да это все-таки от бед нас не спасет.

Даша

Я тут не вижу их.

Андрей

Послушай наперед;
Старик, послав сюда Лентула за делами,

И денег и вещей, всего отправил с нами.
Хоть прав и свяг его в наследстве братнем спор,
Да знаешь, по судам вить деньги так, как сор;
А дело таково, что дом наш на мель станет,
Коль на суде его соперник перетянет;
Так он, прощался, одно сынку твердил,
Чтоб боле ездил он, да боле бы дарил,
Да чтоб и сам искал определиться к месту,
Коль хочет сберечи именье и невесту.

Даша

Ну, знаю! Ведь затем и стали мы у вас,
Чтоб после тяжбы в след и свадьбе быть тотчас.

Андрей

Да то-то видишь: вы в степных запропастились;
А мы с Лентулушкой едва сюда ввалились, —
Как он, нашедши здесь и волю и простор,
Из комнаты шага не делывал с тех пор.

Даша

Конечно, болен он?

Андрей

Да, очень, к сожаленью.

Даша

О, бедна барышня! Да чем он болен? —

Андрей

Ленью!
Да, болен на повал! — Что я ни говорил,
Ничто не помогло. — Раз по сту в день твердил:
Помилуйте, сударь, пристойно ль в ваши лета
В халате, в колпаке поскимиться от света?
Оденьтесь, съездите по делу вы хоть раз;
Неужли батюшка лежать отправил вас?
Но если, всё узнав, лишится он терпенья
Иль потеряете от лени вы именье. —
Ну что ж ты думаешь, какой ответ даст он?

Даша

Сберется ехать?

Андрей

Нет. — Зевнет да вышлет вон.

Даша

Ну, тот-то будет муж.

Андрей

О, любит лежебочить.
Зато ни в чем другом нельзя его порочить:
Не зол, не сварлив он, отдать последне рад
И, если бы не лень, в мужьях он был бы клад,
Приветлив и учтив, притом и не невежа;
Рад сделать всё добро, да только бы лишь лежа.
Но чу! старик! — беги к Прелесте ты своей.

Даша

Да что ж я ей скажу?

Андрей

Солги, что хочешь, ей;
Лишь только не поссорь ее ты правдой с нами.
Беги же; он идет...

Даша

Беды мне с чудаками!

Явление 3

Андрей и Сумбур

Сумбур *(за театром)*

Ну, смучил! — так вели ж других впрячи скорей.
Ведь не прокиснуть же мне здесь для лошадей.
Я еду вмиг. — Да слышь, чтобы тотчас поспело —
Ну вот люблю, чтоб все вертелось да кипело —
Да чтоб оседлан был скорей мой неугом;
Лишь ворочусь, тотчас поеду я верхом. —
Андрей, что барин твой — вот день-то сероватой,

П. А. Плавильщиков

Ну, самый полевой — теперь бы с перехватой,
Да стрелку дай лишь мне, так чорта я сомну.

Андрей *(особо)*

У нас так серый день толкуется ко сну.

Сумбур

Что ж Лентул? — ась? я, чай, он здесь захлопотался?
По знатным, по судам, по справкам затаскался? —
Что делать! — Эй, спроси, могу ль я видеть дочь.

Андрей

Ох, тяжко будет нам!

Сумбур

Да спит ли он хоть ночь?

Андрей

Ах, он в делах, сударь, ей, ей, здоровье тратит.
(Особо)
Бывает часто то, что полдня он прихватит.
(Ему)
Что целую он ночь пропишет на пролет.

Сумбур

Мне это не мило — И этот жизни род
И худ, и нездоров. — Молчи! как свадьбу сладим,
Мы по ночам писать его совсем отвадим.
Писать всю ночь! — Да я как молод то бывал,
Ни книги, ни пера, ни стула не знавал;
За то и жив и свеж; что встал, то в город, в поле
Верхом, пешком, в санях, на дрожках. — Ныне боле
Уж этой силы нет; однако не сижу
И ныне целый день иль езжу, иль хожу;
А то сидеть всю ночь! — ведь он себя погубит.

Андрей

То грех сказать, сударь, сидеть и он не любит...

(Особо)

Вот нам бы полежать.

Сумбур

Как он по кости мне!
Смотри ж, как заживем мы в нашей стороне!
Мы с ним за чудо слыть в уезде будем двоя;
Да мы, — ну, слышишь ли, обедать станем стоя.

Андрей *(особо)*

Попался лентуг мой!

Сумбур

Что, что ворчишь ты, брат?

Андрей

О! жизни он такой, как райской, будет рад!

Сумбур

Посмотрим, кто из нас кого с ним перетянет,
Кто больше выходит, съест меньше, ране встанет.
Да, кстати, любит ли охоту он с ружьем?
Вот тут-то походить! — О, с ним мы заживем
В болотах да в полях! — Я рад таскаться сутки.

Андрей *(особо)*

Ахти, не по шерсти совсем нам эти шутки!

Сумбур

Я чай, вы думали, что я из дряхляков?
Небось, я не из тех кисельных стариков,
Которые всегда на креслах только преют,
То дремлют, то ворчат, то на лежанке греют
Замерзлы косточки, в год скажут раз словцо,
Да летом выползут изредка на крыльцо.
Со мной, как с молодым, не скоро встретишь скуки;
Лишь только не люби сидеть поджавши руки.

Андрей

О! барин мой, сударь, как ртуть.

Сумбур

Да где ж он сам?
Небось, чай, до свету умчался по делам?
Люблю, люблю за то, что время он не тратит.
Жаль только, коль меня обедать кто захватит,
Так не увижусь с ним я целый день опять.
Вчера я вечером зашел было, ан, глядь,
Его и нет.

Андрей

Да мы успели лишь убраться
За ширмы, чтоб тебе в халате не казаться.

Сумбур

Постой же, дай хоть мне бумажки лоскуток.

Андрей

Извольте.

Сумбур

О нет, нет; и мал, и короток!
Мне написать к нему о деле очень нужно.
Я б сам ему сказал, да, право, недосужно
Его мне ждать. — Постой, я сам к нему войду,
Бумагу на столе я, верно, там найду.

Андрей

К нему, сударь! — беды! —

Сумбур

Да, да, ну что за чудо?
Ведь я почти уж свой.

Андрей

Да я тотчас... Ох, худо!

Сумбур

Нет, нет, я сам пойду! Ну, право, как я рад!
Да мы поставим с ним все на военный лад.

Ручаюсь, что придем друг другу мы по праву:
Как будто в лагере жить станем по уставу.
Неси чернильницу.

(Отворя двери)

Ба! это кто храпит?

Андрей

Кто это? Так, сударь!

Сумбур

Как «так»? Кто это спит?

Андрей

Кто спит, сударь? —

Сумбур

Да, да!

Андрей

Ну, что-то будет с нами!
Да вы изволите ведь, чаю, видеть сами.

Сумбур

Твой барин.

Андрей

Он, сударь. —

Сумбур

Как, это спит Лентул?

Андрей

Да — вон изволите ль вы этот видеть стул?

Сумбур

Что мне до стула, плут! Как! спать об эту пору?
А ты, бездельник, мне налгал такую гору!

Андрей

Взгляните ж вы на стул!

Сумбур

Поди ж, мошенник, прочь!
Так так-то он у вас трудится день и ночь!

Андрей

Да стул, сударь...

Сумбур

Чтоб ты сквозь землю провалился

И с стулом!

Андрей

А на нем всю ночь он потрудился.

Сумбур

Как?

Андрей

Так, сударь, уж час я битый вам твержу;
А если кипу я бумаг вам покажу,
Что в ночь он исписал, на этом сидя стуле,
Так вы и нехотя вздохнете о Лентуле.

Сумбур

И точно...

Андрей

Да, сударь, на почту целый воз
Его руки бумаг я до свету отнес;
А после на дворе чуть чуть лишь забелело,
Как барин, подхватя, ей, ей, в полпуда дело,
Пустился по судьям — ну, право, как шальной,
И выбившись из сил приехал он домой
И тут было опять принялся за бумагу;
Да я уж, нечего, пустился на отвагу:
Просил, молил, кричал — ну, делал все, что мог,
Чтоб он, бедняжичка, хотя на час прилег,
И то уж голова путем его схватила.
Так он — когда уж боль совсем его свалила,
Разделся, ринулся — и камнем спит теперь.

Сумбур

Не лжешь ты?

Андрей

И сударь!

Сумбур

Так притвори же дверь.

Андрей *(особо)*

Спокойный сон! ура! Одну беду мы сжили!

(Сумбуру)

Бумагами, сударь, совсем его вскружили.

Сумбур

Коль правда это все, так жизнь его плоха.

Андрей

Ну, что мне лгать? — возьму ль *я* на душу греха?

Сумбур

Вот я ведь говорил и рад божиться снова,
Что эдакая жизнь вредна и нездорова:
Писать, читать, сидеть — и портить лишь глаза!

Андрей *(особо)*

Ну, кажется, теперь совсем прошла гроза.

Сумбур

Когда б проклятое скорей нам кончить дело,
Другою бы статьей у нас все закипело.
Досадно только мне, что он раздевшись лег.

Андрей

Да лег ли б он, сударь, когда б не занемог?

Сумбур

Бедняжка! Так скажи ж, чтоб тише здесь ходили
И чтоб нечаянно его не разбудили.
Проклятые дела! Писать так глупо ночь,
Чтоб голову вскружить и после занемочь.
Скажи ж, как встанет он, что я здесь дожидался
И чтоб у дочери со мной он повидался.
Писать, читать! — Добро! придет и та пора,
Что книги полетят у нас долой с двора.

Андрей

Ура, Андрей! — спи, мой ленивый господин!

Явление 4

Андрей и Правдон

Андрей *(увидя входящего Правдона)*

Уф! — вот-те новый гость!

Правдон

Андрей! здоров ли сын?

Андрей

А мы не ждали вас!

Правдон

Где сын?

Андрей

Немножко болен.
Теперь заснул.

Правдон

Я им ужасно как доволен!
Что делал здесь он год? По делу ни шага.
Я сведал все. Была ль в суде его нога?

Андрей

Он был, сударь, да там то справки, то отсрочки...

Правдон

А писем отчего я не видал ни строчки?

Андрей

Как? он писал, сударь!

Правдон

Писал! — твоей рукой.
По счетам знаю я довольно почерк твой;
Меня своей рукой он мог бы удостоить.

Андрей *(особо)*

Ну, этого трудней мне будет успокоить.

(Ему)

Да, правда, что когда бывал он нездоров,
И я, сударь, писал — с его лишь только слов
И то, что сказывать он сам лишь мне изволил;
И ныне было к вам письмо я изготовил
И вот на почту несть хотел его сейчас;
Да вы нечаянно обрадовали нас.

Правдон

О, если правда все, что мне о нем писали...

Андрей *(особо)*

Ну! — коль писали все, так, верно, мы пропали!

(Ему)

Поверьте, барин мой трудится без уйму.

Правдон

Когда ты в письмах лгал, то я тебя пройму!

Андрей

Ай, ай!

Правдон

Поди же ты, да сведай осторожно,
Мне можно ли войти.

Андрей

Я чаю, сударь, можно.

Правдон

Нет, нет, коль болен он, так не встревожь его.

Андрей

Хотя б кафтан-то мне напялить на него!

Явление 5

Правдон *(один)*

Я глупо поступил, — и буду сам виною,
Когда потеряно именье будет мною.

В какой несчастный час, в какой я черный день,
Знав всю Лентулову беспечность, сонность, лень,
По важной толь тяжбе ходить его отправил!
Чего ж и ждать? он все и кинул, и оставил.

(Подходя к письменному столику)

Ба! тьма пакетов. Знать, почтовый ныне день;
Как это перемог хоть раз свою он лень?
Посмотрим-ко, к кому. — Когда б в такие леты...
Ба, ба! да это все мои к нему пакеты!
Прекрасно! где ж другой такой ленивец есть!
Не только отвечать на письмы, их прочесть
Он в год не мог. — Смотри, печати не помяты,
Ну, точно, будто бы теперь лишь с почты взяты.
Терпенья боле нет! — Добро, ты лентюг мой!
Или я тресну сам, иль слажу я с тобой!

Явление 6

Правдон и Подмастерье

Подмастерье *(неся на себе подушку)*

Ну, штука! слышь, с нее так вот бы век не слазил.
А уж под ней беды — кто это напроказил
И выдумал диван, — ну знать, что был чудак;
А что ни говори — да был он не дурак,
И видно, что пришить он дело знал к безделью,
Когда умненько так сплотил он стул с постелью.
Вот то-то вещь! — прошу тут правду узнавать:
Сидишь, так это стул; не то, так вмиг кровать.
Смешно, как вздумаешь — а право, с понаровкой,
Так это у бояр муфобель самый ловкой!
Уж тот-то вот на нем ни лет, слышь, ни примет.
Как хочешь мни его, лих встал, и следу нет!

Правдон

К кому ты притащил, мой друг, такую гору?

Подмастерье

К Лентулу! — только, знать, мы, барин, здесь не в
пору.

Правдон

А что ж?

Подмастерье

Да у людей обед уж на дворе,
А здесь, чай, спят еще, как будто на зоре.
О, барин здесь, как хан, сонлив, увальчив, чуден,
И солнцу до него ужасно доступ труден,
Поспать охотник он, охотник полежать
И ночки на вожжах умеет придержать.

Правдон

Прекрасно! мой сынок!

Подмастерье

Он не живет — ликует:
Ест сладко, мягко спит, о деле в ус не дует,
Нет будней у него — а все шабашны дни,
И в круглый божий год лишь праздники одни;
Ну, прямо у себя живет султан султаном;
Наскучила кровать, так шлет вот за диваном.
Проказник! — матушкин он, видно, был сынок.

Правдон

Добро же, слажу я с тобою, мой дружок!

Подмастерье

На вздоры, правда, он уж денег не потратит:
А чтоб понежиться, последнее заплатит;
На пышность, на наряд так крепок наш старик,
А рад кафтан отдать за добрый пуховик.
Ну, столько у детей не найдешь ты игрушек,
Как у него перин, матрасов и подушек.

Правдон

Не радость это все, мой друг, его отцу.

Подмастерье

Да кто, сударь, отец такому молодцу?

Правдон

К несчастью, я.

Подмастерье

Как, вы! — прошу, сударь, прощенья,
Что вам я наболтал все так без размышленья.
Ведь, впрочем, ваш сынок боярин пречестной:
Не должен никому, не замутит водой;
Хоть иногда во сне он лишний час загубит,
Да кто же из господ понежиться не любит?

Правдон

Нет, непростительно! Такое мотовство...

Подмастерье

И, да во всем, сударь, свое есть щегольство.
Ведь город здесь большой; кто хвастает кафтаном,
Кто цугом, кто столом, а ваш сынок — диваном.
Ведь перечтешь ли все причуды у бояр?
У барынь так и наш в большом ходу товар.
Мой мастер за него, как сено, деньги косит.
Иная, право, в год дивана три износит.
Да заболтался я, расчесться б мне скорей.
Не знаете ль, сударь, куда пропал Андрей?

Явление 7

Правдон, Бурнай, Подмастерье

Бурнай *(вбегая)*

Да где ж он! немы, что ль? хоть бы сказал кто слово!

Правдон

Ба, ба, Бурнай!

Бурнай

Правдон, старинный друг, здорово!
Отколе, как, давно ль? Ну вот уж угодил!
Нежданный, как сокол, взвился да прикатил.
И я вечор лишь здесь...

Правдон

Все так же жив и верчен...

Бурнай

Лишь только старостью кой-где слегка исчерчен.
Прошло, брат, утрецо, прошел денек для нас,
И к ночи у меня давно шестой уж час.
Бывало, помнишь, мы какие непоседы,
Как пташки; — а теперь, смотри-тко, метим в деды.
Чин важный! а когда б сыскались мудрецы,
Чтобы разжаловать опять меня в отцы,
Не охнул бы по нем... Да это что за вздоры?
Не ты ли тюфяков навез такие горы?

Подмастерье

Нет, это...

Правдон

Ты, мой друг, поди себе домой —
И после побывай. Сын все заплатит мой.

Подмастерье

О! тут сумненья нет: он в платеже исправен.

. . . .
. . . . [1]

Андрей

Бегу, сударь! — дай бог исправить им его.

Явление 9

Правдон и Бурнай

Правдон

О, разсказать тебе, мой друг, нельзя всего!

Бурнай

Довольно, я его уж не защитник боле.
Добро, как сокола, его мы в чистом поле

[1] Пропуск примерно в 83 стиха, судя по счету двустиший в рукописи.

Повыносим с тобой. Спущать я все люблю,
Но лени не терпел и ныне не терплю.

Правдон

Мест шесть он пропустил, где мог бы быть полезен.
Прочти, что пишут мне.

(Дает письмо)

Бурнай *(читает тихо)*

Ну, право, он любезен!

(Читает)

«За ленью пропустил...» — бешусь я за тебя,
Бешусь за дочь мою, — бешусь и за себя,
Ну, выдь же только он!.. Андрей!

Явление 10

Правдон, Бурнай и Андрей

Андрей

Да, чорт с ним сладит.

Бурнай

Да в фижмы, что ль, себя чудак твой барин рядит?
Покажется ли он, оделся ль он или нет?

Андрей

Почти совсем, сударь, — другой чулок надет.

Правдон

Каков?

Бурнай

Другой чулок! — лентяй! — можно ль статься?
Да разве хочет он неделю одеваться?
Нет, нет, пойдем к нему; хоть я тебя люблю,
Пойдем бранить его! Тебе я пособлю.

Правдон

Пойдем! — Хоть должен я ленивца ненавидеть,
Но сына хочется отцу скорей увидеть.

Бурнай

Кричи ж сильней!

Правдон

Ты мне старайся пособить.
Признаться, я б хотел теперь сердитей быть.

Бурнай

Забудет нежиться — лишь прибодрись немножко:
Диваны полетят все к чорту за окошко;
Поспи-тко на-жестке, да ешь-ко русски щи.

Андрей

Попался мой лентяй в горячие клещи.

Конец первого действия

[ОТРЫВОК ИЗ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ]

. . . .

Правдон

Несносно! но и тут я мене б огорчался,
Когда б лишь в малостях ленивым он остался,
Но, по несчастью, все, что есть на свете, он
Охотно рад отдать за праздность и за сон
Из дела нашего то видно очень ясно:
Что я приказывал, что ни писал — напрасно.
Уж полгода почти решен мой криво спор,
А апелляции до сих не взнес он пор.
Хоть наше от того зависит состоянье.

Чеснов

О, я, сударь, к тому употребил старанье!
Прошенье принесет мой стряпчий через час;
Уж с месяц как оно готово, но без вас
С Лентулом и того я толку не добился,
Чтоб только подписать его он потрудился.
Признаться, важность всю знав дела я сего
И с ленью овладеть отчаявшись его,

За нужное почел, чтоб вы здесь были сами
И чтоб принудили вы Лентула делами
Заняться пристальней; притом же по делам
Успел я объяснить того суда судьям,
Куда из нижнего суда они поступят
И где уже судей дарами не подкупят;
О вашей истине известен целый суд,
И чтоб оправить вас, лишь только дела ждут.

Правдон

Я слов, сударь, я слов довольно не имею,
Чтоб вас благодарить...

Чеснов

Я вас уверить смею,
Что дело здесь при вас пойдет другим путем.
По счастью, с многими я на суде знаком
И только вас одних к тяжбе недоставало:
Но этого еще моим желаньям мало:
На лень лекарство то, чтобы не праздным жить,
Так непременно вновь мой должен друг служить.

Правдон

Раз десять я писал. —

Чеснов

Мне это все известно,
И что со мной сходна мысль ваша, мне то лестно.
Мой дядя силен здесь; я сам его трудил,
И он стараньи все к тому употребил,
Но с ленью нашей мы три места прогуляли:
Я вытащить не мог...

Правдон

Вы мне о том писали.

Чеснов

Но, к счастью, новое я место отыскал,
И покровитель мой свое мне слово дал,
Что другу моему его он даст, конечно;

И если победит сложенье он беспечно,
То путь откроется и к чести и к чинам.
Все слажено; одна осталась трудность нам,
И трудность важная...

Правдон

Да что ж?

Чеснов

Мой друг ленивый.
С беспечностью его упрямой, нерадивой,
К министру я никак стащить его не мог;
Он у себя засел, как будто бы без ног,
И только делает пустые проволочки:
То поздно, то он слаб, то дай ему отсрочки.
Не раз его министр к себе напрасно ждал;
К несчастью, дяде я и ныне слово дал,
Чтоб с другом быть к нему — а он везет представить
Его к министру сам. — Но как мне то исправить?
Вы разве вступитесь.—

Правдон

О, уверяю вас...

Чеснов

Так я б поехал с ним туда, и в сей же час
Все б дело кончилось. — Я этим, сударь, льщуся...

Правдон

И просьбу я и власть употребить божуся.

Чеснов

Он вас послушает, а я никак не мог...

Явление 2

Правдон, Чеснов и Бурнай

Бурнай

Тьфу, пропасть! новую четверку сбил я с ног!
Везде перебывал, а инде по два раза.

Ну, братец, твой сынок великая проказа!
Куда ни покажусь, лишь жалобы одни:
Ни у твоей, сударь, ни у моей родни
Он рожи не казал. Теперь такая брага...
Вся дядьев, тетушек и бабушек ватага
Всей стаей на него. — Ну, слышь ты, шум такой
Что чуть ли не глухой уплелся я домой.
Ворчат, кричат, бранят, ругают и поносят,
Ну только лишь татьбы на Лентула не взносят.
Родясь не споривал я столько никогда.

Правдон

Какова ж лучше ждать от лености плода!

Бурнай

А пуще всех моя несносная сестрица,
Графиня Седова, столетняя вдовица,
Грозилась дочери в наследстве отказать,
Когда не выбору ее мой будет зять.
Ну, что ты будешь с ней? — Хоть нет у ней рассудка,
Да есть пять тысяч душ, а это ведь не шутка!
Лентула твоего со свету гонит вон
За то, что у нее ни разу не был он.

Правдон

Признаться надобно, такое нераденье
Являет к старости одно лишь непочтенье.

Бурнай

Беда, бы, кажется, хоть тут не велика,
Да у старух ведь тот грешней еретика,
Кто редко ездит к ним, чтоб с ними для утехи
Играть или в лото, иль в карты на орехи.
Однако, не крушись: я все уже скончал —
Поставил на своем и всех перекричал:
А так как надобно сестрицу позабавить,
То слово дал вину Лентулову поправить.
Старушка нынче ж всей родне дает обед,
Куда обоих вас через меня зовет.
Уже с полсотни там билетов разослали,

И знаешь ли, как мы все дело окончали?
У ней, как у меня, все вмиг бы, да тотчас,
Чтоб ныне ввечеру сговору быть у нас.

Чеснов

Позвольте с счастием Лентула вас поздравить.

Правдон

Мой друг, я не успел еще тебе представить;
Вот Чеснов...

Бурнай

Это он? Позвольте вас обнять.
Я слышал все и рад короче вас узнать.
Чудак ваш друг нам тьму наносит огорченья;
Но по друге таком достоин он почтенья.
Молчите ж; не сказав Лентулу ничего,
Мы там нечаянно обрадуем его
За то, что давича от нас ему досталось.

(Смотря на часы)

Ба, да и время нам немного уж осталось!
Прибраться надобно скорей обоим нам,
Чтоб деревенщиной не показаться там.

Правдон

Да мы сбирались ведь и так туда обедать.

Бурнай

Эх!.. мы ведь к Сединой сбирались щей отведать,
Ан вышел из того сговорный, званый пир;
Так надо попышней нам показаться в мир.
Уже и так с утра я разрядил Прелесту
И вывезу ее, ну, прямо как невесту.

Правдон

Молчи, и мой чудак свое дал слово мне,
Что в пух разрядится он к будущей родне,
И с давишней поры засел за туалетом.

Бурнай

То можно нам детьми похвастать перед светом!
Уж прямо парочка.—

Правдон

Когда б не эта лень
То б, право, мой Лентул...

Бурнай

Молчи, не в час, так в день,
Не в день, так в месяц мы проказника исправим.
И молодцом его ну хоть на смотр поставим.

Чеснов

Так к дяде поскачу сейчас я извинить
И друга и себя — и дело изъяснить.

Правдон

Нет, нет, сударь! успеть он должен прежде с вами,
А там откушать вы пожалуете с нами.

Бурнай

Так, так, да — попросту. Чинов я не люблю.
Постойте ж, побегу, его потороплю.

Чеснов

Позвольте ж съездить мне пристойнее убраться...

Бурнай

Чтоб нашим бабушкам прелестней показаться...

Чеснов

У дяди дома я и попросту одет.

Бурнай

Смотри, не взбаламуть старух у нас, мой свет!
(Уходит)

Явление 3

Чеснов

На празднике таком не ждал иметь я чести...

Правдон

Вернитесь же скорей, так все поедем вместе;
Через минуту наш оденется чудак.

Чеснов

Когда позволите, мы расположим так:
Через минуту я за Лентулом заеду;
Он съездит с дядею, и к званому обеду,
Все дело окончав, мы с ним успеем быть.

Правдон

Одно лишь только тут не надобно забыть:
Чтоб вместе всем отсель отправиться к графине.

Чеснов

Так точно.

(Уходит)

Явление 4

Правдон и Бурнай

Бурнай

Ну, мой друг, порадуйся о сыне!
Я знал, что будет путь, лишь в нем увидел страх.
Куда вся лень пошла? Ну, слышь, расчесан в прах.
Теперь лишь от него пошел мусье с гребенкой.

Правдон

Мусье!..

Бурнай

Да, да, француз — сухой, высокий, тонкой.
Ну что ни говори, французам исполать:
Не только причесать, умеют растрепать.
Мы попусту, мой друг, на них кричим частенько;

Их только надобно распределять умненько.
Учить детей они у нас не мастера,
Зато уж лучшие портные, повара
И парикмахеры. — Иной, как чудо, гадок, —
А с их подправкою как выточеный гладок.
Вот давича Лентул — ну точно был как зверь.
Взгляни-тко на него — как писаный теперь,
А только голова еще одна готова.
Эй, позовите дочь — мне только ей два слова
Скорее приказать.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подлинная рукопись и сочинение Ивана Андр. Крылова (16-лѣтняго)
Лобанова

Комическая опера

Кофейница

въ трехъ дѣйствiяхъ

Заглавный лист рукописи комедии Крылова «Кофейница»

КОФЕЙНИЦА

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица:

Новомодова, помещица.
Приказчик.
Петр, крестьянин Новомодовой.
Анюта.
Кофейница.
Финоген } родители Анюты.
Афросинья } родители Анюты.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Театр представляет лес, в самой близи деревню, а вдали также леса, поля и деревни.

Приказчик *(выходит. С сердцем)*

Чорт возьми всех девок в свете,
От которых столько бед:
От которых в зиму, в лете
Никогда покою нет;
От которых крестьянам,
Управителям, боярам,
Словом, людям в свете всем
Беспокойств живут тьмы тем.

[Приказчик влюблен в крестьянку Анюту и хочет помешать ее свадьбе с Петром, которого она любит взаимно. Петр один, поет].

Явление 3

Петр

Во всем нашем околотке
Нет прекраснее Анют;

[1] Текст, взятый в прямые скобки, принадлежит редактору.

Только все моей красотки
Лучше верно не найдут.

Резвится ль она бывало,
Пляшет, песни ли поёт,
Всё к ней лучше всех пристало
И всё как-то к ней идёт.

Стоит с нею лишь сойтиться,
Пошутить, поговорить,
Поплясать и порезвиться,
Чтоб смертельно полюбить.

Явление 4

Петр и Анюта

Петр *(взяв ее за руку)*

Не стыдись меня, Анюша,
Я ведь здешний, не чужой;
Иль забыла, что Петруша
Говорит теперь с тобой?

Анюта

Да ведь я не горожанка,
Чтоб стыда-то мне не знать;
А и там ина дворянка
Стыд умеет разбирать.

[Петр]

Пусть хоть надобно стыдиться,
Только ведь не жениха;
А то $\frac{\text{уж и}}{\text{девке}}$ не годится,
Что к нему ты так строга.

Анюта

Да кого же я стыдиться
Стану, коль не жениха?
А то девке не годится,
Коль она уж так $\frac{\text{плоха}}{\text{строга}}$.

Явление 6

[Приказчик предлагает Анюте свою руку. (Первая строка проза, как и другие реплики между ариями.)]

Приказчик

Ну, теперь рассуди хорошенько,
Лучше ль быть тебе крестьянкой
Иль приказчицкой женой:
Ведь приказчица с дворянкой
Поравняется собой.
Так-то, Анюта!

Анюта

Чтоб я пошла за приказчика! да еще за тебя!.. да разве с ума сойду.

Приказчик

Да чем же тебе приказчицкая-то жизнь не нравится?
Я в деревне здесь живу как властелин,
И в почтеньи больше, нежель господин.
Всякий здесь меня боится,
Всяк послушен и страшится;
Я всегда всех волен бить,
Как лишь может в ум приттить.

Анюта

Так это и хорошо, что ты всегда дерешься?

Приказчик

Я с крестьян оброк сбираю,
Бар своих пренебрегаю,
Все беру, ловлю, хватаю
И карманы набиваю,
От чего стал так богат,
Что всяк тестем мне быть рад.

Анюта

Коль когда ты попадешься
В плутнях эдаких своих,
Так и с рекрут не сорвешься
У помещиков лихих.

Приказчик

Трудно им поймать такого,
Моя милость какова:
У меня всегда готова
На увёртки голова.

Анюта

Хоть одинава узнают,
Так в зашейник натолкают,
На конюшне отдерут
И в солдаты отдадут.

Приказчик

Этого-то и не взвидишь,
Чтоб когда попался я!

Анюта

Авось скоро ты увидишь
Чужи дальные края.

Приказчик

Эй, Анюта, постыдися.

Анюта

Мне не для чего краснеть,
А ты лучше сам уймися.

Приказчик

Будешь же и ты жалеть.

Анюта

Право, я жалеть не буду
Что не быть тебе женой;
Только ввек не позабуду
Рассказать поступок твой.

(Уходит)

(вместе)

Приказчик

Как ни стану, а добуду:
Будешь ты моей женой.
Разве Фролом я не буду,
Иль ум потеряю свой.

Явление 7

Приказчик и Новомодова

Новомодова

О, проклятые лакеи,
Окаянный хамов род.
О! бесстыдные злодеи,
Чтобы всех вас побрал чорт.
Вы господ век мучить ради
И от вас всегда досады,
Пьянствы, злобы, плутовства,
Смут, ссор, драк и воровства.

Да разве мне не допытаться из вас виноватого? Нет, этого-то ввек не будет.

Приказчик

Что такое сделалось, сударыня?

Новомодова

У меня украли ложки,
Не оставили ни крошки:
Их без просу унесли,
И следы уж заросли.

Приказчик

Ах, как это?

Новомодова

Вчерась ко мне из городу привезли дюжину столовых серебряных ложек. А я их, поглядевши, и положила в моей спальне на стол; сегодни хватилась, ан уж их и нет. Однако у меня найдутся: ни на одной бестии живого места не оставлю.

Ваньку, Ташку,
Петьку, Дашку,
С ними вместе и Парашку
Я смертельно отдеру
И их всех передеру.

Приказчик

Барыня, да ведь хто-нибудь один виноват, а вы всех бить хотите!

Новомодова

Для того, чтобы друг за другом крепче смотрели, а то нет, уже и избаловались, давно не пороты; им каждому надо на всякий день бани по три давать, так и будут как шелковые; а то-это безделица в неделю вытерпеть дранины две... Господи боже мой, посмотришь в людях то так любо-дорого глядеть, как смирны, как тихи, как вежливы, как чисты на руку, а отчего? оттого, что часто бьют; а то с ними хоть чуточку ласково обойдись, так и нос поднимут.

Лишь спусти с них чуть-чуть глазки,
С ними обойдись добром,
И не дай в день две-три таски,
Так и будет дом верх дном.

Только я поправлю скоро свою погрешность!

Приказчик

Боярыня, да иной совсем не знает...

Новомодова

Драться я не не умею,
Всех их буду порознь драть;
Рук своих не пожалею
Виноватого сыскать.

Приказчик

Да иной совсем не знает,
Что пропажа есть у вас.

Новомодова

Палка это угадает,
Как даст всякому сто раз.

Драться я не не умею,
Всех их буду порознь драть,

Рук своих не пожалею
Виноватого сыскать.

Приказчик

Да други чем виноваты,
Их за что хотите бить?

Новомодова

Нет ни малой всем пощады,
Поколь ложек не найтить.

Драться я не не умею,
Всех их буду порознь драть;
Рук своих не пожалею
Виноватого сыскать.

Приказчик

Говорить уж не умею
И не знаю, что начать;
Только, право, я робею,
Чтоб чего не накачать.

Новомодова

С живых кожи до пят спущу.

Приказчик

Э, постойте, барыня, я нашел один способ, коим, может быть, сыщем виноватого и ваши ложки.

Новомодова

Палки скажут мне,
У кого оне;
Я сказала,
Не солгала,
Что их всех переберу
И как белок обдеру.

Приказчик

Да упрямый вор хоть рад умереть, а не сказать.

Новомодова

Палки скажут мне,
У кого оне;
Я сказала,
Не солгала,
И потоль не отойду,
Поколь ложек не найду.

Приказчик

Да мы и без побой сыщем виноватого.

Новомодова

Палки мне вернее скажут,
Виноватого докажут,
Ложки вынут, отдадут
И мошенников уймут.

Приказчик

Да как вора вы найдете,
Так его вы отдерете,
Как угодно вам;
Я расправлюсь сам.

Новомодова

Ну, да што такое, честью што ль ты правду от них хочешь выведать? так этого и ввек не дождаться.

Правды ввек ты не узнаешь,
Как на просьбу уповаешь:
Ради все хотя исстыть,
Нежель правду объявить.

Приказчик

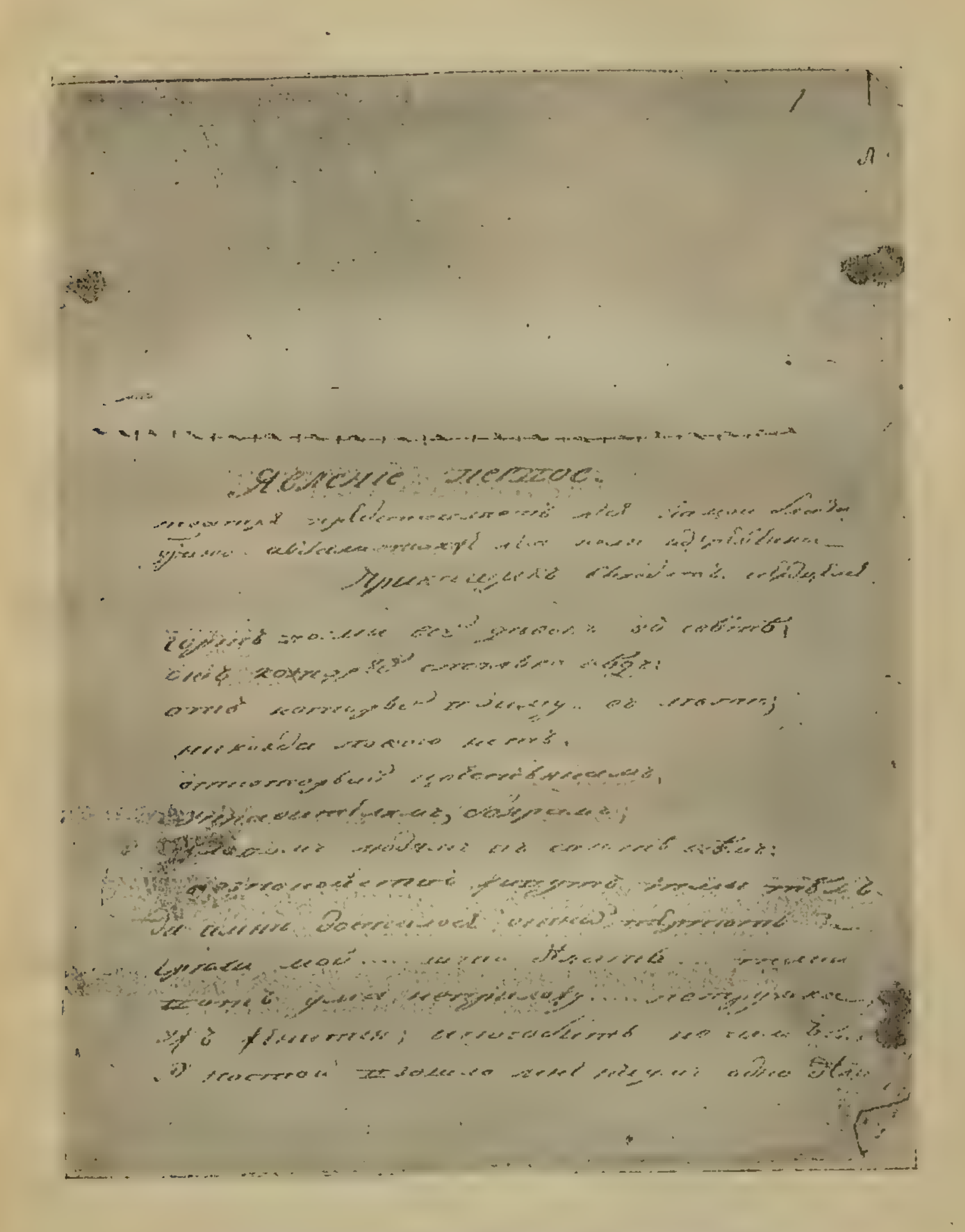
Да я их и спрашивать не буду.

Новомодова

Да пи как же ты хочешь, уж это и мне непонятно.

Приказчик

Вы знаете, как хорошо умеют гадать кофейницы, которых искусство уж весь свет знает, а до городу не более



Явление первое.

Первый лист рукописи Крылова «Кофейница»

отсель двух верст, так мы за ней спосылаем Данилку, и она вам верно скажет виноватого.

Новомодова

И ведомо так. Так пошли же за ней сейчас на лошади.

Приказчик

Очень хорошо, барыня.

Новомодова и Приказчик

Она скажет без утайки,
Кто из наших ложки взял;
А из праведной их шайки
Ни один еще не лгал.

Новомодова

Допытаюсь, постараю[сь],
Постараюсь;
Сломлю голову рублю,
Да уж с вора я слуплю.

Приказчик

Ей узнать,
Нам сказать
Это ничего не стоит,
Коли в плате не поспорит.

Новомодова и Приказчик

Они знают,
Не болтают,
Тотчас правду открывают,
И лишь взглянут в чашку, вмиг
Скажут, ложки кто подстриг.

Новомодова

То-то дам отраду сердцу,
Шельму вора в гроб прибью.

Приказчик

Уж и я поддам же перцу,
Хотя с ног себя собью.

Новомодова

Мне не впервой с ними драться.

Приказчик

Мне не впервой их учить

Новомодова

Лихо б только что додраться.

Приказчик

Мне изволь лишь поручить.

Новомодова и Приказчик

Ну, теперь пошлем Данилку,
За кофейницой в посылку;
А как скажет вора нам,
Приберем его к рукам.

Конец первого действия

[Во втором действии Приказчик, который сам украл ложки, подкупает кофейницу-гадалку, чтобы она признала вором Петра. Петр обвинен. Новомодова собирается продать его в солдаты (рекруты); его бьют].

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет комнату госпожи Новомодовой

Явление 1

Кофейница *(одна)*

Нет на свете правды боле;
Все обманами живут;
И по воле иль неволе
Лишь того и стерегут,

Чтобы ближнего ограбить,
Его мошну процедить,
На тот свет родню отправить
И тем свой карман набить.

Лихо в руки бы попало
От кого что и кому,
У него уж и пропало.
Тот не числи к своему.

Инной кражей промышляет,
Инной честным воровством;
Только редкий набивает
Свой шкатул не плутовством.

Явление 5

[Финоген и Афросиния приходят к Новомодовой и предлагают, распродав свое имущество и заняв денег, заплатить ей цену пропавших ложек. Новомодова замышляет взять деньги, сделать Петра своим лакеем, «и тут уже легко можно пригнать какую-нибудь вину, за которую тотчас будет он в красной шапке», т. е. все-таки продать его в рекруты. Она не хочет позволить Петру жениться на Анюте].

Приказчик

Вот это ему подлинно страшней громовой стрелы.
Как Анюту он увидит
За другим, не за собой,
Так авось возненавидит
Свой поступок начатой.

Новомодова

И как он в солдатах будет
И потрет свою суму,
Думы прежни позабудет
И приложит ум к уму.
Мне печали уж не будет,
Будет красть он иль забудет;
Там себе, пожалуй, крадь,
Коль не лень сквозь строй бежать.

Приказчик

Кражу с лихвою воротим,
Долги, хоть не все, оплотим.

Новомодова

Да и вновь их заберем,
Коли, бог даст, не умрем.

Приказчик

Там уж будет ваша воля
Заплатить и вновь забрать,
А моя в делах сих доля
Потакать иль уж молчать.

Новомодова

Кабы мне да за Петрушку
Дали рубликов пять сот,
Да потом бы и Ванюшку
Я отправила в поход,
То б хорошую ливрею,
Экипажев, мебелей...
Словом, всё уже затею,
Лишь бы с рук их сбыть скорей.

Приказчик

Да ежели, барыня, вам за них дадут и целую тысячу, так ведь и того будет мало на ваши замыслы.

Новомодова

Коли этого не станет,
Я с крестьян оброк сберу.

Приказчик

И того ведь не дотянет.

Новомодова

В долг на вексель заберу.

Да с крестьян-то как не станет? Разве не из чего им мне дать оброку за пять лет вперёд?

Приказчик

Да вы и так в прошлом месяце с них взяли за четыре года вперёд.

Новомодова

Эдакая диковинка! ну, так что ж? можно и еще взять за четыре.

Приказчик

Правда, и еще бы можно:
Да уж нечего им дать.
Знать и вы, что то не ложно:
Вы изволили все взять.

Новомодова

Как возьму в ежевы руки,
Так дадут хоть из-под муки.

Приказчик

Да они уж так голы,
Как вот точно соколы.

Новомодова

Ну, да уж я там подумаю... да вот и они идут; как же дурак-то рад! да скоро перестанет радоваться.

Явление 6

Финоген, Афросинья, Анюта, Петр и прежние

Финоген и Петр *(приносят по мешку денег; потом, положив их на пол, поют с Афросиньей и Анютой)*

Приказ ваш мы исполняем,
Коль на то пришел уж рок;
Деньги тотчас отсчитаем
Вами в положенный срок.
Мы теперь уж квиты с вами.

Петр *(к Финогену)*

Скоро буду я твой зять.

Все (*кроме Приказчика и Новомодовой*)

Будет тихо между нами
И слез не за чем терять.

Новомодова

Подождите,
Не ходите;
Не совсем-то квиты мы,
Хоть не будет несть сумы.

Петр

Да за чем же дело стало?
Что вам в мире помешало?
Хоть бы ложки-то я взял,
Так ведь деньги вам отдал.

Новомодова

Я то знаю,
Понимаю;
Только надо те унять,
Чтоб не смел вперёд ты красть.

Финоген, Афросинья, Анюта и Петр

Да что же вам еще надобно?

Новомодова

Хоть не будет он в солдатах,
Да пусть будет мой лакей;
Будет жить в моих палатах,
Чтобы был вперед умней.

Финоген

Да ведь он не будет моим зятем; так что ж мне в том пользы?

Новомодова

Та польза, что я так хочу... Слышите ль?

Финоген

Так ин подай же деньги, барыня.

Новомодова

Нет деньги-то я-таки возьму за ложки и за то, что не отдам его ныне в рекруты.

Петр

Помилуйте, бога ради, барыня, что мы вам сделали?

Новомодова

Ну ж, больше ни слова!

Петр *(Приказчику)*

Фрол Борисьич, замолви хоть ты за нас.

Приказчик

Спорить отнюдь я не намерен;
Ты будь, дружок, м[...]
Ты будь, дружок мой, в том уверен,
С госпожею худ раздор.

Новомодова

Коли в лакеях будет он послушен,
Умен, ретив и не ленив,
То и еще успеет быть Анюшин;
Мой пароль донёр не лжив.

Приказчик

Сами совет ему вы дайте,
Как жить там и поступать;
Также и я совет сей, знайте,
Ему буду же давать.

Новомодова и Приказчик

Не великая кака кручина
Быть лакеем на сенях;
Он уж ведь не маленький, дубина,
Знает сколь велик сей страх.

Новомодова *(Приказчику)*

Поди ж одень и убери его теперь, как надобно... а вы не подъезжайте-ко больше мне ни с какими

просьбами; коли будет умен, так я и в лакеях его не оставлю.

(Приказчик уводит Петра, который поёт вместе с Анютой, Финогеном и Афросиньею):

Чтоб сквозь землю провалиться
Тому, ложки кто украл
И кто бога не боится,
Что нас так в беду вкачал!

(Уходят)

Явление 7

Новомодова

Врите себе там,
Что угодно вам;
А Петрушку я уж не отдам.
Я возьму на сени вора,
Пригоню к нему вину
И без всякого уж спора
Во солдаты прогоню.

А деньги надобны... Подлинно, кабы почаще эдакие виноватые... Да полно, что говорить, я и без вины в солдаты упетаю... лишь бы только деньги понадобились: за что ни отдам, да отдам.

Тот помещик уж худой,
Коль крестьяне у кого
Не под крепкою уздой
И не слушают его.
Он в обман,
Как болван,
К ним всегда готов попасться,
И их принужден бояться.

Явление 8

Новомодова и Приказчик

Новомодова

Ну, велел ли ты убрать нового лакея?

Приказчик

Так, как надобно лакею,
Я его велел убрать,
Обуть и одеть в ливрею,
Привив косу, причесать.

Новомодова

Ныне ж, время не теряя,
Искать надобно купцов;
Тем и лучше что скоряя,
А уж он совсем готов.

Приказчик

Об том буду я стараться,
Чтоб продать его скорей;
Вы извольте лишь держаться
Дамской пароли своей.

Новомодова

Тут не долго надо думать,
Не о многом размышлять,
А чтоб нам скорея сдунуть,
Должно в город поспешать.

Приказчик и Новомодова

Там купцов сыскать сих можно;
Поспешать скорей лишь должно,
А как только продадим,
Деньги в лавки отдадим.

Новомодова

Однако же надобно приискать вину.

Приказчик

О! в эвтом уж на меня положитесь и надейтесь, как на городскую стену; я сам в город с вами поеду, и на другой же день он у меня будет виноват.

Это я уже свахляю,
Потружуся окол пня

И уж в том вас поздравляю;
Лишь надейтесь на меня.

Новомодова

А я пойду по саду и сыщу, может быть, Кофейницу... а Петрушка пусть сряжается ехать в город. А там его уж спровадим.

Крушиться я не стану,
Мне нечего жалеть:
Как денежки достану,
Других можно иметь.

Все за деньги здесь достанешь,
Чего хочется тебе,
На что мило лишь ни взглянешь,
Смело всё бери к себе.

[Кофейница требует от Приказчика обещанной платы, — половины украденных им ложек или 20 рублей, так как она получила от него только задаток — одну ложку. Приказчик отсчитывает ей ложки, но в эту минуту входит Новомодова, Петр, Анюта, Финоген и Афросинья. Злодеи уличены. Приказчика отдают в рекруты, Кофейница попадает в тюрьму. Петр сделан приказчиком].

Новомодова

Теперь новым тебя чином я дарю
И сама твоей с ним свадьбы посмотрю.

Все *(кроме Новомодовой)*

Ну, теперь повеселимся,
Нам не для чего тужить;
Друг на дружку наглядимся,
Будем вместе вечно жить.

Анюта

Скоро буду я прикащику женою;
Веселитеся, друзья мои, со мною.

Все *(кроме Новомодовой)*

Ну, теперь повеселимся,
Нам не для чего тужить;
Друг на дружку наглядимся,
Будем вечно вместе жить.

Финоген и Афросинья

Теперь оба мы счастливы, да и дочь;
Будет нам кому на старости помочь.

Финоген, Афросинья, Петр и Анюта

Ну, теперь повеселимся,
Нам не для чего тужить;
Друг на дружку наглядимся,
Будем вместе вечно жить.

Новомодова

Ну, теперя веселитесь,
Вам не для чего тужить;
Друг на дружку наглядитесь,
Вместе будете вы жить.

Конец

ФИЛОМЕЛА

ТРАГЕДИЯ В 5 ДЕЙСТВИЯХ В СТИХАХ

Действующие лица:

Терей, Фракийский царь.
Прогнея, супруга его.
Ифис, сын их.
Филомела, сестра Прогнеи.
Липсей, любовник Филомелы.
Калхант, жрец Фракийский.
Агамет, наперсник Терея.
Херес.

Действие во Фракии, в царских чертогах

[Терей, влюбленный в сестру своей жены, Филомелу, скрывает ее в заключении и таит свою страсть. Но Липсей освободил Филомелу. Она сообщает Прогнее и Липсею, что Терей влюблен в нее и что он-то и заключил ее в темницу. Появляется Терей.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 3

Терей, Прогнея, Филомела и Липсей

Терей

Спокой свой томный дух, Прогнея... и скрепись...
Что вижу, небо, я?..

Прогнея

Тиран, остановись,
И мне желая дать в напасти утешенье,
Не умножай мое лютейшее мученье.
Не утешение мне нужно от тебя:
В злодействах оправдай гнуснейших ты себя.
Познай, злодей, что все открыто предо мною.

Увидь сестру мою, гонимую тобою,
Которой воспламенясь порочно ты на век,
Жилищем мрачную темницу ей нарек,
Чтоб ею жертвовать своей тиранской страсти.
Се жертва из твоей исторгнутая власти.
При ней самой, при ней себя ты оправдай...
И в ярости моей отмщенья ожидай...

Терей

Прогнея... небеса... какое оправданье
Терея уменьшить возможет злодеянье!

Прогнея

Ты не ответствуешь, но твой смятенный вид...

Терей

Твое сомненье весь дух во мне мутит.
Иль тщетной робости своей сестры ты внемля
И страстию мое намеренье приемля...
Чтоб сильной радостью сердец не всколебать...

Филомела

Напрасно, варвар, ты стараешься скрывать
Огнь, злыми фурьями в груди твоей рожденный,
Движеньем коего твой дух ожесточенный
Жилищем мне нарек обители зверей.

Терей

О небо, я открыт — вот плод любви моей!..

Прогнея

Храни молчание, жестокий мой мучитель;
Твое молчание есть твой изобличитель.
Порочной страстию свой дух воспламеня,
Не тщися уверять ты более меня.
Тебе не внемлю я... Бессильному тирану
Прилично прибегать к пронырствам и обману.

Терей

Когда перед тобой открыта страсть моя;
Скрываться не хочу в сей страсти боле я.

Познай в моей груди горящий огнь суровый:
Познай, что я ношу позорные оковы;
Оковы лютые, которых тяготу
Мученьем сердцу я и сладостию чту.
Что в них порочен я, я все то ясно вижу;
Любя сестру твою, себя я ненавижу.
Кляни любовь мою, Прогнея, ты кляни;
Судьбу, богов, меня, что хочешь ты вини.
Терзай меня и рви мое ты сердце злобно.
Мне страсти пременить жестокой не удобно.
Отмсти, несчастная, Терею ты, отмсти;
Но сердца пременить его себя не льсти.
Карай меня, и будь моих ты мук свидетель.
Я все презрел: закон, тебя и добродетель:
Тебя, котора мне милей души была;
Которая еще и ныне мне мила...
Нет, нет, я льщу тебе, несчастная супруга.
Люблю тебя, люблю; но, ах! люблю как друга.
Все для тебя — венец и жизнь пренебрегу;
Но сердца возвратить тебе я не могу.

Прогнея

Каким ударом грудь, жестокий, мне пронзаешь!
Не можешь!.. и сие сказать ты мне дерзаешь!
Или меня, Терей, своей рабою чтишь?
Но скоро мысль сию, неверный, пременишь,
И узришь, что, с тобой воседши на престоле,
Не с тем воссела я, чтоб быть в твоей неволе.
И если презрена тобой твоя жена;
Так может и тебя равно презреть она.
Но не презреннем тебе отмщать я стану.
Собраньем над тобой я бедств ужасных гряну.
Не льстись, тиран, узреть еще сестру мою:
Ее супругою Линсею отдаю;
А ты от глаз ее навеки удаленный,
Супругой и своей любовницей презренный,
В тоске, в отчаяньи кляни меня, весь свет,
Страдай, стени, томись и жди ужасных бед.

И должный трепетать перед твоим лицем
Порок, убежище находит под венцем.
Открой закрытые свои страстями очи:
Над троном распростерт твоим мрак адской ночи.
Гонима истина, пуская к небу стон,
Оставила тебя, твой двор и пышный трон.
Змии шипящие обманом гнусной лести
Ползут занять места, назначенные чести,
И, окружа тебя, льют в сердце лести яд,
Чтоб усыпленного низвергнуть в мрачный ад.
Смерть злая на тебя меч лютый изострила;
Разверзтая земля дно тартара открыла;
И мановения потребно лишь небес,
Чтоб с шумом от земли навеки ты исчез;
И пал во адские пылающие реки,
Страдать в отчаянье неизмеримы веки.
Еще ли медлишь ты раскаянье принесть?
Искореняй любовь, доколе время есть
И не сражен доколь ты гневом вышних грозно:
По смерти каяться мучительно и поздно.
Пролей пред вышними раскаяния стон:
Из ада до небес не достигает он.

Терей

Произнесенное не сердцем покаянье,
В устах преступника есть ново злодеянье.
Мой дух злодействами от неба отдален;
Не воле разума, но сердцу покорен,
Не смеет изрещи имен всевышних боле;
Спасенья я себе не вижу ни отколе.
Почто мне сплетать пред олтарями лесть?
И что могу своим стенаньем произвесть?
Мне сердца пременить всевышние не могут.
Иным уже ничем Терею не помогут!..
К чему ж напоминать в стенаньях им моих,
Что есть преступник злой, противный воле их?
К тому ль, чтоб ускорить моею казнью злою?..
Она и без того свершится надо мною!
Я слышу в страждущей груди предчувствия глас;
И может быть живу уже последний час;

Но если в нем свершу намерения люты,
Не пожелаю жить я доле ни минуты.
О рок! единого часа себе прошу;
Потом без трепета я казни все вкушу;
Но прежде, нежели низвергнуся в геенну,
Заставлю трепетать я дел своих вселенну.
Ты смертью мне грозишь, но ты б, Калхант, узрел,
Что дух отчаянный в единый час успел.

Калхант

Страшись, тиран, страшись своей жестокой страсти;
Готовы над тобой рассыпаться напасти.
Уже над домом сим разверзлись небеса;
Страшись отмщения свирепого часа.
Разверзлась под тобой неизмерима бездна,
И стрелы в грудь твою летят со круга звездна;
Уже вдали от них я слышу ярый гром.
Колеблется с тобой падущий в тартар дом.
Спасай себя, спасай; мне быть с тобой ужасно.

(Уходит)

Терей

Влеки во ад меня, стремление несчастно;
Отраду буду там хотя я ту иметь,
Чтоб к мучащим меня взаимной злобой тлеть;
А здесь... теряю жизнь, когда то воображаю;
А здесь я мучим той, котору обожаю!

Конец второго действия.

[Терей безумствует в злобной страсти; он вновь похитил Филомелу и заключил ее в темницу. Филомела присылает Прогнее письмо, в котором сообщает, что Терей

Чтобы злодействия свои сокрыть навек
Сей варвар... мой язык в злом бешенстве отсек.

Линсей вновь освобождает Филомелу. Филомела при смерти].

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление 1

Терей *(один)*

В слезах, в отчаяньи, размучен злой тоскою...
Куда стремлюся я!.. где я ищу покою?
Повсюду вкруг меня сгущенный вьется мрак;
И кажет всюду мне княжны кровавый зрак...
Я слышу стон ее, зрю трепет... скорбь... смятенье...
Не мучь меня, не мучь, ужасно привиденье!
Уже довольно я за злость мою терплю:
Стеню, страдаю, рвусь и — ах, еще люблю.
Люблю... когда мой дух всю злобу ощущает.
Люблю... в страданиях мне сердце то вещает.
И в страсти пагубной, смущая мрачный ум,
Пленен не нежностью, но тьмой тиранских дум.
Надежды лестныя, отчаянный, не видя,
Живу свирепством я, свирепство ненавидя.
Ах, сжалься надо мной, немилосердый рок!
Не буди столько лют, колико я жесток
И, страсти покоря рассудка слабой воле,
Названье варвара не дай носить мне боле.
Но тщетен страждущей души унылый стон,
Когда дает уму свирепа страсть закон;
Названье гнусное свирепого злодея,
Ты мной сопряжено со именем Терея;
И ты по множеству творимых мною злоб
Последуешь за мной в готовимый мне гроб!
Уже я чувствую врагов стремленьи яры,
Летят во грудь мою смертельные удары,
Оставлен всеми я, сужден умреть стеня,
Надежда мстить! и ты оставила меня.
Ах, тщетно в те часы, когда мой дух терзался,
Я за трапезою неколебим казался!
Когда там яствы я в уста свои влагал,
Казалось, что свою я плоть на части рвал.
Вино в моих устах во кровь преобращалось,
Падение мое всечасно мне мечталось...
Грызенье совести, отчаянье и страх

Последуют оттоль за мной во всех местах...
Не медли, лютый рок, моей ты смертью злою;
Завесу вечности открой передо мною.
Я тартар предпочту ужасной жизни сей...
Ах, жизнь преступника геенны самой злей!

[Филомела умерла. Народ, возмущенный злодейством Терея, восстает. Прогнея убила сына Терея и своего, накормила Терея его мясом и «бросает пред него кровавый череп». Терей закалается].

БЕШЕНАЯ СЕМЬЯ

ОПЕРА КОМИЧЕСКАЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица:

Сумбур.
Горбура, бабка его.
Ужима, мать его.
Прията, сестра его.
Катя, дочь его.
Изведа, служанка их.
Постан, влюбленный в Прияту.
Пропыр, слуга его.

[И Горбура, и Ужима, и Прията, и Катя влюблены в Постана; он любит Прияту. Привожу арии].

Катя

С моей смешавшись красотой,
Мои прелестные уборы
Пусть нежных душ пленяют взоры
И пусть дивят народ простой.
Когда случуся я в собранье
В спектакле или на гулянье,
Или приеду в маскерад,
Приятно эхо будет слышно:
Ах, как она одета пышно,
И как приличен к ней наряд!
. . . .

Сумбур

Можно гнуться сатаною
Пред красавицей женою,
Коль ее прелестный взор
Тянет золото на двор.

Богачу, ведь, и капралу,
Так как будто генералу,
Голова хотя пуста,
Везде передние места.

Так сказать чистосердечно
Можно не таясь конечно:
Счастлив, счастлив тот капрал,
Кто женою генерал.

. . . .

Прията

Любовью вспламененной
Душе моей плененной
Иного счастья нет,
Как милым утешаться,
Им тлеть и восхищаться,
И видеть в нем весь свет.

. . . .

Постан

Так я любим не ложно
Приятой дорогой;
Кому в блаженстве можно
Быть сравнену со мной?
Что всех она милее,
Пойду сказать ей сам;
Пойду отсель скорее
Упасть к ее ногам.

. . . .

Сумбур [1]

Где головы пустые
И платья золотые
В почтении всегда;
Где нужно лишь кривлянье,
Коверканье, ломанье,
Ступай, дружок, туда,

[1] Гонит Постана.

Там, скорчившись дугою
Всех встречных обнимай
И всем себя слугою
Покорным называй,
И требуй там награды
За важны толь труды;
Лишь для моей досады
Не шастай ты сюды.
. . . .

Изведа

Где свадьбу дают,
Там пьют и поют;
О деньгах не мыслят,
Забавы лишь числят,
Хозяин хоть вой.
Ценой дорогой
Корми всех и пой.
Там винами льются,
Целуясь дерутся;
Когда ж перепьются,
Ему ж насмеются
И едут домой.
А он как проснётся,
В долгу остаётся
И свадебный счет
Не выплатит в год.

[Постан женится на Прияте, Проныр на Изведе].

ИЗ «СОЧИНИТЕЛЯ В ПРИХОЖЕЙ»

* * *

Прекрасна красота, краса красот прекрасных,
Собранье прелестей открытых, зрелых, ясных.

* * *

Ветер, ветра, ветром гонит,
Все идет на оборот
Время все к премене клонит,
О кроме твоих красот.

Хоть еще сто лет на свете
Ты, прекрасна, проживешь,
Все в таком же будешь цвете,
Как и ныне ты слывешь.

Ты, ах, солнце негасимо,
И блестящая луна,
И уму не вобразимо,
Ты колико. . . ах умна.

ИЗ «ПРОКАЗНИКОВ»

***

Сколько пчол ни налетает
Красоту твою сосать.
Но она не увядает,
А изволит процветать,

Зальвом ты по всем стреляешь
Из твоих прелестных глаз;
Ты пленишь и разрешаешь
Всякий день и всякий час.

***

В полунощь нощи мрак востал,
Вихрь в твердь вдруг дхнул; и твердь тряхнулась
Марс бодр вмиг одр свой оставлял
Утроба гневом в нем раздулась.

АМЕРИКАНЦЫ

Опера комическая в двух действиях

Действующие лица:

Дон-Гусман, гишпанский вельможа и военачальник.
Дона-Эльвира, сестра его.
Ацем, начальник американцев.
Цимара, любовница Гусмана } сестры
Сорета, любовница Фолета } Ацемовы.
Фолет, новопоселившийся гишпанец.
Фердинанд, подчиненный Гусмана.
Воины гишпанские.
Воины американские.

Действие в Америке

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет пустые места: с одной стороны горы, с другой лес, внутри вдали видны шалаши американцев.

Явление 1

Дон-Гусман и Фолет, а потом Цимара и Сорета

Дон-Гусман

Так они то были точно,
Станем их искать, Фолет.

Фолет

Это будет всё беспрочно;
Никого здесь верно нет.

Дон-Гусман

Ты робеешь.

Фолет

Не робею.

Дон-Гусман

Стороной поди своею,
Их ищи по всем местам.

Фолет

В лес к зверям итти не смею.
Где найдешь их по кустам?
Лучше здесь их кликать нам.

(Вместе)

Дон-Гусман

Цимара!

Фолет

Сорета!

Цимара и Сорета *(в кустах)*

Я вижу Фолета,
Гусман ходит с ним.

Дон-Гусман

Они были сами.
Здесь между лесами
Еще поглядим.

Цимара

Они пришли сами
Увидеться с нами.
Покажемся им.

Сорета и Фолет

Иль между лесами
Знакомства с бесами
Искать мы ходим?

(Вместе)

Цимара и Сорета *(выходя из кустов)*

Вот и мы к вам прикатили,
Здесь в лесу лишь мы одне.

Дон-Гусман

Вы нас жизнью подарили.

Фолет

Нечего бояться мне.

Все

Сколь несносно расставанье,
Столь приятно нам свиданье.
Час мне самый дорогой,
Если я, мой друг, с тобой!

[Гусман предлагает Цимаре увезти ее в Испанию. Фолет предлагает то же Сорете. Девушки просят их остаться в Америке. Сорета поет Фолету]:

(Ария)

Мы бы с тобою, не знав разлуки,
Жили б в забавах, не знали б скуки,
Были бы вместе всякий мы час.
Если бы стало на небе ясно,
Мы бы гуляли в лучших местах;
Если бы было небо ненастно
Мы бы скрывались одни в кустах!
    Мы бы играя
    Забот не зная,
Рыбу ловили у наших вод,
    Мы б не крушились,
    Все бы резвились,
Нам бы неделей казался год.

[Фолет один поет].

Явление 3

(Ария)

Что начать теперь такое?
Не сберусь с душой своей.
Здесь с Соретой жить в покое
Иль в Европу ехать с ней?
Но чего мне думать боле?
Весела ведь жизнь и в поле,
А в Европе дорога.
За поездку же в награду,
Земляки мои в досаду,
Прикуют мне там рога.

Вздорить мне на перекоры,
Делать брани, драки, ссоры
Переймет Сорета там.
А я, вместо чтобы злиться,
Должен буду веселиться,
И по моде тем хвалиться,
Что женою мог подбиться
В милость к модным господам.
Сверх того, судьи иль воры,
На происки денег скоры,
То, узнав, что я богат,
Иль судом или обманом
Познакомятся с карманом.
С ними жизни быв не рад,
Буду беден и рогат.
Сверх того, жене наряды —
Нет, терпеть сии досады
Я не в силах завсегда;
Нет, не еду я туда.

[Цимара одна поет].

Явление 5

(А р и я)

Я любить его век стану,
Вечно верность сохраня,
С сердцем только страсть к Гусману
Вырвать можно из меня;
Но иным нельзя заставить
Мне любовь к тому оставить,
Кем приятен мне сей свет.
Без Гусмана всё отравы,
Без него мне нет забавы,
Без него веселья нет.
А когда я с ним бываю,
Свет тогда позабываю.
Он один передо мной,
Заменяет все собой.

[Ацем, который воюет с испанцами и ненавидит их, взял в плен Эльвиру. Он влюблен в нее. Он поет ей (явл. 6)]:

(Ария)

Не опасайся быв со мною,
Себе беды ты никакой,
Я вооруженной сей рукою
Твой стану защищать покой.
Напрасных страхов не имея,
Живи здесь, мною ты владея,
Тебе подвластен буду я,
И вся со мной страна моя!

[Эльвира поет]:

(Ария)

Могу ли не терзаться,
Не плакать и не рваться,
Свободы я лишась
И с братом разлучась?
Живя в твоей неволе,
Спокойства сердцу боле
Не будет никогда;
Я сколь ни сожалею,
Но пленницей твоею
Останусь навсегда.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет американское селение, вокруг которого со всех сторон горы и леса, а вдали открытое море.

Явление 1

Эльвира *(одна)*

Ацем собрал все силы свои, чтобы сделать нападение на ту деревню, в которой мой брат. Чем кончится это сражение? — И Гусман и Ацем мне милы. Кому пожелать победы? — К жизни обоих привязана моя жизнь; с потерею одного все благо мое потеряно.

(Ария)

Вижу поле я сраженья,
Вижу я оружий блеск;
Слышу шум и пораженья
И оружий страшный треск.
Там Ацем и брат любезный

Мне готовят жребий слезный,
Друг на друга устремясь,
В злобе лютой съединясь.
Бед кому я пожелаю?
Тот мне мил, другим пылаю,
Жизнь мою делят они.
Кто ни будет победитель,
Будет лютый мой гонитель,
И мне даст плачевны дни!

[Ацем победил испанцев и взял в плен Гусмана и Фолета; он готовится сжечь пленников на костре. Костер зажигают]:

Явление 5

Хор *(окружая костры и держа зажженные пучки, поет)*

Солнце! сих врагов природы
Мы тебе приносим в честь.
Нашей дни продли свободы
И пошли им праву месть.

Ацем

Должно, чтоб ты с светом разлучился.

Дон-Гусман

Без Цимары он не мил.

Фолет

Ах, на то ли я родился,
Вырос и потом влюбился,
Чтобы здесь изжарен был?

Явление 6

Ацем, Дон-Гусман. Фолет и Эльвира *(выбегая)*
Продолжение хоров и Квартет

Эльвира

Что за шум печаль мне множит?
(Видя костер)
Вид ужасный дух тревожит.

Фолет

Я от страха уж горю.

Эльвира

Но, несчастная, что зрю?
(*Бросаясь к Гусману*)
Брат драгой!

Дон-Гусман

Сестра любезна!

Ацем

Он ей брат?

Фолет

Минута слезна.

Дон-Гусман

Умереть здесь должен я.

Эльвира (*Ацему*)

Нет, в тебе вся жизнь моя.
Ах! яви к нам сожаленье.

Фолет

Милость к нам яви свою.

Все (*кроме Ацема*)

Сжалься на мое мученье,
И спаси ты жизнь мою;
Иль, продля ожесточенье,
Ты увидишь смерть мою!

Ацем

Я твое ко мне прошенье
Ставя мне за повеленье,
Чтя любезную мою,
Жизнь обеим им даю,

(Американцам)

Прочь отселе вы подите,
В жертву солнцу их не жгите.

Ацем

Мне слова твои священны.
Будь спокойна навсегда.

Эльвира и Фолет

Дух и сердце восхищенны,
Что прошла сия беда.

Дон-Гусман

Дух и сердце возмущенны
Их согласьем навсегда,

Хор

Нам слова твои священны!
Мы покорны им всегда.

(Вместе)

[Ацем ставит условием прощения испанцев, «чтобы они заменили нашу потерю собою, оставшись здесь, и чтобы ты (Эльвира) согласилась быть моею». Гусман не соглашается и зовет его в Испанию. Фолет соглашается. Они поспорили и поссорились. Фолет поет]:

Явление 9

(Ария)

Пред гишпанцем так гордиться!
Так Фолета презирать!
Жолчь во мне кипит, стремится,
Этна хочет дух занять.
Я горю — дрожу — немею —
То вспыхну, то леденею.
Грудь раздулася моя —
И от гнева тресну я.

(Гусману)

Поезжай в Мадрид скорее,
Сядь в повозку и лети
Самой молнии быстрее.
Ваш слуга! — Гусман! — прости! —

Колокольчик завывает — динь, динь динь,
Ваша гордость замирает — ой, ой,
Вижу тучи, гром гремит,
И герой — как лист дрожит.
Что ж! не то? — останься с нами,
Весело, приятно здесь.
Ацем изгрызет зубами
И тебя, и горду спесь.
Иль дубинкою попарит,
Иль от скуки хоть изжарит—
Огонёк чуть чуть шипит — шу, шу, шу,
Как пчела Гусман жужжит — жу, жу.
Как на вертеле быть мило!
Гордость закипит тотчас!
Мне в Мадрите жить постыло,
Жить несносно мне у вас.
Здесь один Сореты вид
Мне Европу заменит!

[Фердинанд, напав на американцев, побеждает их. Ацем в оковах. Гусман освобождает его. Ацем поражен его человеколюбием и соглашается ехать в Европу. Все готовы ехать в Испанию].

СОННЫЙ ПОРОШОК ИЛИ ПОХИЩЕННАЯ КРЕСТЬЯНКА

Опера в трех действиях

[Граф-помещик влюблен в свою крестьянку и хочет помешать ее свадьбе. Он поет (действ. I, явл. 2)]:

Во лугах, садах, летая,
Бабочка, кружась, порхая,
Радости находит в том, —
Сесть в полете чтоб игривом
На тюльпане горделивом,
Тоже на цветке простом.
Образ в том мой обретаю,
Что предметы пременяю,
Равно, что я страсть питаю,
Тоже по крестьянке таю,
Как по даме городской,
Равны все в любви такой;
Бабочкою быть желаю,
Я подобно ей порхаю,
Страсть мою как объявляю
Деревенской красоте.
Знатность наша вся вместе,
Для любви приметы те
В одинакой доброте,
Для любви всё в красоте.

[Отец героини, крестьянин Блез, рассказывает о нравах города; он поет (действ. II, явл. 3)]:

Господа там с госпожами
Всяк день вместе все живут.
И, не бывши их мужьями,

Речь любовницам ведут.
В этом там не осуждают,
Со лбу на лоб что сидят:
Я божусь, так поступают,
В городе в обычай чтят;
Много там вещей случайных,
Нам совсем не обычайных:
Вольно там себя ведут,
Что за шашни здесь сочтут.
Вместе ездят на гулянье,
Или ночью на свиданье,
Не нарушивая честь,
И глазами там мигают,
Даже нежно обнимают,
А все эдак поступают,
Веселей чтоб время весть,
Не нарушивая честь,
Не нарушивая честь.

[Филипп, жених героини, похищенной графом, проникает в графский дом. Граф хочет упрятать его в тюрьму. Жених подумывает о самоубийстве; он поет (действ. III, явл. 8)]:

Чтоб себя убить,
Потребны тут притравы,
И нож в себя всадить
Иль выпить чтоб отравы,
Нужнейше, может быть,
Отвагу чтоб явить,
Железом, мню славнее
И поступить смелее,
Но... но дело чтоб скончать,
Где смелости мне взять?
Вот здесь готова шпага,
Но надобна отвага.
Но дело чтоб скончать,
Где смелости мне взять?
Чему, посмотрим, сбыться,
Мне жить ли, иль убиться?
Не трус, чего робеть,

Потщимся умереть!
Прощайте!
Я умираю, не плачьте вы,
Друзья, прощайте,
Я жизнь кончаю.

(Чужим голосом)

Прощай, Филипп, мой друг!

(Своим голосом)

Кто говорит вокруг?
Прощай, Филипп любезный,
Друзья мои, простите,
Друзья мои, прощайте,
Прости, Филипп любезный,
Филиппа поминайте,
Поминайте, прощайте!
Ах, друзья, прощайте, ах, прощайте!
Иль взбесился, на стать остановился?
Зачем мне умирать,
Я смерти свободился,
Мне лучше жив страдать,
Я жизнью вновь пленился,
Зачем мне умирать?
В моей имею власти
То, чем мне умереть,
Сносить умей напасти,
Полезнее терпеть,
Сносить умей напасти,
Полезнее терпеть!

ИЛЬЯ БОГАТЫРЬ

Волшебная опера в четырех действиях

Действующие лица:

Илья Богатырь.
Владисил, князь Черниговский.
Всемила, княжна Болгарская.
Тароп, шут Владисила.
Седырь, боярин Черниговский.
Зломека, волшебница.
Добрада, волшебница.
Лена, дочь Добрады.
Русида, невеста Тaропа.
Пламид, наперсник Зломекин.
Соловей-разбойник.
Асмодей.
Вестник.
Придворные Зломеки.
Посол от Печенегов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет двор Черниговского князя Владисила, окруженный теремами и переходами; как по переходам, так в окнах, а равно и на площади видно множество народа разного звания; с левой стороны выходит часть дворца, с богатым крыльцом, устланным коврами; на нем приготовлено место под великолепным балдахином.

Явление 1

Хор народа, Русида и Тароп

Хор

Ощущай, Чернигов, радость,
К торжеству себя готовь:
Силу, красоту и младость
Сочетает здесь любовь!

Владисила и Всемилу
Небо в счастьи сохрани,
Прочь гони ты грусть унылу
И златые дай им дни.

Русида

Проведи ж меня, друг милый,
И местечко мне пристрой.

Тароп

Рад тебе служить всей силой;
Ты уже вот тут постой.

Русида

Да увижу ль?..

Тароп

Все увидишь.

Русида

Да услышу ль?

Тароп

Все услышишь.

Русида

Здесь пойдет княжна двором,
То-то будет шум и гром!

Тароп

Здесь навстречу князь наш выйдет:
Тут Русидушка увидит,
Как невесту встретит он.
Песни, музыка и пляски,
Прибаутки и присказки
Грянут вдруг со всех сторон.

Русида

То-то славно! как я рада!

Тароп

Что же мне за труд награда?

Русида

Мой поклон.

Тароп

А там?

Русида

А там —
Я еще поклон отдам.

Тароп

Только?

Русида

Только.

Тароп

О плутовка!
Будто уж и не поймет?

Русида

Нет, мне в голову нейдет:
Я ведь, право, не колдовка.

Тароп

Поцелуем награди!

Русида

Тише, тише, погоди,
Тише, это награжденье,
К свадьбе я хочу сберечь.

Тароп

Я за это награжденье
Рад себе дать руку сжечь.

(Вместе)

[Князь Владисил, несмотря на козни пленной дочери печенежского кагана колдуньи Зломеки, собирается жениться на Всемиле по завещанию покойного своего отца. Народ собрался встретить Всемилу, приближающуюся к Чернигову. Выходит князь Владисил. Народ приветствует его].

Явление 3

Хор народа

Веселись, князь Владисил:
День желанный наступил.
Всё здесь радость оживила,
К нам прекрасная Всемила
Тьмы утех с собой несет.
В ней тебе супругу нежну,
Нам заступницу надежну
Милосердый рок дает.

Владисил

Друзья и дети мне любезны,
Нет счастья равного с моим,
Когда вам дни мои полезны
И если вами я любим.

[К городу тем временем подступил Узбек, отец Зломеки; его посол требует от Владисила свободы Зломеки и дани; посол предлагает князю следующее условие: «У тебя в кладовой есть старая чаша, из которой пивали богатыри; если в Чернигове кто-нибудь может ее поднять и выпить одним духом, то Узбек отступает от города и требует только возвратить ему дочь его и прислать чашу. Приносят чашу. Богатыри все готовы взяться за нее, хотя «чаша то в 15 ведр». Чаша налита]:

Явление 4

Хор народа

В сей знаменитый день и час
Зовет, герои, слава вас:
Свою вы силу окажите
И князя и народ спасите.

(В продолжение сего хора богатыри дружинами идут мимо князя и приготовляются к подвигу)

Хор

Ну, дружней, господа,
До кого череда?

Тароп

Этот плох.

Седырь

Этот хил.

Оба

Этот вовсе без сил.

Хор

Ну, дружней, господа,
До кого череда?

Седырь

Этот слаб.

Тароп

Этот мал.

Вместе

Этот оченно вял.

(В это время богатыри составляют маленький балет и примериваются поодиночке поднять чашу, но никто не может)

Хор богатырей

Государь, не в-мочь,
Не под-силу это нашу;
Прикажи взять прочь,
Прикажи принять ты чашу.
Не вино в ней пить;
Лучше в ней варить
На артель в походе кашу.

Тароп и Седырь *(отходящим богатырям)*

Что, брат, чаша скользка,
Что, свет, чаша веска.
Богатырчик, душа,
Пей-ко ты из ковша!

[Зломека исторгает из чаши дым и пламя и хочет поднять ее но «из нее поднимается Лена, дочь Добрады», волшебницы.

Явление 5

Лена

Стой, дерзкая, и не смей до сей роковой чаши прикасаться: в ней привязано спасение Чернигова. А ты, князь Владисил, знай, что коварная Зломека умышленно отдалась тебе в плен, чтобы завлечь тебя в свои оковы; она очаровала богатырей твоих и призвала отца своего, Усбека, напасть на Чернигов нечаянно с огнем и мечем. Но знай, что судьба и мать моя, Добрада, тебе покровительствуют, — уже шествует — сильный богатырь Илья Муромец к спасению вашему; но ты, князь, должен достать для него меч-кладенец: им погубит он врагов твоих; мужайся и одолевай. *(Улетает)*

Хор народа

Какое чудное виденье!
Спаси от бед нас, провиденье!

Зломека

Ненавистная Добрада, ты мне везде мешаешь, но я предупрежду тебя. Ад, услышь мое заклинание! — Очарованный меч-кладенец князь Владисил не может достать без помощи трусливейшего человека при дворе его!

Тароп

Ах, не до меня ли дело доходит?

Зломека

Так, я знаю, что ты меня ненавидишь, — знай же, что приобретение меча сопряжено с большими ужасами и опасностями, в которых ты можешь погибнуть, если попустишься на них. — Владисил, знай, что невеста твоя, Всемила, теперь в плену у отца моего.

Владисил

Воины, держите ее!

Зломека

Слабый смертный, что можешь ты противу моей власти, которой самый ад трепещет!

(Ария)

Прости, о князь коварный,
Прости, неблагодарный,
И знай, что злость моя
Преследует тебя.
Тебя я обожала,
Тобой жила, дышала,
И средь враждебных стен
Мне сладок был мой плен.
Обманутая лестью,
Теперь, пылая местью,
Весь ад я возмущу,
Отмщу тебе, отмщу!

(Делает знак жезлом; появляется огненная река и на ней плавающее чудовище. Зломека садится на него и уплывает под землю; следом за нею восстает дым и удар грома слышен. Все, кроме действующих лиц, разбегаются)

[Владисил и Тароп, трусящий всего, отправляются добывать меч-кладенец].

Явление 7

Театр представляет сад. Начинает смеркаться, и потом, в продолжение хоров, делается ночь. Внутри театра, в середине, виден куст, а за ним протекающая через сад река.

Хор девиц, невидимых, размещенных как по воздуху, так и в саду в разных местах.

Княжна Всемила, князь Владисил, Тароп и Русида

Хор

Тише, резвы ручейки,
Вейте, ветерки, в полсилы;
Тише на древах, листки,
Не будите здесь Всемилы.

Владисил

Какая прелестная гармония!

Тароп

Ах, государь, чтоб нам об эту гармонию лба не раскроить!

Владисил

Ничего стало не слышно. Пойдем же, здесь должна быть лодка, о которой нам Лена, дочь Добрады, сказала. — Тс!.. опять зачинают.

Два голоса

Спи, прелестная княжна,
С нами здесь ты безопасна.

Два голоса

Посмотрите, как нежна
Как мила она, прекрасна!

Тароп

Ах! эти голоса на воздухе, — уберемся!

Владисил

Постой, не отходи!

Хор

Все в ней прелесть, все отрада,
Все к утехам в ней зовет.
Не пятнадцати ли лет
Это спит богиня Лада?

[Владисил влюбился в Всемилу, которая перенесена «на несколько времени» Добрадой к нему. Русида находится при ней. Между тем Всемила просыпается].

Всемила

Русида, ах какое очаровательное сновидение! Мне представился князь Владисил молод, прекрасен и любезен; казалось мне, что он клянется в любви своей, и сердце мое воспылало взаимною нежностию.

(Речитатив)

Ах, если Владисил таков, —
Что может быть моих приятнее оков?
Почто ты сон исчез любезный!
Нет, нет, я прежде не жила;
О сон, приятный сон, прелестный,
В тебе лишь жить я начала!
Все Владисилом чувствы тлеют.
Как страстен был, как мил был он!
Трепещет грудь, уста немеют,
Лишь вспомню я свой сладкий сон!

Хор

Возможно ль боле быть любезной?
Природа, дав ей вид прелестный,
Приятства все в ней собрала.

Владисил *(бросаясь к ней)*

Всемила!..

Всемила

Боги! это Владисил!

Владисил

О ты, чей взор меня пленил!.

Всемила

Пылает грудь и сердце бьется.
Ах, верить ли глазам моим?

Владисил

Так, так, у ног твоих клянется
Быть Владисил навек твоим!

(Вместе)

Русида

Время вам отсель в поход;
Вас давно уж лодка ждет.

Владисил

Нет мне сил с тобой расстаться.

Всемила

Князь, прости, будь верен мне.

Тароп

Ах нельзя ль нам здесь остаться?

Русида

Вспомни нас ты хоть во сне.

Владисил

Я любить тебя клянуся...

Всемила и Русида

Я клянуся быть твоей.

Владисил

С адом за тебя сражуся. } *(Вместе)*

Тароп

Быть уж так — на все пущуся.

Всемила и Русида

Возвратись ко мне скорей.

Все

О любовь! придай нам силы,
Оживи ты нашу грудь.
Дни тобою нам лишь милы,
Божеством ты нашим будь.

Всемила

Но меня сон сильный клонит,
Свет из глаз моих он гонит.
Князь возлюбленный, прости!

(Всемила садится на дерновую скамью близ куста, в котором была ее кровать)

Русида
Время вам отсель пуститься.

Владисил
Ах, позволь еще проститься!

Тароп
Ничего, пришло садиться,
Зачинай-ко, князь, грести.

Все
Рок! окончи наши муки,
Сократи часы разлуки.

(Вместе)

Владисил
Милая княжна, прости!

Всемила
Князь возлюбленный, прости!

Русида
Милый мой Тароп, прости!

Тароп
Ах, Русидушка, прости!

(Княжну два гения уносят на воздух сонную. Русида садится на лебедя и уплывает, а Владисил и Тароп в лодке уплывают в другую сторону. Нимфы и гении расходятся)

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 1

Театр представляет развалины, заросшие дичью; видны остатки древних гробниц

Зломека *(входя с мрачным видом, имея пламенник в руках)*
В сей дикой тишине
Волнуется мое лишь сердце страстно,

Свершить ли мщение ужасно?
Свершим... Любовь! ах, ты не то внушаешь мне...
О верх мучений бесконечных!..
Любовь к неверному... нет, нет,
Хотя мне то слез будет стоить вечных, —
Но Владисил умрет.

(Ария)

Из челюстей ада
Сбирайтеся, духи,
Чудовищ здесь разных
Примите вы вид.
Наполнитесь злобой,
Призраки, обманы
С собою несите —
Зломека велит.

(Духи в это время являются и составляют балет, а когда Зломека кончит, то они вкруг ее группируются в разных положениях)

Хор духов

Служить тебе готовы
И на злодейства новы
Не пощадим всех сил, —
Погибни, Владисил!

[Зломека замышляет козни против Владисила и против Ильи Муромца, который идет на помощь Чернигову.
Появляется Лена, «одетая деревенскою девкою». Она поет]

Явление 3

Я, младенька, весела, весела,
Я была бы веселей, веселей,
Кабы мне, младой, подрость поскорей
И дружка бы я себе нажила.

[Лена противодействует заклятьям Зломеки и, «оставя вид крестьянской девушки, принимает свой собственный»].

(Дует)

Зломека

Трепещи моей ты власти:
Я могу подвигнуть ад;
Тьмы чудовищ налетят,
Разорвут тебя на части.

Лена

Не боюся я, нет, нет,
Не боюсь тебя, мой свет!

Зломека

Ты, ведь, знаешь, я Зломека;

Лена

Как же, знаю, дочь Усбека,
Внучка Кары и Терека,
Правнучка Теримерека;
Только мне ты не страшна.

Зломека

Знай же, дерзкая болтунья...

Лена

Знаю я, что ты колдунья,
Колотовка и шалунья,
Над водою ты воркунья
А мне все-таки смешна.

Зломека

Нет терпенья, я бешуся.
Ах, должна ль я то сносить!

Лена

Не боюся, не страшуся;
Мило мне тебя бесить.

Явление 4

Театр представляет утесы и воды, с них свергающиеся, которые, наконец, выходя из пещеры, составляют реку; у подошвы гор, на другой стороне театра, видна низкая пещера, заросшая дичью; перед нею небольшое каменное возвышение.

Тароп и Владисил являются наверху; последний находится в волшебном сне.

[Тароп повествует о путешествии на волшебной лодке].

(Ария)

Сперва так было славно,
Суденышко шло плавно,
И воды тихи были, —
Как лебеди мы плыли.

Но лишь только ты заснул
И пустил из рук весло,
Ветер чортом вдруг дохнул,
Тут челнок наш понесло,
Через горы и стремнины,
На каменья и пучины —
И в добавок сто чертей
Нам сулили сто смертей,
И огнем на нас зияли
И горами в нас кидали.
Нет, как хочешь будь жесток,
Замори меня в остроге,
А по эдакой дороге
Я вперед уж не ездок!

[Появляются Илья и разбойники. Илья и Владисил побеждают разбойников].

Явление 6

Илья, Владисил, Тароп и Русида

Русида

Я прислана к вам от Добрады. Вот что должны вы сделать: ты, храбрый Илья, отправишься по этой дороге, ведущей к гнезду Соловья-Разбойника, которое гнездо расположено на 12 дубах. Отважься с ним сразиться

и если тебе удастся его победить, то у него найдешь ты железный сундук, в котором хранится меч-кладенец.

Тароп

Ай, Русидушка! а я, право, было трухнул и думал, что нам этой работы в десять лет не отправить; ан, стало, дело-то почти с концем.

Русида

Не совсем. Топни ногою по этому камню.

Тароп

Только-то? Так смотри ж, хоть я не богатырь, а ногою топну не хуже всякого другова *(Топает — камень отдвигается, делается пропасть, из которой по временам показывается пламя и дым)*. Ай! ай!

Русида

На дне сей пропасти хранится ключ от сундука. Князь, окажи теперь всю свою неустрашимость. Тебе, для спасения Чернигова и княжны Всемилы, надобно броситься в эту пропасть, а за тобою Таропу: там достанете вы ключ.

Тароп

С ума ты сошла, Русидушка! ведь я тебе еще не муж, что ты так со мною поступаешь!

Русида

Не опасайтесь ничего: небо сохранит вас. — А ты, Тароп, берегись пуще всего искушений, которые тебя ожидают; не прельщайся ничем, не слушай ничего и проси только ключа. Я не могу тебе яснее сказать, но знай, что погибель твоя неизбежна, если ты дашь прельстить или уговорить себя.

Тароп

Итак, чтоб дале быть от соблазну, я не брошусь.

Русида

Иначе не получите вы ключа, без него не будете владеть мечом; а без меча-кладенца никогда не будете вы в силах противиться Зломеке!

(Трио)

Владисил

Нет, нет, я ничего не устрашуся.
Для славы и любви на всё решуся,
На смерть я самую лечу.

Русида

Ступай за ним ты вслед, мой друг сердечной,
И славы жди себе в награду вечной.

Тароп

Нет, жариться я не хочу.

Владисил

Ах, в тебе я был уверен.

Тароп

Государь, тебе я верен.

Русида

Иль не любишь ты меня?

Тароп

Ах, да я боюсь огня.

Владисил и Русида

Согласись и успокойся,
Никакой беды не бойся.

Тароп

Нет, покорный ваш слуга,
Губа у меня не дура,
Да на мне одна ведь шкура —
И она мне дорога.

Все

О Зломека чародейка;
Ты всему виной, злодейка;
Но помогут боги нам,
И придет конец бедам!

Владисил

По крайней мере я исполню свой долг, и если нужно, то для спасения отечества один погибну. Всемила, подкрепи меня! *(Идет и бросается в пропасть.)*

Русида

И тебе это не стыдно? Этот пример над тобой не действует, — а я так тебя любила!

Тароп

Русидушка, душа моя! неужли там князя-то одного на жаркое мало?

Илья *(с гневом)*

Тароп, я все смотрел и долго терпел, не говоря ни слова...

Тароп *(на коленях)*

Сильный Илья, пощади меня. — Я бы, пожалуй, кинулся, да у меня ноги болят, не могу встащиться на камень.

Илья

О, нам только нужно было твое согласие. *(Схватывает его одною рукою и взносит на камень.)*

Тароп

Помилуй! Русидушка!

Русида

Берегись соблазнов, — прости! *(Илья бросает Торопа в пропасть.)* А ты, храбрый, ступай по сей дороге к жилищу Соловья: у него получишь ты железный сундук с мечом-кладенцом; а если князь и Тароп благополучно перенесут испытание, то и ключ достанем, и тогда уже наша победа. *(Уходит).*

Явление 7

Илья и Зломека, одетая гречанкой.

Зломека

О храбрый богатырь, постой,
Мой выслушай совет нелестный
И в путь сей дальный, безызвестный
Нейди для славы ты пустой.
На что труды нести суровы?
Жизнь наша столько коротка,
Носи любви одной оковы,
Ее неволя так сладка!
На то ль ты молод и прекрасен,
Чтобы ты только был ужасен?
Не трать и время ты и сил,
Престань быть страшен, будь лишь мил.

[Илья не поддается обольщению].

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

[Театр представляет пещеру во внутренности земли. Помощники Зломеки (в том числе Пламид, ее наперсник) собираются совратить Таропа с пути истинного].

Явление 3

Слышен другой удар грома. Тароп упадает сверху; в то самое время театр переменяется и представляет великолепнейшую и освещенную паникадилами галлерею в восточном духе. Тароп, в беспамятстве, на пребогатой софе. Духи принимают вид вельмож и придворных; а Пламид преобращается в верховного визиря.

Хор

Тише, тише, не тревожьте
Вы царя приятный сон,
И когда проснется он,
Для него забавы множьте.
О давно желанный час —
Ханом здесь Тароп у нас.

[Тароп — хан. Появляется Зломека, перед которой «идет великолепная свита женщин»].

Явление 4

Зломека

Благодарю вас, небеса,
Я счастлива с сего часа:
Герой, ты будь моим супругом,
Царем, любовником и другом.

Тароп

Какое личико и стан
И величавая осанка! —
Да полно, это все приманка,
Нет, нет не дамся я в обман.

Зломека

Согласен ли ты здесь остаться
И в неге и в довольстве жить?

Тароп

Я князю моему стараться
Здесь должен службу сослужить.

Зломека

Иль тщетно тает сердце страстно?

Тароп

Мой свет, трудишься ты напрасно,
Не соблазнишь меня никак:
Я вам достался не дурак.

(Особо)

А, право, девочка смазлива,
И жаль расстаться даром с ней.

Зломека

Ужели так я несчастлива,
И он избегнет от сетей?
Мой милый друг!

Тароп

Держися.

Зломека

Мой свет!

Тароп

Тароп, крепися!

Зломека

Напрасно ль таю я?

Тароп

Напрасно, жизнь моя.

Зломека

Ах, сколько ты безбожен!
Во мне ты сердце рвешь.

Тароп

Нет, нет, я осторожен,
Меня не проведешь.

Зломека

Жестокий, так ты не тронут нежностью моею?

Тароп *(особо)*

Да, кабы эта нежность была без дьявольщины! Но нет, нет, я требую ключа от меча-кладенца!

Зломека

Я должна тебе его отдать; но знай, что в ту самую минуту перенесен ты будешь ко двору князя Владисила. Малодушный, что ты там значишь? а здесь ты сам будешь обладатель.

[Таропа соблазняют всеми благами жизни. Он устоял перед богатством, «величием», женщиной, но не смог устоять перед рюмкой вина. Он напился. Появляются Лена и Русида, одетые танцовщицами. Лена пляшет, Русида поет].

Явление 6

Русида

Я, молоденька, люблю веселиться;
Время в забавах скорее катится.

Мило резвиться, скакать и плясать,
Только лишь дела не надо бросать.

*

Мне при забавах луг зеленее,
Воды прозрачней, солнце яснее.
Только тогда я резва, весела,
Как уж окончу свои все дела.

[Зломека хочет довершить победу над Таропом].

Зломека *(которой, по ее знаку, подают бумагу и перо, а она представляет их Таропу)*

Подпиши ж, что ты любовью
Нежною ко мне пленен.

Тароп

Рад, мой свет, своей я кровью
Подписать свой сладкий плен.

Русида

Вспомни ты княжну Всемилу,
Вспомни долг свой Владисилу!

Тароп

Нет, уж боле не шучу,
Ханом я пожить хочу.

Зломека

Так тебе уже не нужен
Ключ теперь от кладенца?

Тароп

Если я с тобою дружен,
Что в ключе от кладенца!

Русида

Ах, остерегись обману!

Тароп

Вздор, чего бояться хану?

Зломека

Подпиши же свой отказ.

Русида

Ах, погубит всех он нас.

(Тароп на коленях принимается подписывать)

Тароп

Дай прочесть, что за отказ.
(Читает)
«Разводясь на век с заботой,
В ханы я иду охотой».
Так, охотой.
«Отрекаюсь от друзей
И от прежних всех связей.
Отрекаюсь Владисилу
Помогать искать меча
И, любя царевну милу,
Отрекаюсь от ключа».

Зломека

Подпиши же сей отказ.

Русида

Ах, погубит всех он нас.

Тароп *(на коленях)*

Для твоих прелестных глаз,
Не смотря на все их пени,
Пред тобой став на колени,
Подпишу я свой отказ.

(Хочет подписывать; слышен гром; он останавливается. Владисил вбегает)

Владисил

Постой, постой, несчастный.
И не впадай в обман!

Тароп

Чей слышу глас ужасный!
Ахти, никак я пьян.

Седырь

Как быть, о я несчастный!
Как знать, который хан?

Зломека

Ужли сей глас ужасный
Разрушит мой обман?

*

Я забываю все мученьи,
Ах, не терзай меня ты вновь.
Дай в муках мне ты облегченье,
Не презирай мою любовь!

Владисил

Одной Всемилой вечно страстен,
Я буду счастлив иль несчастен,
Но кончу жизнь ее любя
И презираю лишь тебя.

Зломека

Приятны ль слезы Владисилу?

Владисил

Скажи, где скрыла ты Всемилу?

Зломека

Ужель я кончу жизнь стеня?

Владисил

Оставь, жестокая, меня!

Седырь и Русида

Беды здесь нам и Владисилу.

Владисил

Нет, не страшна ты Владисилу.

Зломека

Познай же всю мою ты силу.

Тароп

Отдам-ко ключ я Владисилу.

Пламид *(Таропу)*

Твое пронжу в миг сердце я,
Лишь сделай шаг ты к Владисилу.

Зломека

Духи явитеся злобны,
Мучьте злодеев вы сих;
Дайте им знать, коль удобны,
Тягость страданий моих.

Хор

Мучьтесь, злодеи вы люты!

Зломека

Жить вам последни минуты.

Действующие

О преужасны минуты,
Сколь наши муки здесь люты!

(В это время духи оковывают цепями Владисила и Русиду и тащат за театр, а другие духи толкают и тащат Таропа и Седыря. Слышен голос вверху)

Зломека, стой,
Иль гром богов
Тебя, за злость,
Карать готов.

Зломека

Хладеет кровь;
Ужасный глас!

Прочие действующие

О небеса, спасите нас!

Зломека

Но нет, ничто,
Злодеи, спасть
Не может вас.
Мучьтесь, злодеи люты,
Жить вам *и проч.*

(Продолжается до последнего стиха: Не может вас. *Тогда Зломека делает знак, и спускается ужасное привидение, которое покрывает весь театр и обхватывает всех, кроме Зломеки, действующих)*

Зломека

Почувствуйте вы мщенье!
Нет, нет, уж вы спасенья
Не будете иметь;
Вам должно умереть.

Действующие

Ужасное виденье!
О боги! иль спасенья
Не можно нам иметь?
Нам должно ль умереть?

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Театр представляет жилище Соловья-Разбойника, расположенное на 12 дубах.

[Илья побеждает Соловья, добывает сундук, в котором находится меч-кладенец. Но ключ от сундука у Таропа, которого Зломека спрятала. Соловей отдает Илье огниво и кремень, с помощью которых он найдет Таропа. Илья высекает огонь на пенек, «который вспыхивает, и с дымом выходит Тароп, держа ключ в руках». Илья достает меч и говорит: «Страх врагам Чернигова и князя Владисила!» Он уходит сражаться. Тароп остается с Русидой].

Явление 4

Русида

Ах, Таропушка, если печенеги будут прогнаны, князь Владисил соединится с княжной Всемилой, а мы следом за ними, — то-то будет у нас райская жизнь!

(Ария)

Мы станем, дни забыть суровы,
В веселье время проводить.
Со всяким днем утехи новы
Любовь нам будет находить.
Не будет нам тужить досуга,
Мы радость будем знать одну.
Во мне любовницу ты, друга
И верную найдешь жену.
Когда ты вздумаешь сердиться,
Не буду спорить я с тобой,
Возьму лишь ласкою одной:
Лисой к тебе я буду виться;
А если грусть к тебе придет,
Печаль почувствуешь ты злую,
Тогда тебя я поцалую —
И в миг печаль твоя пройдет!
. . . .

Явление 5

Театр представляет открытое место в виду города Чернигова, и на реке суда, готовые к сражению,

Владисил, несколько воинов и Славен.

Владисил командует войском.

(Ария)

Я слышу голос громкой славы, —
Иду, лечу на бой кровавый,
Или врагов моих попру,
Или с мечом в руках умру.
Всемила, ах! в груди сей страстной
Несу я образ твой прекрасной,
Он будет спутником моим;
У гроба лишь расстанусь с ним.

[Происходит сражение. Одновременно в воздухе сражаются Добрада и Зломека].

(Добрада употребляет гром, а Зломека пламень. Они вооружены пламенными мечами; наконец, Добрада отступает, и Зломека преследует ее за театр. Владисила гонят с воинами; печенеги, самого его обезоруживают, берут в плен и уводят; но вскоре, сами гонимы Ильею, вооруженным мечом-кладенцом. Суда также черниговские зажжены)

Илья

За мной, друзья, за мной! спасем князя Владисила и заставим варваров трепетать имени русского!

(Он прогоняет печенегов и преследует их. Зломека летит через театр и закрывается щитом, который зажигает Добрада. Как та, так и другая уже не на облаках, но летят просто своею волшебною силою. Удар грома и молнии означает поражение Зломеки)

Явление 6

Комната во дворце князя Владисила.

Всемила

Сердце мое трепещет, тысячу страхов раздирают его.

(Ария)

Судьба, смягчись над сей страною
И Владисила сохрани;
Иль гнев пролей свой надо мною
И прекрати мои ты дни.
Во злой тоске, без Владисила,
Мне свет не мил и жизнь постыла.
Коль боги судят пасть ему,
Я смерть за дар небес приму.—
Но что за шум, что за смятенье?
Там слышны крики и волненье,
Увы! предвестье то побед,
Иль знак лютейших наших бед?

. . . .

Явление последнее

Театр представляет городскую площадь; весь город освещен огнями, Добрада, Владисил и Лена вносятся на паланкине, а Илья вносится на щитах. Княжна Всемила, Русида, Тарон, Седырь и воины. Свита Добрады и народ.

Счастливый конец. Хор поет:

Хор

В сей день, победой знаменитый,
Прославим милости богов.
Да будут страхи все забыты, —
Как меч стал ужасом врагов.

И в заключение:

Вы летите к нам, забавы,
Радость, будь во всех сердцах.
Гром побед и нашей славы,
В ратных ты греми полях!

(Тут происходят увеселения, пристойные торжеству сего дня)

Конец

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ КРЫЛОВУ

СТИХИ Г-же К....
НА ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Приятности весны прохладной вобразя,
И сколь она сердца к любви склонять способна,
Не вспомнить мне тебя, прекрасная, нельзя;
А вспомня, не сказать, что ты весне подобна.

Влекущий нас под тень несносный летний зной
Не редко в тяжкое томление приводит,
Но взор пленяющий Темиры дорогой
И лето самое в сей силе превосходит.

Плодами богатя, подобя нивы раю,
Нам осень подает веселые часы;
Мне ж мнится, что тогда я нежный плод сбираю,
Коль взором числю я когда твои красы.

Когда же зимние воображу морозы,
Тогда чтоб мысли толь холодные согреть
И видеть в феврале цветущи нежны розы
Мне стоит на тебя лишь только посмотреть.

ЕПИГРАММА

Желаешь ты того, чтоб быть тебе богатым,
И ищешь способов?.. Будь только тароватым,
И превзойди своим коварством сатану —
Возьми ты за себя прекрасную жену.

СТИХИ Г-же К....

Позволь плененному тобою,
Любовь! мне кисть на время взять,

И наполняй меня собою,
Хочу Темиру я писать.

Позволь и дай мне вспоможенье,
Мое ты сердце успокой;
Мой дух, оставь свое волненье,
Любовь, води моей рукой.

Представь ее мне без убору,
И без него мила она;
Представь, когда встречать Аврору
Она встает от нежна сна.

Тогда, как день, гоня мрак ночи,
Природу оживляет вновь;
Когда ее драгие очи
Вперяют нежность и любовь.

В лице играя жар прелестный
Ее пленяет и томит,
И ей желанья неизвестны
Во сердце нежное селит;

Волнует кровь и сердце бьется,
Видна в очах нежнейша страсть;
Вздыханьем томна грудь мятется,
И познает любови власть.

Она свои красы зреть тщится,
Восторг приятный полюбя;
Потом сама себя стыдится
И их скрывает от себя.

Она любови гласу внемлет,
В лицо ее вступает стыд;
Но тщетно дух мой предприемлет
Списать толико нежный вид.

Дабы представить вам подробно
Ее всех прелестей собор;
То не перо к тому удобно,
К тому удобен нежный взор.

ЭПИГРАММА

Напрасно человек
В науках тратит век:
Сколь в них премудрости сыскати ни желает;
Родится глупым он и глупым умирает.

ПИСЬМО К ДЯДЮШКИНУ ПЛЕМЯННИКУ

О ты, которого разумным закрестили,
И титлом знатока публичного почтили;
О ты, который нам явил пример собой,
Что может человек доволен быть судьбой
И ездить четверней по правилу в карете,
Приметным быть глупцом во всем ученом свете,
И чести знак таскать у левого ребра,
Когда имеет он довольно серебра;
Скажи, великий муж! поведай нам без лести:
Какою выслугой дошел к такой ты чести,
Что к удивлению знакомых всех людей
Ты можешь мучить вдруг четверку лошадей?
Когда б ты был женат, то я бы почитал,
Что ты достоинство рогами поимал;
Но ты, хотя с тех пор сбираешься жениться,
Как мог в десяток вдруг порядочно влюбиться;
Однако все еще поныне не женат,
То следственно еще поныне не рогат.
Я слышал, красотой найти путь к счастью можно,
Но ты судьбой скроен не так-то осторожно.
То правда, иногда с умом выходят в честь;
Но ты до ныне трех не можешь перечесть:
За что же столько ты счастлив, чиновен, знатен?
Неужели за то, что твой тупей приятен?
Никак путей твоих понять я не могу. —
Постой авось-либо скажу и не солгу.
Подумаю, в родню твою высоку глядя,
Конечно этому причиною твой дядя.

К РЕКЕ М....

Резвися, речка дорогая;
Играй, мой кроткий, милый друг!
Водой блестящей окропляя
Душистый, бархатный сей луг.
Катись кристальною струею
С моей сердечною слезою,
Сверкая в мягкой мураве!
А я, старинку вспоминая
И ею дух мой услаждая,
Простую песнь спою тебе.

Страна родная, драгоценна,
Тебя я буду помнить век!
Где юность райская, бесценна,
Являла тысячи утех;
В объятьях матери где нежных
Не проливал я токов слезных,
Где чистой радостью дышал;
Душой где страсти не владели,
Глаза везде невинность зрели,
Где я в забавах утопал! —
Румяной — розовой зарею
Когда алели облака,
Когда брильянтовой росою
Кропились пестрые луга;
Я бегал в рощах ароматных,
Под сению берез прохладных,
Где пел мне песню соловей,
Где для меня журчал ручей;
Где все со мною восхищалось,
Где все со мною улыбалось:
Летал — и зефир легкокрылый
За мною в след порхал;
Оставя свой цветочек милый,
В кудрях резвился и жужжал.

Когда я жаром утомлялся,
Тогда к твоим брегам бежал;

В прохладны волны погружался
И в них отраду обретал.
Весенний как цветок прекрасный
Живится утренней росой,
И вновь свой запах он приятный
Льет в свежем воздухе струей:
Так дух мой, снова оживленный,
Приятны чувства изливал;
И я тобою прохлажденный,
Всю цену жизни ощущал. —
Как белый чистый голубок
Весной летит с ветвистой липки,
Как легкий тихий ветерок, —
Так я летел в свой терем светлый
Где улыбалися забавы,
Где просто было, без прикрас,
Без роскоши — сердец отравы —
Приятно, чисто, без убранств;
И где любовь меня встречала
С горячею в глазах слезой,
Где радость нежно обнимала,
Где счастлив был я сам собой!

Куда же дни златые скрылись?
Невинные, блаженны дни! —
Забава, радость удалились:
Остались горести одни. —
Скажи мне, речка дорогая!
В брегах цветущих протекая,
Не унесла ль ты их с собой?
Их нет — и солнце не сияет;
Терзается мой дух тоской!
Их нет — и эхо воздыхает
Уныло по лесам со мной!

ЖАЛОБЫ ОТЧАЯННОЙ

Тиран! на то ли ты родился,
Чтобы взглянуть раз и — пленить?

Дом, где жил и у́мер Крылов

На то ли огнь любви разлился
В груди моей, чтоб слезы лить?
Тиран, на то ли ты родился?

Когда б я это прежде знала,
Страшилась бы твоих оков:
В тебе я счастье полагала,
Ты был моя душа, мой бог!
Когда б я это прежде знала!

Но, ах! и птичка погибает,
Не зная хитрости сетей;
Томится, рвется, умирает:
Скажите ж, как бежать людей?
И птичка в сети попадает.

Пусть грозный страшный гром раздастся,
И грудь неверну поразит!..
Увы! как бедной мне остаться;
Меня воспоминанье умертвит —
Пускай, пускай тиран живет!

ПЕСНЯ

(с французской: Petits chagrins de tems en tems)

Печали малые даны,
Чтоб радостям придать цены;
Нередко о пустом, случится,
Сердечко бедное крушится,
В тоске, в слезах лишается утех,
А после все выходит смех.

Девица, страстию горя,
И тайне сердца изменя,
Признанье в бездну скрыть желает
И за порок его считает;

В тоске, в слезах лишается утех.
А после все выходит смех.

У Лизы милых боле нет;
Сестра — вдова в шестнадцать лет:
Скучают обе жить на свете,
И смерть одна у них в предмете;
В тоске, в слезах лишаются утех,
А после все выходит смех.

ОБЩАЯ НАДГРОБНАЯ

Прохожий, посмотри: вот у сего пригорка
Ленивец схоронен, а подле Тараторка.

* * *

Здесь бедная навек сокрыта Тараторка —
Скончалась от насморка.

* * *

Любви Марбёфовой с Летицией приплод,
Досель был Герострат, стал ныне скороход,
С тех пор как русскую страну господь спасая,
Кутузовым сменить благоволил Барклая,
А чтобы русский нос не слишком поднимал,
Бог Адмирала дал.

ЭПИТАФИЯ

Под камнем сим лежит прегнусный корсиканец,
Враг человечества, враг бога, самозванец,
Который кровию полсвета обагрил,
Все состоянии расстроил, разорил,
А, наконец, и сам для смертных всех в отраду
Открыл себе он путь через Россию к аду.

* * *

Французский маршал Ней
В Можайске принцом возвеличен.
И прежде был Можайск отличен
    Породою свиней.

* * *

Как Карабанов взял «Альзиру» перевесть,
И в аде слух о том промчался,
Тогда Вольтер, вздохнув, признался,
Что точно грешникам по смерти мука есть!

ИМЕНИННИКУ ИЛЬЕ ВАСИЛЬЕВИЧУ БУЯЛЬСКОМУ

Тебя я не видал, но знаю:
Ты человечество живишь...
Чего же я тебе желаю?
Того, чем ты других даришь:
Чтобы цвело все оживленьем,
Чтоб мир был в теле и в сердцах...
Я не парю воображеньем,
Но чту везде — добро в делах.

КОММЕНТАРИИ К ПЕРВОМУ ТОМУ

(СОСТ. Б. И. КОПЛАН)

Тексты басен Крылова в I томе настоящего издания напечатаны в последней авторской редакции. Исключение сделано лишь для басни «Рыбья Пляска»: она напечатана по рукописной редакции, запрещенной цензурой.

Последним прижизненным изданием басен Крылова было однотомное издание: «Басни И. А. Крылова в девяти книгах», СПб., 1843, напечатанное в типографии военно-учебных заведений (цензорское разрешение 30 июня 1843 г.). Это издание, в которое вошла новая, девятая книга басен, было подготовлено самим Крыловым, но вышло в свет фактически после его смерти.

Порядок расположения басен в настоящем издании сохранен тот же, что и в издании 1843 г.

Текст пяти басен Крылова, не вошедших в «девять книг» издания 1843 г., взят из тех изданий, в которых Крылов сам поместил эти басни; две басни («Пир» и «Пестрые Овцы»), при жизни Крылова не изданные, напечатаны по автографам Крылова.

Крылов написал 205 басен, из них 135 сохранились в подлинных рукописях Крылова, причем некоторые имеют несколько редакций.

Над выявлением печатных и рукописных вариантов к басням Крылова работали: В. Ф. Кеневич (в его «Примечаниях»), А. И. Кирпичников (в статье «Критические и библиографические заметки о Крылове» — «Очерки по истории новой русской литературы», М., 1903, стр. 152—172), В. В. Каллаш (в Полном собрании сочинений Крылова, т. IV), Л. К. Ильинский (в рецензии на издание Каллаша — «Известия ОРЯС Академии Наук», 1907, т. XII, кн. I), Б. И. Коплан (в издании ГИХЛ «Сочинения Крылова», Л., 1931).

Крылов датировал в печати только одну басню «Василек». Датировка всех остальных басен должна исходить из фактов первоначального появления басен в печати, из определения времени цензурного разрешения на издание, в котором впервые появилась та или иная басня, из пометок некоторых друзей Крылова на его рукописях (ни одна рукопись самим Крыловым не датирована), из наблюдения водяных знаков на бумаге, на которой писалась та или иная басня, из свидетельства современников о времени сочинения или чтения Крыловым его басен (см. В. В. Каллаш, О хронологии басен Крылова, СПб., 1907).

Все эти исходные моменты для датировки басен дают возможность следующим образом распределить басни Крылова по годам их сочинения:

1788

Стыдливой Игрок. Судьба Игроков. Павлин и Соловей. Недовольный гостьми Стихотворец.

1805

Дуб и Трость. Разборчивая Невеста. Старик и трое Молодых.

1807

Ворона и Лисица. Ларчик. Лягушка и Вол. Оракул. Пустынник и Медведь. Крестьянин и Смерть. Музыканты. Парнас. Волк и Ягненок. Обезьяны. Лев на ловле.

1808

Орел и Куры. Стрекоза и Муравей. Слон на воеводстве. Слон и Моська. Муха и Дорожные. Лисица и Виноград.

1809

Роща и Огонь. Два Голубя. Лягушки, просящие Царя. Мор Зверей. Петух и Жемчужное Зерно. Хозяин и Мыши. Мешок. Лев и Комар. Лев и Человек.

1811

Синица. Червонец. Ручей. Лжец. Вороненок. Осел и Соловей. Откупщик и Сапожник. Крестьянин в беде. Волк и Волченок. Обезьяна. Огородник и Философ. Крестьянин и Лисица. Воспитание Льва. Гуси. Свинья. Орел и Паук. Подагра и Паук. Совет Мышей. Квартет. Листы и Корни.

1812

Ворона и Курица. Раздел. Волк на Псарне. Обоз. Кот и Повар.

1813

Лисица и Сурок. Орел и Пчела. Заяц на ловле. Щука и Кот. Волк и Кукушка. Крестьянин и Змея. Демьянова уха. Водолазы.

1813—1814

Чиж и Еж. Безбожники. Прохожие и Собаки. Лань и Дервиш. Бумажный Змей. Пожар и Алмаз. Крестьяне и Река. Тень и Человек. Лягушка и Юпитер.

1814

Троеженец. Дерево. Орел и Крот. Лебедь, Щука и Рак. Пруд и Река. Крестьянин и Разбойник. Любопытный. Конь и Всадник. Добрая Лисица. Чиж и Голубь. Камень и Червяк. Комар и Пастух. Клеветник и Змея.

1814—1815

Вельможа и Философ. Бочка. Пир.

1815

Осел. Мартышка и Очки. Лев и Барс. Собачья Дружба. Крестьянин и Работник. Тришкин кафтан. Зеркало и Обезьяна. Туча. Лиса-Строитель.

1816

Собака. Волк и Лисица. Скворец. Механик. Цветы. Мирская сходка. Мышь и Крыса. Госпожа и две Служанки. Медведь у Пчел. Рыцарь. Крестьянин и Топор. Лев и Волк. Собака, Человек, Кошка и Сокол. Хмель. Слон в случае. Фортуна и Нищий. Напраслина. Фортуна в гостях. Волк и Пастухи. Кукушка и Горлинка. Апеллес и Осленок. Волк и Журавль. Похороны. Сочинитель и Разбойник. Водопад и Ручей.

1817

Пчела и Мухи.

1818

Гребень. Алкид. Мот и Ласточка. Овцы и Собаки. Крестьянин и Змея. Трудолюбивый Медведь. Лев и Лисица. Скупой и Курица. Две Бочки. Охотник. Мальчик и Змея. Пловец и Море. Осел и Мужик. Муравей. Пастух и Море. Медведь в сетях. Колос. Мальчик и Червяк. Ягненок.

1821

Плотичка. Крестьянин и Овца.

1821—1823

Мельник. Булыжник и Алмаз. Крестьянин и Змея. Свинья под Дубом. Паук и Пчела. Лисица и Осел. Муха и Пчела. Змея и Овца. Котел и Горшок. Дикие Козы. Соловьи. Голик. Скупой. Богач и Поэт. Волк и Мышенок. Два Мужика. Котенок и Скворец. Две Собаки. Кошка и Соловей. Рыбья Пляска. Прихожанин. Ворона. Лев состаре́вшийся. Пестрые Овцы.

1823

Василек.

1827

Пушки и Паруса.

1828

Бритвы. Бедный Богач.

1829

Мирон.

1829—1830

Лев, Серна и Лиса. Крестьянин и Лошадь. Белка. Щука. Кукушка и Орел. Сокол и Червяк. Булат. Купец. Осел. Крестьянин и Лисица. Собака и Лошадь. Филин и Осел. Змея. Волк и Кот. Лещи. Лев. Три Мужика.

1832

Пастух. Белка. Мыши. Лиса. Волки и Овцы.

1833

Крестьянин и Собака. Разбойник и Извощик. Лев и Мышь. Два Мальчика.

1834

Кукушка и Петух. Вельможа.

Какими источниками располагаем мы для комментария к басням Крылова?

По отношению к басням, сюжет которых Крылов заимствовал из иностранных источников, имеется указание самого Крылова: начиная с издания семи книг басен 1825 г., он отмечал звездочкой в алфавитном перечне те басни, которые являлись «переводом или подражанием»; в издании 1843 г. таким образом отмечено 33 басни. Но на самом деле число несомненно заимствованных басен может быть доведено до 45, и, с некоторой вероятностью, к басням этого рода можно добавить еще 28 басен.

Крылов сам отметил лишь те басни (и то не во всех случаях), образцами для которых послужили басни Эзопа (или Федра) и Лафонтена. Но уже первый комментатор Крылова, В. Ф. Кеневич, и французский исследователь Флери (Jean Fleury, Krylov et ses Fables, Paris, 1869) открывают и другие источники басен Крылова и дополнительно в баснях Эзопа, Федра и Лафонтена и кроме того в баснях Флориана, Геллерта, Гольберга, Лессинга и других иностранных авторов.

Из биографии Крылова известно, что французских баснописцев Крылов мог читать в подлинниках. В 1818—1819 гг. Крылов изучил греческий язык и с того времени мог обращаться к Эзопу непосредственно. До 1818 г. Крылов мог читать лишь русские прозаические переводы Эзопа (до издания перевода И. И. Мартынова 1823 г. в XVIII — начале XIX в. насчитывается не менее 12 изданий русских переводов Эзопа) и стихотворный перевод Ивана Баркова: «Федра, Августова отпущенника, Нравоучительные басни, с Эзопова образца сочиненные...», СПб., 1768 (2-е изд. — 1787).

Басни Эзопа — Федра, Лафонтена, Флориана, Геллерта и других иностранных авторов переводились и переделывались и до Крылова; его предшественниками были: Ломоносов, Тредиаковский, А. П. Сумароков, Ив. Барков, Херасков, Н. Леонтьев, В. И. Майков, Фонвизин, М. Матинский, Ф. Эмин, Панкратий Сумароков, Богданович, Княжнин, Николев, Хемницер, И. И. Дмитриев, Д. И. Хвостов, Ю. А. Нелединский-Мелецкий.

Одновременно с Крыловым и вслед за ним, нередко подражая ему, из тех же иностранных источников почерпали сюжеты и современники Крылова: А. Е. Измайлов, Н. Остолопов, Н. Неведомский, А. Бенитцкий, П. Лодыженский, В. Папышев, А. Соболев, М. Демидов, Г. Ржевский, П. Лобысевич и др.

Важным источником для комментария служит журнальная проза Крылова: «Почта Духов», 1789, и статьи в «Зрителе», 1792, и в «СПб. Меркурии», 1793.

Материалы современной Крылову журналистики, отдельные памятники литературного, исторического и юридического характера, а также воспоминания и переписка современников Крылова в большой мере использованы первым комментатором Крылова, В. Ф. Кеневичем в его «Библиографических и исторических примечаниях к басням Крылова», СПб., 1868 (2-е изд. — 1878; ссылки — на это издание), а также В. В. Каллашом в его примечаниях к IV тому Полного собрания сочинений Крылова.

Басни Крылова перепечатывались при жизни автора в следующих изданиях: в «Цветнике», 1809; в «Собрании русских стихотворений», М., 1811; в «Собрании образцовых русских сочинений», СПб., 1815; в «Пантеоне русской поэзии», СПб., 1814—1815; в «Цветнике избранных стихотворений», М., 1816; в «Карманной библиотеке Аонид», СПб., 1821; в «Словаре древней и новой поэзии» Н. Остолопова, СПб., 1821; в «Собрании новых стихотворений», СПб., 1824—1826.

КНИГА ПЕРВАЯ

(Т. I, стр. 163—209)

1. *Ворона и Лисица (стр. 163)*

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. I, № 2, стр. 16. Написана не позднее конца 1807 г., так как появилась в печати в январской книжке «Драматического Вестника».

Образцом послужила басня Лафонтена «Le Corbeau et le Renard». Русскими источниками для Крылова могли служить: «Езоповы басни» в переводе С. Волчкова (1-е изд., СПб., 1747, стр. 100—101: «Ворон и Лисица») и переводы А. П. Сумарокова — «Ворона и Лисица» (II, 30) и «Ворона и Лиса» (V, 6). Ср. у Сумарокова:

Какие ноженьки! какой носок!
Какие перушки! да ты ж еще певица:
Мне сказано, ты петь велика мастерица.

2. *Дуб и Трость (стр. 164—167)*

Впервые в «Московском Зрителе», 1806, ч. I, январь, стр. 73—75, вместе с басней: «разборчивая Невеста», под общим заголовком: «Две Басни для С. К. Бкндрфвой», и с примечанием издателя (П. И. Шаликова): «Я получил сии прекрасные басни от И*И*Д* (Ивана Ивановича Дмитриева. — *Б. К.*). Он отдает им справедливую похвалу и желает, при сообщении их, доставить и другим то удовольствие, которое они принесли ему... Имя любезного Поэта обрадует конечно и Читателей моего Журнала, как обрадовало меня».

С. К. Бкндрфа — вероятно, София Ивановна Бенкендорф (в журнале, повидимому, опечатка: С. К. вместо С. И.), дочь друзей Крылова — Е. И. и И. И. Бенкендорф.

«Дуб и Трость», а также напечатанные одновременно в 1806 г. две другие басни: «Разборчивая Невеста» и «Старик и трое Молодых» являются первыми баснями Крылова, сочиненными (вернее, переведенными из Лафонтена) после семнадцатилетного перерыва: начало работы Крылова над баснями относится к 1788 г. (см. примечания к басням, не вошедшим в «девять книг»).

По свидетельству М. Е. Лобанова, названные три басни были написаны Крыловым в 1805 г. в Москве.

«Дуб и Трость» является переводом басни Лафонтена «Le Chêne et le Froseau».

3. *Музыканты (стр. 168)*

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. I, № 15, стр. 128.

4. *Ворона и Курица (стр. 171)*

Впервые в «Сыне Отечества», 1812, ч. II, ноябрь, № 8, стр. 87, под названием «Ворона».

По всей вероятности, басня навеяна карикатурой И. И. Теребенева «Французский суп»,

Карикатура эта была приложена к № 7 «Сына Отечества», 1812; в том же номере напечатана заметка: «Очевидцы рассказывают, что в Москве французы ежедневно ходили на охоту стрелять ворон и не могли нахвалиться своим soupe au corbeaux (вороньим супом). Теперь можно дать отставку старинной русской пословице; «Попал, как кур во щи», а лучше говорить: «попал, как ворона во французский суп».

Смоленский Князь — главнокомандующий русской армией М. И. Голенищев-Кутузов. Княжеский титул он получил после сражения под Красным, закончившегося 6 ноября 1812 г.; это позволяет определить дату окончательной обработки басни, в ноябре 1812 г. уже напечатанной.

5. *Ларчик (стр. 172)*

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. I, № 6, стр. 56.

По словам С. П. Жихарева, Крылов написал эту басню в 1807 г. и читал ее у кн. А. А. Шаховского около 19 мая.

6. *Лягушка и Волк (стр. 175)*

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. I, № 2, стр. 24 (без заключения, которое появилось в издании басен 1815 г.). Перевод басни Лафонтена «La Grenouille qui veut se faire aussi grosse que le Boeuf».

7. *Разборчивая Невеста (стр. 176—179)*

Впервые (под названием «Невеста») — в «Московском Зрителе», 1806, ч. I, январь, стр. 75—78, вместе с басней «Дуб и Трость».

Басня заимствована у Лафонтена — «La Fille».

8. *Парнас (стр. 180—181)*

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч, I, № 16, стр. 135—136. В басне осмеяна Российская Академия, большинство членов которой неблагосклонно отнеслось к новому баснописцу. Академики страшились всяких новых литературных веяний, грозивших реформами «старому слогу российского языка».

Еще в 1792 г. Крылов в двух журнальных статьях «Каиб» и «Ночи» высмеивал академии и академиков.

На членов Российской Академии шишковского направления намекают и такие выражения, как «красно-хитро-сплетено слово», «разно-красиво пенье».

9. *Оракул (стр. 182)*

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. I, № 12, стр. 183—184.

С. П. Жихарев указывает в своих воспоминаниях, что Крылов написал эту басню в 1807 г. и прочитал ее 8 мая на вечере у кн. А. А. Шаховского. Первоначальный замысел этой басни мы находим в журнале Крылова «Почта Духов», 1789. В XXI письме танцмейстер Фурбиний советует Плутону не отставлять от должности повредившихся в уме судей, но «приставить к ним умного Секретаря...»

10. *Василек (стр. 185—186)*

Впервые в «Сыне Отечества», 1823, ч. LXXXVI, стр. 226—228, с датой: «Павловск, 16 июня 1823 г.».

По рассказам Лобанова и Плетнева, Крылов в 1823 г. стал страдать приливами крови к голове, и у него было два удара. Семья Олениных оказала больному первую помощь, и Крылов оставался в их доме до выздоровления. Весной 1823 г. Крылов, по желанию имп. Марии Федоровны, узнавшей о болезни баснописца, был перевезен А. Н. Олениным в летнюю резиденцию Марии Федоровны — в Павловск.

27 июня 1823 г. К. Я. Булгаков писал своему брату А. Я. Булгакову: «Читал ли ты «Василек» нашего Лафонтена? Басня эта, кажется, напечатана в «Сыне Отечества»; очень хороша. Крылов, будучи болен (sic! — *Б. К.*), императрица Мария Федоровна приняла в нем милостивое участие, велела переехать ему для воздуха в Павловское. Милости эти составляют сюжет басни» («Русский Архив», 1903, № 4, стр. 456). «Я читал басню Крылова в «Сыне Отечества», — отвечал А. Я. Булгаков брату 2 июля 1823 г.: — по числу и по слову «Павловское», я и до письма твоего понял алле-

горию, что Крылов был васильком, а императрица солнцем» («Русский Архив», 1901, к . I, стр. 557).

В конце 1823 г. басня была перепечатана в альманахе А. А. Бестужева и К. Ф Рылеева «Полярная Звезда на 1824 год». Но в этом крылся особый смысл, о котором говорит дошедшая до нас эпиграмма Рылеева на болезнь Крылова («Русский Архив», 1871, т. II, стр. 1012):

Нет одобрения талантам никакова:
В России глушь и дичь.
О даровании Крылова
Едва напомнил паралич.

11. Роща и Огонь (стр. 187—188)

Впервые — в первом издании басен 1809 г., стр. 34—35.

12. Чиж и Еж (стр. 189)

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1815, ч. XVII, стр. 100 (одобрено цензором 18 декабря 1814 г.).

Ст. 9—10 и 19 басни намекают на оды в честь Александра I при возвращении его из Парижа.

13. Волк и Ягненок (стр. 190—191)

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. I, № 24, стр. 199—200.

Подражание басне Лафонтена «Le Loup et l'Agneau», заимствованной у Эзопа и Федра.

Ст. 2—3, которых нет во французском оригинале, позволяют предположить, что басня относится к событиям 1806—1807 гг. — континентальной блокаде Наполеона, закрывшей доступ на континент английским товарам, и Тильзитскому миру 1807 г., заставившему Александра I подчиниться условиям блокады.

14. Обезьяны (стр. 192—193)

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. I, № 12, стр. 103—104. Басня направлена против галломании, усилившейся в русском дворянском обществе после Тильзитского мира.

15. Синица (стр. 194)

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1811, кн. IV, стр. 102—103.

16. Осел (стр. 195—196)

Впервые в издании басен 1815 г., ч. II, стр. 5—6.

17. *Мартышка и Очки (стр. 199)*

Впервые в издании басен 1815 г., ч. II, стр. 11.

Ср. с басней «Очки» («Басни в стихах и прозе, выбранные из лучших писателей», изд. 2-е, М., 1793, стр. 122—126): «Полесский молодец», желая подражать «ученому старичку», покупает очки, думая, что с ними он сможет не учась стать ученым».

18. *Два Голубя (стр. 200—202)*

Впервые в издании басен 1809 г., стр. 6—10.

Перевод басни Лафонтена «Les deux Pigeons».

19. *Червонец (стр. 203—204)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1812, кн. V, стр. 55—56 (цензорское разрешение 17 ноября 1811 г.).

20. *Троеженец (стр. 205)*

Впервые в «Сыне Отечества», 1814, ч. XV, № 27, стр. 23—24.

Современник Крылова Н. И. Греч рассказал первому комментатору басен Крылова, В. Ф. Кеневичу, что эта басня была сочинена по поводу производившегося тогда в Сенате бракоразводного дела Е. Б. Фукса.

21. *Безбожники (стр. 206—207)*

Впервые в издании басен 1815 г., ч. II, стр. 9—10.

Один из шести автографов — в тетради, датированной январем 1814 г.

Войне России с Францией 1812—1814 гг. сопутствовало националистически патриотическое движение, возглавляемое реакционным дворянством, против прежних «мирных поработителей» России — французов с их «безбожными» Вольтерами и Дидеротами.

22. *Орел и Куры (стр. 208—209)*

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. II, № 45, стр. 150—151. По сюжету и идее близка к басне И. И. Дмитриева «Орел и Каплун» (заимствована из Арно), напечатанной в «Московском Зрителе», 1806, март, стр. 33—34.

КНИГА ВТОРАЯ

(Т. I. стр. 210—257)

1. *Лягушки, просящие Царя (стр. 210—211)*

Впервые в издании басен 1809 г., стр. 36—39. Образцом послужила басня Лафонтена — «Les Grenouilles qui demandent un Roi».

Басня Крылова, повидимому, представляет памфлет на французские события конца XVIII в. (казнь Людовика XVI в 1793 г.,

смена вождей революции, переворот 1799 г. и военная диктатура Наполеона Бонапарта).

2. *Лев и Барс (стр. 212—213)*

Впервые в издании басен 1815 г., ч. II, стр. 13—14.

3. *Вельможа и Философ (стр. 214)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1815, ч. XVI, стр. 53 (цензорское разрешение 6 апреля 1815 г.).

Ученые общества — намек на «Беседу Любителей Русского Слова» (открыта 14 марта 1811 г.), в многочисленном составе которого было не мало «невежд» в понимании Крылова.

4. *Мор Зверей (стр. 215—217)*

Впервые в издании басен 1809 г., стр. 13—16. Переделка басни Лафонтена Les Animaux malades de la peste.

Идея басни близка к высказываниям Крылова в молодости.

5. *Собачья Дружба (стр. 218—221)*

Впервые в издании басен 1815 г., ч. II, стр. 17—18 (цензорское разрешение — май 1815 г.). В одной из двух сохранившихся рукописей названа «Дружество».

Намек на политические события 1814—1815 гг.: Венский конгресс и так называемый «Священный Союз» России с Австрией и Пруссией, шаткость которого стала очевидной после того, как в январе 1815 г. Австрия заключила с Англией и Францией оборонительный союз против России и Пруссии.

6. *Раздел (стр. 222)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1813, ч. VII, стр. 69 (цензорское разрешение 16 августа 1812 г.).

Одна из двух рукописей этой басни имеет водяной знак: 1806 г., что позволяет предположить более ранний замысел басни, чем 1812 г. Раздел стоит в ряду басен, написанных в период войны 1811—1813 гг. Реальный смысл басни могут вскрыть свидетельства современников этой войны. Один из них, например, записал: «В годину испытания, т. е. 1812 г., не покрыло ли оно (дворянство. — *Б. К.*) себя всеми красками чудовищного корыстолюбия и бесчеловечия, расхищая, как и теперь, все, что расхитить можно было, даже одежду, даже пищу, и ратников, и рекрут, и пленных, — несмотря на прославленный газетами патриотизм, которого действительно не было ни искры, что бы ни говорили о некоторых утешительных заключениях?!» («Вестник Европы», 1867, стр. 197). В записках С. Н. Глинки («Русский Вестник», 1866, май, стр. 214) рассказывается о «местнических передрягах» при вооружении «ополчения» в 1812 г.

7. *Бочка (стр. 225)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1815, ч. XVI, стр. 55 (цензорское разрешение 6 апреля 1815 г.).

В редакции 1815 г. заключение басни начиналось так:

Нельзя довольно вам, отцы, остерегаться,
Когда вверяете наставнику детей...

Обращение Крылова к о т ц а м, предостережение их о н а с т а в н и к а х позволяют отнести эту басню к разряду басен, трактующих вопросы воспитания и образования юношества («Червонец» и «Кукушка и Горлинка»).

8. *Волк на Псарне (стр. 226—227)*

Впервые в «Сыне Отечества», 1812, ч. I, октябрь, № 2, стр. 79—80.

Первая мысль басни могла явиться у Крылова по получении в Петербурге известия о попытках Наполеона вступить в переговоры с Александром I. Посол Наполеона, Лористон, 23 сентября 1812 г. имел свидание с Кутузовым и передал ему желание Наполеона «положить предел несогласия между двумя великими народами». Этот дипломатический ход Наполеона отражен в одном из рукописных вариантов ст. 17—19 басни Крылова:

Однако же хитрец,
Как добрый дипломат, вступил в переговоры...

9. *Ручей (стр. 228—229)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1812, ч. V, стр. 59—60 (цензорское разрешение 17 ноября 1811 г.).

10. *Лисица и Сурок (стр. 230)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1813, ч. XI, стр. 97—98.

11. *Прохожие и Собаки (стр. 233)*

Впервые в издании басен 1815 г., ч. II, стр. 20. Сохранилась в двух тетрадях, по которым Крылов читал 11 января и 12 мая 1814 г. свои басни во дворце у имп. Марии Федоровны; следовательно, эта басня написана не позднее начала января 1814 г.

В ст. 15 Крылов говорит о «завистниках»; в варианте этого стиха (из рукописей и изданий до 1819 г.) вместо «завистники» — «хулители».

Можно думать, что Крылов своей басней целил именно в «хулителей». Таким его хулителем был М. Т. Каченовский, напечатавший в «Вестнике Европы» 1812 г. (ч. 61) резкий и придирчивый разбор «Новых басен» 1811 г.

12. *Стрекоза и Муравей (стр. 234)*

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. I, № 34, стр. 61. Перевод басни Лафонтена «La Cigale et la Fourmi».

13. *Лжец (стр. 237—238)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1812, ч. V, стр. 61—63 (цензорское разрешение 17 ноября 1811 г.).

«О происшествии, подавшем Крылову повод к сочинению этой басни, — пишет Кеневич, — нам случилось слышать от разных лиц весьма разнообразные рассказы; но все они сводятся к тому, что какой-то провинциал, приехавший в Петербург, непомерно преувеличивал рост, по словам одних, баранов... по словам других, стерлядей, арбузов и т. п.». Далее Кеневич приводит рассказ Лобанова о приезжем помещике, преувеличивавшем размер выловленного стерлядя: «Помещик, показывая размер стерляди, протянул руку с одного конца длинного стола по направлению к другому... Тогда Иван Андреевич, хватаясь за стул, сказал: «Позвольте, я отодвинусь, чтоб пропустить вашу стерлядь».

Литературным источником для «Лжеца» могла послужить притча А. П. Сумарокова «Хвастун» (IV, 29), заимствованная, по всей вероятности, у Эмбера (Imbert). Басня Эмбера «Le Paysan et son Fils» — «Крестьянин и его сын» («Recueil des meilleurs contes en vers. A Genève», 1774) является переводом басни Геллерта — «Der Bauer und sein Sohn»; образцом для Геллерта была басня немецкого поэта XVI в. Вильдиса. См. «Басни и сказки. Сочинение Г. Геллерта». Перевод М. Матинского, СПб., 1775, стр. 25—28: «Земледелец и его сын».

Тему «Лжеца» можно найти еще в баснях А. П. Сумарокова («Господин и Лжец» — IV, II), Хемницера («Лгун») и В. Левшина («Лгун — «Нравоучительные басни и притчи», М., 1787, стр. 20—21).

14. *Орел и Пчела (стр. 239)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1813, ч. XIII, стр. 91—92.

Годом раньше появления в печати этой басни Крылова вышли «Басни и Сказки» Николая Неведомского (СПб., 1812). Среди них «Орел и Пчела» (стр. 33—34) по идее и сюжету близка к басне Крылова.

15. *Заяц на ловле (стр. 240)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1913, ч. XIII, стр. 54—55 (цензорское разрешение 5 июня 1813 г.).

16. *Щука и Кот (стр. 243—244)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1813, ч. XIII, стр. 92—93.

Историческое событие, послужившее поводом для создания данной басни, — неудачное преследование адмиралом Чичаговым отступавшей французской армии. Отступление Чичагова от ме-

стечка Борисова дало возможность Наполеону при переходе остатков его армии через реку Березину избежать плена. Ф. Вигель в своих воспоминаниях пишет: «Ужасами переправы через знаменитую с тех пор Березину не могла быть удовлетворена в нас жажда мести: нам подавай самого Наполеона, а он ускользнул. И теперь еще не знаю, обвинять ли следует Чичагова или оправдывать его? Нельзя изобразить общего на него негодования: все состояния подозревали его в измене, снисходительнейшие кляли его неискусство, и Крылов написал басню о пирожнике, который берется шить сапоги, т. е. о моряке, начальствующем над сухопутным войском» (Вигель, ч. IV, стр. 81).

17. Волк и Кукушка (стр. 245—246)

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1813, ч. XIII, стр. 53—54.

18. Петух и Жемчужное Зерно (стр. 247)

Впервые в издании басен 1809 г. (стр. 18). Перевод басни Лафонтена «Le Coq et la Perle».

19. Крестьянин и Работник (стр. 248—249)

Впервые в издании басен 1815 г., ч. II, стр. 37.

20. Обоз (стр. 250—251)

Впервые в «Сыне Очечества», 1812, ч. II, ноябрь, № 7, стр. 46—47.

После Бородинского боя и занятия Наполеоном Москвы Александр I требовал от Кутузова решительных действий против проникшего в глубь России Наполеона, а Кутузов медлил, осуществляя свой стратегический военный план, и не внимал упрекам. Крылов правильно оценил стратегию Кутузова и в защиту его написал «Обоз».

21. Вороненок (стр. 252—253)

Впервые в «Новых баснях Крылова», 1811, стр. 5—6; является переводом басни Лафонтена «Le Corbeau voulant imiter l'Aigle».

Первоначальный набросок той же темы мы находим в двенадцатом письме «Почты Духов» (1789, ч. I), в котором рассказывается о бедняке-живописце, осужденном к виселице за кражу носового платка, и богаче-преступнике, «разграбившем целую врученную ему область» и оправдавшемся перед «провосудием» взяткой в один миллион.

22. Слон на воеводстве (стр. 254)

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. IV, № 79, стр. 7—8.

Ст. 20 стал пословицей: «И всего-то придется по шкурке с брата» (Даль, стр. 183).

23. *Осел и Соловей (стр. 257)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1811, ч. I, стр. 55—56.

Крылов прочитал эту басню в первом заседании «Беседы» 14 марта 1811 г.

О реальном поводе к сочинению этой басни рассказывает Кеневич (стр. 84), слышавший объяснение от разных современников Крылова, в том числе от В. Т. Плаксина: «Какой-то вельможа (по словам одних гр. Разумовский, по другим — кн. А. Н. Голицын)... пригласил его (Крылова) к себе и просил прочитать две-три басенки. Крылов артистически прочитал несколько басен, в том числе одну, заимствованную из Лафонтена. Вельможа выслушал их благосклонно и глубокомысленно сказал: «Это хорошо; но почему вы не переводите так, как Ив. Ив. Дмитриев?» — «Не умею», скромно отвечал поэт... Возвратясь домой, задетый за живое, баснописец вылил свою желчь в басне «Осел и Соловей».

КНИГА ТРЕТЬЯ

(Т. I, стр. 258—313)

1. *Откупщик и Сапожник (стр. 258—262)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1811, стр. 1—4; переделка басни Лафонтена «Le Savetier et le Financier».

2. *Крестьянин в беде (стр. 265—266)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1811, стр. 15—16.

Та же тема в басне Хемницера «Друзья».

3. *Хозяин и Мыши (стр. 267)*

Впервые (под названием «Хозяин и Кошки») в «Цветнике», 1809, ч. II, стр. 332—333.

4. *Слон и Моська (стр. 268)*

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. IV, № 85, стр. 55—56.

Первоначальный набросок темы басни — в статье Крылова (в «Зрителе», 1792, (ч. II, стр. 288): «Мысли философа по моде или Способ казаться разумным, не имея ни капли разума». Высмеивая «молодого человека», шутящего «над важными вещами, не понимая их», Крылов говорит: «При всей мелкости своего ума, он тогда так мил, как болонская собачка, которая бросается на драгунского рослого капитана и хочет его разорвать, между тем, как он равнодушно курит трубку, не занимаясь ее гневом.

В басне отсутствует «мораль», но смысл ее ясен. Слон — символ истинного дарования и таланта; Моська — мелкое критиканство.

5. *Волк и Волченок (стр. 271—272)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1811, стр. 20—21.

5. *Обезьяна (стр. 273)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1811, стр. 22.

Следует отметить вероятное влияние на эту басню Крылова притчи А. П. Сумарокова (1759) «Пахарь и Обезьяна» (VI, 35).

7. *Мешок (стр. 274—277)*

Впервые в «Цветнике», 1809, ч. III, стр. 33—37.

Общая идея этой басни была уже воплощена в сатирической повести Крылова «Каиб» («Зритель», 1792, ч. III.) В диалоге Стихотворца и Калифа обсуждается вопрос о несоответствии одописных восхвалений добродетелей героев с действительным их несовершенством. Калиф говорит: «Герои ваши — пустые пузыри, надутые вами...» — «Вольно им дурачиться, — отвечал стихотворец: — если бы они приписывали похвалы не своим достоинствам, но случаю и нашей необходимости кого-нибудь ими украшать, то не столь были бы горды. Не хотите ли я вам скажу на этот случай короткую баснь, которую скоро намерен переложить в стихи? Славной живописец пленясь новую мыслью, вздумал написать Венеру, натянул кусок полотна и с великим успехом исполнил свое намерение... Полотно, на коем была написана Венера, вздумало, что оно причиною всех восторгов, примечаемых в зрителях. Паук, раскидывая на нем сети для мух, вывел его из заблуждения. «Ты напрасно гордишься, полотно, — сказал он: — если б не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то бы ты давно истлело, быв употреблено на стирку посуды».

8. *Кот и Повар (стр. 278—281)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1813, ч. VIII, стр. 67 (цензорское разрешение 16 августа 1812 г.).

Нерешительность русского правительства по отношению к Наполеону до его вторжения в Россию и затем медлительность в военных планах 1811—1812 гг. предшественника Кутузова — Барклая-де-Толли — вызвали явный ропот среди знати и резкое недовольство в кругах патриотически настроенной дворянской интеллигенции. Басня Крылова, направленная против Барклая-де-Толли, написана незадолго до назначения Кутузова главнокомандующим всеми русскими армиями и ополчениями.

9. *Лев и Комар (стр. 282—283)*

Впервые в издании басен 1809 г., стр. 26—27. Перевод басни Лафонтена «Le Lion et le Moucheron».

10. *Огородник и Философ (стр. 284—287)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1811, ч. I, стр. 51—53; Крылов прочитал эту басню в «Беседе» 14 марта 1811 г.

Скептически-насмешливый взгляд на применение прогрессивных методов в сельском хозяйстве Крылов высказал еще в 1806 г. в комедии «Модная Лавка».

Своей басней Крылов реагировал на журнальную полемику, возникшую в связи с появлением английского плуга в русском хозяйстве и выступлением в защиту сохи Ф. В. Ростопчина, напечатавшего анонимную брошюру «Плуг и Соха» (М., 1806).

Возможными источниками басни «Огородник и Философ» явились: 1) Басня Флориана «Les deux Jardiniers — «Два Садовника», 2) басня Гольберга «Ссора у Метафизики с Земледельством» («Басни нравоучительные с изъяснениями Господина барона Гольберга, перевод Д. Фон-Визина», М., 1761, стр. 89—90).

11. *Крестьянин и Лисица (стр. 288—289)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1811, стр. 29—30.

12. *Воспитание Льва (стр. 290—292)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1811, стр. 31—34. Крылов не отмечал эту басню как подражание, но по своей экспозиции она может быть сближена с басней Флориана «L'Education de Lion». Известны два русских перевода этой басни: 1) К. Н. (Ниловой) в «Приятном и полезном препровождении времени», М., 1798, ч. XVII, стр. 342—348; 2) И. И. Дмитриева (III, 1).

Одна подробность басни Крылова (ст. 70):

«Папа́», ответствовал сынок...

показывает, что эта басня была направлена против увлечения русского дворянского общества иноземным воспитанием. Возможно, как это указывает Кеневич, Крылов имел, в частности, в виду тот возбуждавший в консервативных кругах недовольство факт, что образование Александра I было поручено Екатериной II женевцу Лагарпу.

13. *Старик и трое Молодых (стр. 293—294)*

Впервые в «Московском Зрителе», 1806, ч. II, февраль, стр. 72. Окончательно редактирована при издании в 1825 г.; является переводом басни Лафонтена «Le Vieillard et les trois jeunes Hommes»— «Старик и трое Молодых», образцом для которой послужила латинская басня Абстемия Бевиляка (XV в.) «De viro decrepito arbores inserente» — «О Старике, сажающем деревья».

14. *Дерево (стр. 297)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816 (издание 1815—1816 гг., ч. IV, стр. 8—9). Датировать сочинение этой басни следует не позднее 12 мая 1814 г., так как в этот день Крылов прочитал ее наряду с другими у имп. Марии Федоровны.

По теме «Дерево» Крылова можно сравнить с басней Хемницера (1779) «Дерево» (I, 1).

15. *Гуси (стр. 298)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1811, ч. I, стр. 53—54.

Крылов прочитал эту басню в первом заседании «Беседы» 14 марта 1811 г.

Тема «Гусей» была не нова в эпоху Крылова. Еще А. Д. Кантемир в сатире «Филарет и Евгений, на зависть и гордость дворян злонравных» (1730) сказал:

> Разнится потомком быть предков благородных,
> Или благородным быть...

Д. И. Фонвизин в комедии «Выбор гувернера» (1790) осмеял «глупую спесь» дворян злонравных и открыто произнес истину, что «породный князь может быть природный дурак». Сам Крылов в «Почте Духов» (1789, ч. III, письмо XXXVII) высказал весьма смелую для того времени мысль: «Мещанин добродетельный и честный крестьянин, преисполненные добросердечием, для меня во сто раз драгоценнее дворянина, считающего в своем роде до тридцати дворянских колен, но не имеющего никаких достоинств, кроме того счастья, что родился от благородных родителей, которые также, может быть, не более его принесли пользу своему отечеству, как только умножили число бесплодных ветвей своего родословного дерева». В той же «Почте Духов» (письмо XLV) Крылов говорит: «Заслуги предков никому не придают знаменитости»

16. *Свинья (стр. 301)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1811, стр. 41. Этой басней возмущался М. Т. Каченовский в критической статье о «Новых Баснях» Крылова («Вестник Европы», 1812, ч. LXI, № 4, стр. 310—311). Повидимому, Каченовский принял басню Крылова на свой счет.

17. *Муха и Дорожные (стр. 302—305)*

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. III, № 63 стр. 85—87. Подражание басне Лафонтена «Le Coche et la Mouche».

В своем подражании Крылов остается вполне самобытным художником и в заимствованный сюжет вносит национальные черты.

Подобно басне «Свинья», и эта басня подверглась придирчивой критике Каченовского (в статье о «Новых баснях» Крылова 1811 г.— «Вестник Европы», 1812, ч. LXI, № 4, стр. 305).

18. *Орел и Паук (стр. 306—309)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1812, ч. V, стр. 57—58 (цензорское разрешение 17 ноября 1811 г.).

По сообщению Н. И. Греча (см. Кеневич), Крылов в истории Паука изобразил возвышение и падение государственного секретаря гр. М. М. Сперанского.

К истории взаимоотношений Крылова и Сперанского можно указать, что знакомство их произошло в 1793 г. у П. И. Марты-

нова (см. «Памятники новой русской истории», т. II, отд. 2, стр. 87). Сперанский не симпатизировал баснописцу и называл его позднее (в 1819 г.) «порядочным невеждой». Возможно, что такое отношение Сперанского к Крылову было вызвано басней «Орел и Паук».

Тема противопоставления парящего Орла ползущему насекомому могла быть навеяна Крылову отчасти стихотворением Экушар-Лебрена «Moyen sur de parvenir»—«Средство к возвышению», отчасти ее русскими переделками начала XIX в.

19. Лань и Дервиш (стр. 310)

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1815, ч. XVII, стр. 99 (цензорское разрешение 18 декабря 1814 г.).

Один из трех автографов этой басни — в тетради 1814 г.

20. Собака (стр. 311)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. IV, стр. 11 (цензорское разрешение 25 февраля 1816 г.).

21. Орел и Крот (стр. 312—313)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. IV, стр. 3—4.

Одна из четырех рукописей этой басни в тетради 1814 г.

Корни дуба, по которым можно узнать, «здорово ли дерево», символизируют в этой басне (как и в басне «Листы и Корни»), социальные низы, питающие «ствол» государственного управления.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

(т. I, стр. 314—345)

1. Квартет (стр. 314—317)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1811, стр. 12—13.

1 января 1810 г. был открыт на новых началах Государственный Совет, разделенный на четыре департамента: законов (председатель кн. П. В. Лопухин), военных дел (гр. А. А. Аракчеев), гражданских и духовных дел (гр. П. В. Завадовский) и государственной экономии (гр. Н. С. Мордвинов). Историк этой эпохи пишет: «Известно, что продолжительным прениям о том, как их рассадить, и даже нескольким последовавшим пересадкам, мы обязаны остроумною баснью Крылова «Квартет» (М. А. Корф, Жизнь графа Сперанского, 1861, ч. I, стр. 118).

Учитывая характерные особенности участников «Квартета» и личные свойства председателей четырех департаментов, безошибочно можно определить, что Мартышка — это Мордвинов, Осел — это Завадовский, Козел — Лопухин, Медведь — Аракчеев.

В басне «Квартет» ясно выражено неприязненное отношение Крылова к «либеральным» начинаниям Александра I.

2. *Листы и Корни (стр. 318—319)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1811, ч. IV, стр. 100—101.

Ср. у Л.-С. Мерсье («Философ, живущий у хлебного рынка», СПб., 1787)»: ... истина ... проникнет ... в душу твою ... взоры твои ... опустятся даже до самых низких состояний, кои в чертогах твоих совсем бывают забвенны; ибо они суть потаенные корни, питающие гордые листвия, коими превозносится древо, ими приосененное. Из сих-то скрытных и животворных протоков изобилие твое истекает...»

Во взгляде Крылова на крепостное право отчасти сказался демократизм юности писателя.

3. *Волк и Лисица (стр. 320)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. IV, стр. 5—6.

4. *Бумажный Змей (стр. 321)*

Впервые (под названием «Бумажный Змей и Мотылек») в «Сыне Отечества», 1814, ч. XI, № 2, стр. 73 (цензорское разрешение 10 января 1814 г.).

Крылову, побывавшему в нахлебниках-приживальщиках у кн. С. Ф. Голицына, была дорога идея независимости хотя бы и скромного существования, противопоставляемого полету «на привязи».

5. *Лебедь, Щука и Рак (стр. 322)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. IV, стр. 10.

Басня написана не позднее 12 мая 1814 г., так как в этот день Крылов прочитал ее наряду с другими во дворце у имп. Марии Федоровны.

Современники Крылова относили эту басню преимущественно к несогласиям членов Государственного совета при Александре I.

6. *Скворец (стр. 323)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. IV, стр. 25—26.

7. *Пруд и Река (стр. 324—325)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. IV, стр. 14—16.

Сочинена не позднее 12 мая 1814 г., так как в этот день Крылов прочитал ее наряду с другими баснями во дворце у имп. Марии Федоровны.

8. *Тришкин кафтан (стр. 326)*

Впервые в «Сыне Отечества», 1815, ч. XXIII, № 27, стр. 24.

9. *Механик (стр. 327)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. IV, стр. 12—13.

10. Пожар и Алмаз (стр. 328—329)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. IV, стр. 28—29.

Написана не позднее 11 января 1814 г., так как в этот день Крылов читал ее наряду с другими баснями у имп. Марии Федоровны во дворце.

11. Пустынник и Медведь (стр. 330—331)

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. I, № 17, стр. 142—144).

Переделка басни Лафонтена «L'Ours et l'Amateur des jardins».

4 мая 1807 г. Крылов прочитал свою басню на литературном вечере у А. С. Хвостова. Об этом рассказывает в своих записках С. П. Жихарев.

12. Цветы (стр. 332)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. IV, стр. 19—20.

13. Крестьянин и Змея (стр. 333—334)

Впервые в «Сыне Отечества», 1813, ч. IX, № 39, стр. 43.

Н. И. Греч в своих мемуарах писал: «... о придворных можно сказать то же, что Крылов говорит об иностранных воспитателях. «И лучшая змея по мне ни к черту не годится» («Записки о моей жизни», изд. «Academia», 1930, стр. 565).

Слова Греча и заключительное обращение басни к отцам позволяют искать ее реальное объяснение в обстановке усиленной борьбы реакционного дворянства эпохи войны 1811—1813 гг. против французского влияния, против галломании.

14. Крестьянин и Разбойник (стр. 335)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. IV, стр. 18.

Один из сохранившихся автографов этой басни — в тетради 1814 г.

15. Любопытный (стр. 336)

Впервые в «Сыне Отечества», 1814, ч. XVIII, № 40, стр. 69.

Правдоподобный рассказ о происхождении этой басни сообщает В. Ф. Кеневич в письме к М. И. Семевскому («Русская Старина», 1870, июль, стр. 84): «... Я узнал, что у покойного А. С. Норова за столом однажды один приезжий из провинции гость рассказывал о своем посещении академического музея. Кто-то из слушавших спросил: «Ну, а слона видели?» — «Какого слона?» — «Да слона, что в музее». — «Ну виноват! слона-то я и не приметил».

16. Лев на ловле (стр. 337)

Впервые (под названием: «Лев, Собака, Лисица и Волк») в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. I, № 12, стр. 96.

Образцом послужили басни Лафонтена — «La genisse, la Chèvre et la Brebis en société avec le Lion».

17. Конь и Всадник (стр. 338—341)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 10—11.

Написана не позднее 12 мая 1814 г., так как в этот день она была прочитана Крыловым наряду с другими баснями во дворце у имп. Марии Федоровны.

Если сопоставить эту басню с басней Крылова «Безбожники» (1814), со стихотворением Державина «Колесница» (1793) и притчей И. П. Пнина «Верховая Лошадь» (1806), то станет ясным, на какие политические толки реагировал Крылов в 1814 г.; это толки о политической свободе, усилившиеся в России после взятия Парижа; это толки о путях и судьбах Великой французской буржуазной революции, это толки о причинах гибели Наполеоновской Франции.

Поэтический образ Всадника был навеян Крылову, по всей вероятности, Возницей из «Колесницы» Державина, написанной на казнь Людовика XVI в 1793 г.

Крылов выступает против требования либерально-дворянских кругов политической свободы, становясь на сторону реакционной политики самодержавия, стремившегося не только узду накинуть на «Коня свободы», но и всеми мерами парализовать вольномыслящую передовую часть русского общества, одним из идеологов которого в первое десятилетие XIX в. был «радищевец» И. П. Пнин. Его притча «Верховая Лошадь» («Любитель Словесности, ежемесячное издание Николая Остолопова», СПб., 1806, ч. II, стр. 207—208) выдвигала требование политической свободы и широкого просвещения народа.

18. Крестьяне и Река (стр. 342)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. IV, стр. 30—31. Один из четырех автографов этой басни — в тетради 1814 г.

19. Добрая Лисица (343—344)

Впервые (под названием «Лисица») в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1815, ч. XVII, стр. 43—44 (цензорское разрешение 18 декабря 1814 г.).

Написана не позднее 12 мая 1814 г., так как в этот день Крылов прочитал ее наряду с другими баснями во дворце у имп. Марии Федоровны.

Черты притворной доброты Лисицы могли быть подсказаны Крылову в литературном плане баснями Флориана «Le Renard qui prêche», переведенной И. И. Дмитриевым (I, 6), и «La jeune Poule et le vieux Renard» и басней Лафонтена «Le coq et le Renard», но сюжет и мораль басни Крылова вполне оригинальны.

20. Мирская сходка (стр. 345)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. IV, стр. 22.

Басни «Листы и Корни» (IV, 2) и «Крестьяне и Река» (IV, 8) показывают отношение Крылова к крестьянству.

КНИГА ПЯТАЯ
(т. I, стр. 346—349)

1. Демьянова уха (стр. 346—349)

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1813, ч. XI, стр. 95—96.

М. Е. Лобанов в биографии Крылова («Жизнь и сочинения Крылова», СПб., 1847, стр. 55) приводит рассказ, подтверждаемый моралью «Демьяновой Ухи»:

«В «Беседе русского слова», бывшей в Доме Державина, приготовляясь к публичному чтению, просили его прочитать одну из его новых басен... Он обещал; но на предварительное чтение не явился, а приехал в Беседу во время самого чтения и довольно поздно. Читали какую-то чрезвычайно длинную пиесу; он сел за стол. Председатель отделения А. С. Хвостов... вполголоса спрашивает у него: «Иван Андреевич, что, привезли?» — «Привез». — «Пожалуйте мне». — «Вот ужо, после». Длилось чтение, публика утомилась, начинали скучать, зевота овладела многими. Наконец, дочитана пиеса. Тогда Иван Андреевич, руку в карман, вытащил измятый листочек и начал: «Демьянова уха»... Приноровление было так ловко, так кстати, что публика громким хохотом от всей души наградила автора за басню, которою он отплатил за скуку ее и развеселил ее прелестью своего рассказа».

Флёри находит, что свой «маленький национальный шедевр» Крылов извлек из очень длинного, но «очень посредственного сочинения» французского ученого и поэта Филиппа Барба «La «Politesse villageoise» — «Сельская вежливость» (Philippe Barb, «Fables et contes philosophiques», 1771). В этой басне один крестьянин угнетает своей вежливостью гостя-путешественника, заставляя его есть и пить, несмотря на его сопротивление. Выведенный из терпения, гость кончает тем, что обращается в бегство.

Флёри сопоставляет Демьянову уху с «Сельской Вежливостью» в качестве «поразительного примера этой манеры, с которой русский поэт умеет приспосабливать заимствованную за границей идею к национальным нравам». Но скорее следует признать, что Крылов пришел к своей теме независимо от Барба.

2. Мышь и Крыса (стр. 350)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 4.

3. Чиж и Голубь (стр. 351)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 1.

Один из автографов этой басни — в тетради 1814 г.

Крылов не отмечал эту басню как подражание. Но по сюжету и идее она сближается с басней Федра «Воробей и Заяц».

4. Водолазы (стр. 352—355)

Впервые в «Описании торжественного открытия имп. Публичной библиотеки, бывшего 2 января 1814 г.», СПб., 1814, стр. 99—103,

под названием: «Читанный в торжественном собрании помощником библиотекаря, титулярным советником Крыловым, Аполог «Водолазы».

А. Н. Оленин письмом от 17 ноября 1813 г. приглашал Крылова прочесть эту басню в собрании при открытии Публичной библиотеки. Сообщив о предстоящем торжестве и перечислив вопросы, которые предложены как тема для доклада библиотекарю Красовскому, архимандриту Филарету и Гнедичу, Оленин продолжает: «Четвертым вопросом, т. е. «о пользе истинного просвещения и пагубных последствиях суемудрия», — давно уже занимался человек, вам весьма коротко знакомый, и именно: Иван Андреевич Крылов; — он знает, с каким удовольствием прекрасный его труд уже принят в кругу его приятелей и знакомых (которые иногда строго разбирают его творения). Теперь остается ему только согласиться сей труд самому прочесть перед публикою в день торжественного открытия имп. Публичной библиотеки... Я уверен, что публика с большим удовольствием будет слушать ваш аполог, который вы нынешним летом на даче моей сочинили, под названием «Водолазы...» («Описание», стр. 140).

Это письмо Оленина к Крылову точно датирует басню «Водолазы»: лето 1813 г.

«Брожение умов» в русском обществе после 1812 г. вызвало охранительное дворянское движение, к которому примыкал и Крылов.

5. Госпожа и две Служанки (стр. 356—359)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 5—6. Отмечалась Крыловым как заимствованная; является переделкой басни Лафонтена «La Vieille et les deux Servantes».

6. Камень и Червяк (стр. 360)

Впервые в «Новых баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 7. Один из двух автографов — в тетради 1814 г.

7. Медведь у Пчел (стр. 361)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 8—9

8. Зеркало и Обезьяна (стр. 362)

Впервые (под названием «Мартышка и Зеркало»), в «Сыне Отечества», 1816, ч. XXVII, стр. 32. В одном из трех автографов названа «Мартышка и Медведь». Крылов прочитал эту басню в торжественном собрании Публичной библиотеки 2 января 1816 г.

Первоначальные наброски этой темы можно найти в журнале Крылова «Почта Духов», 1789: в X письме дано сравнение кривляющейся перед зеркалом обезьяны с поведением молодого «вертопраха петиметра». По идее же эта басня Крылова имеет своих предшественников:

1) Басня М. М. Хераскова «Зеркало и Обезьяна» («Нравоучительные басни», М., 1764, стр. 17—18) и 2) басня С. А. Тучкова

«Зеркало и Обезьяна», впервые напечатанная в «Беседующем Гражданине», СПб., 1789, т. II, стр. 295—296.

Ср. также в «Зрителе» 1792 г. (февраль, стр. 6): «Я взгляну в зеркало правды, и, право, не буду на него досадовать, есть ли увижу себя в нем точно таким, каков я есть: не так, как модница иная разбивает его, когда оно показывает ей лицо не таковым, как ей хочется».

9. Комар и Пастух (стр. 363)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 13.

Один из трех автографов этой басни — в тетради 1814 г.

Флёри указывает на сюжетное сходство этой басни Крылова с юношеской поэмой Виргилия «Culex» — «Комар». Действительно, в начале поэмы Виргилия представлена такая картина: спит пастух. Вблизи появляется змея. Комар, чтобы спасти пастуха, кусает его в глаз. Пастух, проснувшись и протирая глаза, прежде убивает своего спасителя и затем, увидев змею, убивает ее. Дальнейшая история подземных блужданий комара у Виргилия не имеет отношения к сюжету басни Крылова.

10. Крестьянин и Смерть (стр. 364)

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. IV, № 81, стр. 24. Переделка басни Лафонтена «La Mort et le Bûcheron». С. П. Жихарев в своем «Дневнике Чиновника» («Записки С. П. Жихарева», М., 1891, стр. 291) под 3 февраля 1807 г. записал: «... все пристали к Крылову, чтоб он прочитал что-нибудь. Долго отнекивался остроумный комик, но наконец разрешился баснею из Ла Фонтена: «Смерть и Дровосек».

11. Рыцарь (стр. 367)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 14—15.

12. Тень и Человек (стр. 368)

Впервые (под названием «Человек и Тень») в «Сыне Отечества», 1814, ч. XII, № 11, стр. 206.

Эта басня имеет черты сходства с басней Хемницера «Дурак и Тень» (III, 23).

13. Крестьянин и Топор (стр. 369)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 17.

41. Лев и Волк (стр. 370)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 19.

15. Собака, Человек, Кошка и Сокол (стр. 371—272)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 20—21.

Крылов не отмечал эту басню как подражание, но она сходна по идее с басней Эзопа «Пешеходы и Медведь» и басней Федра

«Дорожные и Разбойник» (Перевод Ив. Баркова, СПб., 1787, стр. 149—151).

16. *Подагра и Паук (стр. 373—375)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1811, стр. 8—10.

Образцом послужила, как это подчеркивается и вторым стихом самой басни, — басня Лафонтена «La Goutte et l'Araignée».

17. *Лев и Лисица (стр. 376)*

Впервые в издании басен Крылова 1819 г., ч. VI, стр. 73. Перевод басни Эзопа «Лев и Лисица».

18. *Хмель (стр. 377)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 2—3.

Заключение басни содержит намек на придворные круги с их раболепными льстецами, фаворитами и интриганами.

19. *Слон в случае (стр. 378)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 23.

Мораль басни обратилась в пословицу (см. «Полное Собрание Русских Пословиц Д. Княжевича, СПб., 1822, стр. 177).

20. *Туча (стр. 379)*

Впервые в «Сыне Отечества», 1815, ч. XXIII, № 29, стр. 100 (цензорское разрешение 17 июля 1815 г.).

21. *Клеветник и Змея (стр. 380—381)*

Впервые в «Чтении в Беседе Любителей Русского Слова», 1815, ч. XVII, стр. 45—46 (цензорское разрешение 18 декабря 1814 г.).

Один из четырех автографов этой басни — в тетради 1914 г.

22. *Фортуна и Нищий (стр. 382—385)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 26—28.

23. *Лягушка и Юпитер (стр. 386)*

Впервые в «Новых Баснях Крылова, 1816, ч. V, стр. 29—30.

Один из трех автографов — в тетради 1814 г.

24. *Лиса-Строитель (стр. 387—388)*

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 31—32.

Крылов прочитал эту басню в торжественном заседании Публичной библиотеки 2 января 1816 г. (см. «Сын Отечества», 1816, ч. XXVII, стр. 44—45).

25. Напраслина (стр. 391—392)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 33—34.

Крылов не отмечал эту басню как подражание, но сюжет ее заимствован, по всей вероятности, из сборника анекдотов «Смеющийся Демокрит или поле честных увеселений с поруганием меланхолии. Переведено с латинского языка», М., 1769, стр. 112—113. Здесь напечатана следующая «баснь»: «Был один монах, который, не терпя посту и видя, что нет ничего у него в келье, кроме яйца, взял оное, до тех пор жарил на свечке, пока оно не спеклось. Что настоятель того монастыря увидел, смотря сквозь щель, и вошедши в келью того монаха, много его бранил за то, который, извиняясь перед ним, сказал: «Диавол меня своим навождением довел до такого греха». Диавол же, который в келии того монаха скрытно сидел под столом, выскочил из-под оного: «Лжешь, — сказал, — мерзкой, не ты от меня, но я от тебя научился такому непотребству». (См. В. Н. Перетц, Заметки к истории басни Крылова «Напраслина» — «Литературный Вестник», 1901, т. I, кн. 1, стр. 39—40).

26. Фортуна в гостях (стр. 393—394)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 35—37.

КНИГА ШЕСТАЯ

(т. I, стр. 395—436)

1. Волк и Пастухи (стр. 395)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. V, стр. 22. Французский переводчик басен Крылова Рифе, которому сам Крылов давал некоторые указания, отметил в своем издании («Choix des Fables de M. Kryloff», St.-P., 1822, p. 116), что басня «Волк и Пастухи» имеет греческий источник («L'auteur m'a dit avoir imité du grec cette petite fable»). Действительно, у Эзопа есть басня «Волк и Пастухи», не переводившаяся до Крылова на русский язык. Приводим дословный перевод с греческого:

Волк увидел, что пастухи едят в палатке овцу. Выходя оттуда, он сказал: «Какой шум был бы среди вас, если бы это сделал я?»

Крылов перевел близко к подлиннику.

Эзопу подражал Лафонтен в басне «Le Loup et les Bergers», но его басня содержит 41 стих. Как известно из биографии Крылова, он в 1818—1819 гг. самостоятельно изучил греческий язык (см. примечание к басне «Мот и Ласточка»). Но, судя по заимствованию басни «Волк и Пастухи» непосредственно у Эзопа, следует отметить, что Крылов и до 1818 г. читал Эзопа, возможно, с помощью друзей — Н. И. Гнедича или А. Н. Оленина, хорошо знавших греческий язык.

2. *Кукушка и Горлинка (стр. 396—397)*

Впервые в отдельной брошюре «Три новые басни И. А. Крылова, читанные в торжественном собрании имп. Публичной библиотеки января 2 дня 1817 г.» Спб., 1817, стр. 5—7.

3. *Гребень (стр. 398—399)*

Впервые в «Чтении в торжественном собрании имп. Российской Академии в 5-й день декабря 1818 г.», СПб., стр. 55—56.

4. *Скупой и Курица (стр. 400)*

Впервые в издании басен Крылова 1819 г., ч. VI, стр. 65.
Подражание басне Лафонтена «La Poule aux oefs d'or».

5. *Две Бочки (стр. 401)*

Впервые в издании басен Крылова 1819 г., ч. VI, стр. 66.

6. *Алкид (стр. 402)*

Впервые в «Чтении в торжественном собрании имп. Российской Академии, бывшем в 5-й день декабря 1818 г.», СПб., 1818, стр. 54—55. Переделка басни Эзопа «Геракл и Афина». В изданиях XVIII—XIX в. русских переводов Эзопа этой басни нет: Крылов взял сюжет непосредственно из греческого источника.

7. *Апеллес и Осленок (стр. 403)*

Впервые в «Сыне Отечества», 1816, ч. XXXII, № 37, стр. 197 (этот номер вышел 15 сентября).

Н. И. Греч сообщил в 1863 г. В. Ф. Кеневичу, что Крылов в этой басне осмеял П. А. Катенина, который «однажды в библиотеке (Публичной, где служил Крылов. — *Б. К.*) преважно сказал, что ему Крылов (который, действительно, раза два зазывал его к себе) надоел своими вечными приглашениями» (Кеневич, стр. 174).

8. *Охотник (стр. 404—405)*

Впервые в издании басен Крылова 1819 г., ч. VI, стр. 69—70

9. *Мальчик и Змея (стр. 406)*

Впервые в издании басен Крылова 1819 г., ч. VI, стр. 87.

Перевод басни Эзопа «Мальчик и Змея». Даем текст этой басни в переводе Сергея Волчкова («Эзоповы басни», СПб., 1747, стр. 374—375): «Деревенский мальчик, ходя за угрями, поймал рукою змею. Но понеже она узнала, что малой сие с простоты, а не с умыслу сделал, то змея ему сказала: «Слушай, малой, теперь я твою глупость прощаю, а буде ты впредь меня тронешь, то эта шутка соком тебе выйдет».

10. Пловец и Море (стр. 407)

Впервые в издании басен Крылова 1819 г., ч. VI, стр. 71 является подражанием басне Эзопа «Претерпевший кораблекрушение и Море».

Перевод И. И. Мартынова басен Эзопа был издан в 1823 г. в более ранних русских переводах Эзопа нет басни «Претерпевший кораблекрушение»; следовательно, Крылов взял сюжет из греческого источника непосредственно.

11. Осел и Мужик (стр. 408)

Впервые в издании басен Крылова 1819 г., ч. VI, стр. 77—78.

12. Волк и Журавль (стр. 411)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1816, ч. IV, стр. 27. Перевод басни Лафонтена «Le Loup et la Cigogne».

13. Пчела и Мухи (стр. 412—413)

Впервые в «Северном Наблюдателе», 1817, № 4, стр. 129—130.

14. Муравей (стр. 414—415)

Впервые в издании басен Крылова 1819 г., ч. VI, стр. 73—75.

15. Пастух и Море (стр. 416—417)

Впервые в издании басен Крылова 1819 г., ч. VI, стр. 84—85. Перевод басни Лафонтена «Le Berger et la Mer».

16. Крестьянин и Змея (стр. 418)

Впервые (под названием «Мужик и Змея») в «Журнале Древней и новой Словесности, издаваемом В. Олиным», 1818, ч. I, № 1, июль, стр. 79.

17. Лисица и Виноград (стр. 419)

Впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. IV, № 80, стр. 16. Переделка басни Лафонтена «Le Renard et les Raisins».

Ср. с народной пословицей: «Глаз видит, да зуб неймет» (Письмовник Н. К у р г а н о в а, ч. I).

18. Овцы и Собаки (стр. 420)

Впервые в «Журнале Древней и Новой Словесности», СПб., 1818, ч. I, № 1, июль, стр. 20 (цензорское разрешение 3 июля 1818 г.

Басня обличает чиновничьи злоупотребления.

19. Медведь в сетях (стр. 421)

Впервые в издании басен Крылова 1819 г., ч. VI, стр. 78—79. Крылов не отмечал эту басню как подражание, но сюжет ее является развитием басни Эзопа «Медведь и Лисица».

20. *Колос (стр. 422—423)*

Впервые в издании басен Крылова 1819 г., ч. VI, стр. 80—81

21. *Мальчик и Червяк (стр. 424—425)*

Впервые в издании басен Крылова 1819 г., ч. VI, стр. 82—83.

22. *Похороны (стр. 426)*

Впервые в «Трудах Общества Любителей Российской Словесности», 1817, ч. VII, стр. 63—64; одновременно в отдельной брошюре: «Три новые басни Крылова, читанные в торжественном собрании имп. Публичной библиотеки Января 2 дня 1817 г.», СПб., 1817, стр. 12—13.

26 февраля 1816 г. Крылов был избран членом Московского Общества Любителей Российской Словесности; 28 октября того же года он прочитал в Обществе две басни «Похороны и «Водопад и Ручей», которые были в следующем году напечатаны в «Трудах Общества».

Сюжет этой басни, можно предполагать, навеян басней Эзопа «Богач», но мораль «Похорон» вполне оригинальна.

23. *Трудолюбивый Медведь (стр. 429)*

Впервые (под названием «Медведь и Мужик») в «Журнале Древней и Новой Словесности», СПб., 1818, ч. I, № 3, стр. 179—180 (цензорское разрешение 3 июля 1818 г.).

Ср. с басней Б. «Ребенок и Лук» («Цветник Избранных Стихотворений, М., 1816, ч. I, стр. 138).

24. *Сочинитель и Разбойник (стр. 430—434)*

Впервые в брошюре: «Три новые басни И. А. Крылова, читанные в торжественном собрании имп. Публичной библиотеки Января 2 дня 1817 г.», СПб., 1817, стр. 8—11.

В «Русской Антологии» («Anthologie russe»), составленной Эмилем Дюпре де Сен-Мором (E. Dupré de Saint-Maure) и изданной в Париже в 1823 г., был напечатан, в ряду переводов десяти басен Крылова, перевод басни «Сочинитель и Разбойник», сделанный Ксавье де Местром («L' Auteur et le Voleur», стр. 182—185). Французский критик «Русской Антологии B. L. (Bormian Laour) в «Journal de Paris» от 2 января (нов. ст.) 1824 г. особенное внимание обратил на басню «Сочинитель и Разбойник» и в Сочинителе узнал Вольтера.

Эта басня вызвала возмущение либеральных кругов русского общества. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому 15 января 1824 г.: «Читал ли в «Journal de Paris» 2 Janvier 1824 статью об «Антологии» Сен-Мора? Мейсгер собирается отвечать и оправдывать Крылова. Он посадил в котел Вольтера, а не Крылов. Умница наш был осторожнее. Впрочем, поделом». Вяземский отвечал 21 января: «Я газет никаких не читаю и поэтому и не знаю, что сказано в них о St-Maure, который сущий мавр и араб. Пришли, что есть

и что скажет Мейстер. Басня Крылова подлая и угождение нынешнему мнению. Она мне всегда была тошна» («Остафьевский Архив князей Вяземских», СПб., 1899, т. III, стр. 3, 5).

Судя по письму Ю. А. Нелединского-Мелецкого к князю А. П. Оболенскому от 20 декабря 1823 г., Крылов отрицал возможность применения его басни к Вольтеру: он говорил Нелединскому что «и в голове у него не было» метить в Вольтера («Хроника недавней старины», СПб., 1876, стр. 253).

25. Ягненок (стр. 435—436)

Впервые в издании басен Крылова 1819 г., ч. VI, стр. 91—92.

По указанию В. А. Олениной («Литературный Архив, издаваемый П. А. Картавовым», СПб., 1902, стр. 75), эта басня посвящена ее сестре, Анне Алексеевне которой в это время было около десяти лет.

КНИГА СЕДЬМАЯ

(т. I, стр. 437—486)

1. Совет Мышей (стр. 437—438)

Впервые в «Новых Баснях» Крылова, 1811, стр. 23—24.

2. Мельник (стр. 441—442)

Впервые в «Полярной Звезде на 1825 год», изданной А. Бестужевым и К. Рылеевым, стр. 374—375.

Эта басня, так же как и все двадцать шесть басен, составивших новую, седьмую, книгу при издании 1825 г., написана не позднее начала 1824 г. А. А. Бестужев-Марлинский в письме к Я. Н. Толстому от марта 1824 г. сообщает, что «Крылов написал 27 прелестнейших басен» («Пушкин и его современники», СПб., 1904, т. II, стр. 69; «Русская Старина», 1889, ноябрь, стр. 376).

В седьмую книгу, которая была готова уже к январю 1824 г., вошли: «Василек», «Булыжник и Алмаз», «Плотичка», «Паук и Пчела», «Крестьянин и Змея», «Котел и Горшок», «Лев состаревшийся», «Лисица и Осел», «Свинья под Дубом», «Муха и Пчела», «Мельник», «Змея и Овца», «Дикие Козы», «Голик», «Богач и Поэт», «Соловьи», «Крестьянин и Овца», «Скупой», «Волк и Мышонок», «Два Мужика», «Рыбья Пляска,» «Котенок и Скворец», «Две Собаки», «Кошка и Соловей», «Прихожанин», «Ворона». Недостает 27-й басни. Это «Пестрые Овцы»,— басня, по всей вероятности, не пропущенная цензурой.

3. Булыжник и Алмаз (стр. 445)

Впервые в «Северной Пчеле», 1825, № 1, 1 января, стр. 3 (цензорское разрешение 29 декабря 1824 г.). Сочинена не позднее 1823 года (см. примечание к басне «Мельник»).

4. *Мот и Ласточка (стр. 446)*

Впервые в «Чтении в торжественном собрании имп. Российской Академии, бывшем в 5-й день декабря 1818 г.», стр. 53—54. Образцом послужила басня Эзопа «Молодой Человек и Ласточка».

5. *Плотичка (стр. 449—450)*

Впервые в издании басен Крылов 1825 г., кн. VII, стр. 258—261. Эту басню вместе с басней «Овца», в печати названной «Крестьянин и Овца», Крылов послал в июле 1821 г. из Приютина в письме к Алексею Алексеевичу Оленину.

6. *Крестьянин и Змея (стр. 451)*

Впервые в издании басен 1825 г., кн. VII. стр. 263. Написана не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»). Тема коварства змеи дана в басне Эзопа «Крестьянин и Змея». Ср. Басню Б. Федорова «Крестьянин и Змея» (Из Эзопа) в «Благонамеренном», 1824, № 5, стр. 340.

7. *Свинья под Дубом (стр. 452)*

Впервые в «Северной Пчеле», 1825, № 5 (цензорское разрешение 9 января 1825 г.). Написана не позднее начала 1824 г. (см. примечание к басне «Мельник»; см. статью Л. К. Ильинского в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.», стр. 98—102).

Обличение невежд, «бранящих науки и ученье», встречается и в других баснях Крылова (например в басне «Мартышка и Очки») и в его сатирическом журнале «Почта Духов», 1789.

Сюжет басни «Свинья под Дубом» мог быть подсказан Крылову началом басни Лессинга «Дуб и Свинья»; ее прозаический перевод напечатан анонимно (без указания на немецкий источник) в «Детском Чтении», 1785, ч. III, стр. 128.

Басню Лессинга перевели еще: Мария Базилевичева («Новые Басни и Повести», М., 1799, ч. I, стр. 64—65); Васильев («Басни», 1817, стр. 15); подражания: анонимная притча «Овца и Свинья» («Северный Вестник», 1805, ч. III, стр. 340—341); Василий Папышев (прозой) в «Избранных баснях Г. Е. Лессинга», СПб., 1816, стр. 6—7.

По идее басня Крылова сближается с басней Эзопа «Пешеходы и Явор».

Сам Крылов не отмечал эту басню как подражание.

8. *Паук и Пчела (стр. 453)*

Впервые в издании басен Крылова 1825 г., кн. VII, стр. 261—262. Сочинена не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»).

Крылов не отмечал эту басню как подражание, но тема ее заимствована у немецких баснописцев Гольберга и Геллерта. В басне Геллерта «Пчела и Паук» («Басни и Сказки», перевод с немецкого

М. Матинского», СПб., 1775, ч. I, стр. 67—68) паук — прилежный «надутый педант», мнящий, что он ткет свою паутину для вечности, чванится перед шелковым червяком. Басню Гольберга перевел Д. И. Фонвизин («Басни нравоучительные с изъяснениями Господина Барона Голберга, перевел Денис Фонвизин», М., 1761, стр. 68).

9. Лисица и Осел (стр. 454)

Впервые в «Северных Цветах на 1825 год». Сюжет ее почти совпадает с басней Крылова «Лев состаревшийся», образцом для которой послужила басня Лафонтена «Лев в старости».

Первоисточником басни Крылова «Лисица и Осел» был Эзоп (басня «Старый Лев»), у которого и Лафонтен заимствовал тему своей басни «Лев в старости».

Замысел басен «Лев состаревшийся» и «Лисица и Осел» относится к одному и тому же времени, как то показывают рукописи этих басен: черновой набросок басни «Лисица и Осел» находится на обороте листа с первой редакцией басни «Лев состаревшийся». Датировать их можно не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»).

10. Муха и Пчела (стр. 455)

Впервые в «Северных Цветах на 1825 год», стр. 261—262 (цензорское разрешение 9 августа 1824 г.). Написана не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»).

Подражание басне Лафонтена «La Mouche et la Fourmi».

11. Змея и Овца (стр. 456)

Впервые в издании басен Крылова 1825 г., (кн. VII. стр. 273).

12. Котел и Горшок (стр. 457)

Впервые в издании басен Крылова 1825 г., кн. VII, стр. 264—265. Написана не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»). Переделка басни Лафонтена «Le Pôt de terre et le Pôt de fer».

Крылов придал заимствованному сюжету русский колорит и дал свое нравоучение.

13. Дикие Козы (стр. 458—459)

Впервые в издании басен Крылова 1825 г., кн. VII, стр. 274—275.

Написана не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»).

Образцом послужила басня Эзопа «Пастух и Козы».

14. Соловьи (стр. 460—461)

Впервые в издании басен Крылова 1825 г., кн. VII, стр. 278—279. Написана не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник». Посвящена А. Н. Оленину, как это известно из замечаний его дочери В. А. Олениной («Литературный Архив», СПб., 1902, стр. 75).

15. Голик (стр. 462)

Впервые в издании басен Крылова 1825 г., кн. VII, стр. 276

16. Крестьянин и Овца (стр. 463)

Впервые в «Полярной Звезде на 1823 год», стр. 112 (цензорское разрешение 30 ноября 1822 г.).

Басня эта была послана (под названием «Овца») Крыловым в июле 1821 г. в письме к А. А. Оленину, вместе с басней «Плотичка»; это обстоятельство датирует ее 1821 г.

Белинский считал эту басню «едва ли не лучшей из всех басен Крылова» («Отечественные Записки», 1844, ч. XXXII, отд. VI, стр. 51).

Замечателен специфический язык этой басни, подражающий языку подьячих и судебных документов того времени: понеже, хоронить концы, ведомо, по справке, явствует, в сказанную ночь и т. п.

17. Скупой (стр. 464—467)

Впервые в издании басен Крылова 1825 г., кн. VII, стр. 281—283. Написана не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»).

Тема скупца развита Крыловым в XLVII письме «Почты Духов» (в 1789 г.).

18. Богач и Поэт (стр. 468)

Впервые в «Северных цветах на 1825 г.», стр. 283—284. Написана не позднее 1823 г. (см. примечание кбасне. «Мельник»).

Из рукописи Крылова видно, что он предполагал сначала озаглавить басню: «Вельможа и Поэт».

Цензура могла не пропустить басню в такой редакции, и Крылов заменил Вельможу Богачом. Основная мысль этой басни, быть может, подсказана Крылову стихотворением Шиллера «Раздел Земли», которое в 1812 г. было переведено Жуковским и помещено в начале «Послания к Батюшкову» («Вестник Европы», 1813, № 8 и 10, стр. 34—36).

19. Волк и Мышонок (стр. 469)

Впервые в издании басен Крылова 1825 г., кн. VII, стр. 283—284. Написана не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»). Сюжет заключения басни восходит к сатире Новикова. В его «Живописце» (3-е изд., СПб., 1775, ч. I, стр. 36—42) рассказывается о судье, у которого пропали золотые часы. «Легко можно догадываться, что они были некупленные. Судьи редко покупают; история гласит, что часы по форме приказной с надлежащим судейским насилием вымучены были у одной вдовы... Судья, хватившись часов и не находя их, по пристрастию рассуждает про себя так: «Я хотя и грабитель... однако сам у себя красть не стану... конечно часы украл подрядчик...», и определил истязывать подрядчика...»

20. *Два Мужика (стр. 470)*

Впервые в издании басен Крылова 1825 г., кн. VII, стр. 284. Написана не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»).

21. *Котенок и Скворец (стр. 471—472)*

Впервые в издании басен Крылова 1825 г., кн. VII, стр. 288—289. Написана не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»).

22. *Две Собаки (стр. 473—474)*

Впервые в «Соревнователе Просвещения и Благотворения», 1824, ч. VI (другое название журнала: «Труды высочайше утвержденного Общества Любителей Российской Словесности», ч. XXVI, кн. I), стр. 64—65. Написана в 1821—1823 гг. (см. примечание к басне «Мельник»).

Крылов не отмечал эту басню как подражание. Но эта тема — о разной участи двух собак — разрабатывалась еще до Крылова. В «Беседующем Гражданине», СПб., 1789, ч. III, стр. 89—92, напечатана анонимная басня «Барбос и Азорка».

На эту же тему басня М. М. Хераскова «Две Собаки» («Нравоучительные басни», 1764, стр. 7). П. А. Вяземский опубликовал в «Сыне Отечества» 1819 г. (ч. LVIII, стр. 34) басню «Две Собаки». Источником для названных басен, как, возможно, и для басни Крылова, послужила басня Геллерта «Две Собаки» (см. «Басни и сказки. Сочинение Г. Геллерта. Перевод с немецкого М. Матинского», СПб., 1775, стр. 84—86).

Та же идея в басне Флориана «Два Кота» (II, 9), переведенной А. Е. Измайловым («Басни и сказки», СПб., 1821:

23. *Кошка и Соловей (стр. 479—480)*

Впервые в «Соревнователе Просвещения и Благотворения», 1824, ч. II («Труды высочайше утвержденного Вольного Общества Любителей Российской Словесности», ч. XXV, кн. I), стр. 128—130. Сочинена не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»).

Кошачьи когти, о которых баснописец говорит «на ушко» во всеуслышание, — это когти современной Крылову цензуры, «ласково сжимавшие» и самого баснописца — Соловья.

24. *Рыбья Пляска (стр. 481)*

Впервые в «Соревнователе Просвещения и Благотворения». 1824, № 7 («Труды высочайше утвержденного Вольного Общества Любителей Российской Словесности, ч. XXVI, кн. I). стр. 3—5, и вторично там же, ч. XCV, стр. 33—35). Цензорское разрешение 1 июля 1829 г.

Печатная редакция этой басни, под названием «Рыбьи Пляски», во всех ее изданиях при жизни Крылова является авторским искажением, под давлением цензуры, первоначального смелого замысла ее, который можно установить по одному из шести сохранившихся автографов этой басни в Пушкинском Доме.

По этому автографу и напечатана басня «Рыбья Пляска» в настоящем издании.

Эта басня написана не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»). В. А. Оленина написала по поводу этой басни: «Во время графа Аракчеева. Когда он сначала написал эту басню, было написано вместо последних четырех стихов:

Тут лев изволил
В грудь лизнуть,
А сам отправился
В дальнейший путь!

Ему приказано было «переделать эдак» («Литературный Архив, издаваемый П. А. Каргановым», СПб., 1882, стр. 75).

«Переделать эдак», т. е. так, как во всех изданиях басен Крылова.

По мнению современников Крылова, в басне — в ее первоначальной редакции — заключался намек на следующий исторический факт.

«Во время одного из своих путешествий по России имп. Александр I в каком-то городе остановился в губернаторском доме. Готовясь уже к отъезду, он увидел из окна, что по площади приближается к дому довольно большое число людей. На вопрос государя, что это значит, губернатор отвечал, что это депутация от жителей, желающих принести его величеству благодарность за благосостояние края. Государь, спеша отъездом, отклонил прием этих лиц. После распространилась молва, что они шли с жалобой на губернатора, получившего между тем награду» («Труды Я. К. Грота», СПб., 1901, т. III, стр. 245).

25. Прихожанин (стр. 482)

Впервые в «Северных Цветах на 1825 год», стр. 284—285.

Написана не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»). В рукописи названа «Проповедник».

М. Е. Лобанов в биографии Крылова (стр. 75) сообщает: «...Первые басни его даже и в Москве были приняты по достоинству... Но если впоследствии Москва не вполне делила восторги Петербурга, вспомним, что в стенах ее жил заслуженный гражданин и знаменитый поэт (имеется в виду И. И. Дмитриев. — *Б. К.*), которого венок ей тяжело было уступить другому. За некоторую ее холодность Крылов позволил себе мщение — такова была его натура — в басне «Прихожанин», которую он составил из анекдота о мужике, мною ему случайно рассказанного».

Крылов не отмечал «Прихожанина» как заимствование. Упомянутый Лобановым анекдот Крылов мог и сам вычитать из русских сборников анекдотов, распространенных в XVIII веке. Так, в «Спутнике и Собеседнике веселых людей», М., 1776, ч. III, стр. 5, имеется анекдот: «Крестьянин из другого прихода»: «Один проповедник говорил в деревне проповедь, все слушатели, кроме только одного крестьянина, проливали слезы,

другой спросил его: «Для чего ты не плачешь?» — «Я не этого прихода», ответствовал он». В сборнике «Ограда в скуке или Книга веселия и размышления», М., 1788, ч. II, стр. 131, рассказан такой же анекдот.

В русские сборники этот анекдот мог попасть из французского источника, именно из сочинений Баратона «Les Pleureurs, Epigramme» — «Плакальщики, Эпиграмма» или Экушар-Лебрена, «Le Sermon» — «Проповедь».

Крылов мог воспользоваться как названными русскими сборниками анекдотов, так и французскими источниками непосредственно.

26. Ворона (стр. 485—586)

Впервые в «Полярной Звезде на 1825 год», стр. 375—376. Написана не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»).

Крылов не отмечал ее как подражание, но она является переделкой басни Лафонтена «Le Geai paré des plumes du Paôn».

КНИГА ВОСЬМАЯ

(Т. I, стр. 487—520)

1. Лев состарéвшийся (стр. 487)

Впервые в «Северных Цветах на 1825 год», стр. 290—291. Является переводом басни Лафонтена «Le Lion devenu vieux». Написана не позднее 1823 г. (см. примечание к басне «Мельник»). В несколько измененном виде та же тема развита в басне Крылова «Лисица и Осел» (VII, 9).

2. Лев, Серна и Лиса (стр. 488—489)

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 369—371.

Сохранившаяся черновая рукопись показывает, что Крылов, дописав эту басню почти до половины, задумал переделать ее совершенно по другому плану и назвать ее «Льстец», но затем перечеркнул свой набросок из 15 стихов и вернулся к первоначальному замыслу.

Следует отметить идейное сходство этой басни с басней Крылова «Лев и Человек», напечатанной в первом издании басен 1809 г. и переиздании 1811 г. и в дальнейшем не включенной Крыловым ни в одно из изданий басен после 1811 г. «Искусство силу одолело» — эта мысль басни «Лев и Человек» вытекает и из басни «Лев, Серна и Лиса».

Возможно, что, составляя восьмую книгу басен для нового издания всех басен в 1830 г., Крылов пересматривал прежние издания и, перечитав в первом издании 1809 г. (или переиздании 1811 г.) басню «Лев и Человек», единственную из двадцати трех басен не перепечатанную в последующих изданиях, остановился на идее противопоставления ума и искусства физической силе и воплотил эту идею в новой басне «Лев, Серна и Лиса».

3. *Крестьянин и Лошадь (стр. 490)*

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 363—364.

4. *Белка (стр. 491)*

Впервые в «Московском Телеграфе», 1830, ч. XXXIII, № 9, стр. 74 (цензорское разрешение 10 мая 1830 г.). Сочинена ранее 2 мая 1830 г.; в тот день петербургский цензурный комитет решал вопрос, разрешить ли к опубликованию две басни Крылова: «Белка» и «Осел». Как сказано в протоколе заседания комитета «цензор колл. советник Сербинович, на рассмотрение которого поступили упомянутые басни, доставил оные на рассмотрение Комитета, ибо он, с своей стороны, сомневается допустить к напечатанию без разрешения». Комитет определил: «допустить их к напечатанию» («Пушкин и его современники», в. 29—30, стр. 113).

5. *Щука (стр. 492)*

Впервые в «Литературной Газете», 1830, т. I, 27 марта, стр. 143.

Еще в 1789 г. в «Почте Духов» (письмо XII) Крылов писал: «Сколько здесь ни обширны фабрики правосудия, но почти на всех обрабатывается оное довольно дурно», и нарисовал жуткую картину суда, в котором «чуть было не засекли розгами бедняка, не евшего трое суток, за то, что вытащил он у богатого купца платок», — суда, в котором настоящим преступникам, «обворовавшим государственную казну на несколько миллионов и разграбившим целую область, судьи кланяются чуть не в земле».

6. *Кукушка и Орел (стр. 493)*

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 368—369.

7. *Бритвы (стр. 494)*

Впервые в «Северных Цветах на 1829 г., стр. 67—68 (цензорское разрешение 27 декабря 1828 г.).

8. *Сокол и Червяк (стр. 497)*

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 377—378.

9. *Бедный Богач (стр. 498—500)*

Впервые в «Северных Цветах на 1829 год», стр. 127—130 (цензорское разрешение 27 декабря 1828 г.). В одной из трех сохранившихся рукописей названа «Скупой Богач».

Скупость высмеяна также в басне Крылова «Скупой» (VII, 17). Ср. народную пословицу: «Скупой богач беднее нищего» (Полное Собрание Русских Пословиц Д. Княжевича, СПб., 1822, стр. 227). Ст. 4 повторяет пословицу: «Умрем, так все останется» (там же, стр. 257).

10. *Булат (стр. 501)*

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 381—383. Современники Крылова относили эту басню к генералу А. П. Ермолову (см. Полное Собрание Сочинений Крылова, под редакцией В. В. Каллаша, т. IV, стр. 432). Весной 1827 г. Ермолов, заподозренный Николаем I в сочувствии планам декабристов, был отстранен от командования Кавказским корпусом и заменен Паскевичем; боевой генерал остался не у дел, хотя и числился членом Государственного совета. Судьбой Ермолова крайне интересовался Пушкин; в 1829 г. он посетил в Орле опального генерала (см. Пушкин, «Письма», т. II, стр. 342). Можно думать, что впечатления и мнения Пушкина дошли и до Крылова и подсказали ему идею басни.

11. *Купец (стр. 502)*

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 383—384.

12. *Пушки и Паруса (стр. 503—504)*

Впервые в «Северных Цветах на 1829 год», стр. 149—150. В. А. Оленина в замечаниях своих на басни Крылова датирует «Пушки и Паруса»: «Во время имп. Александра I» («Литературный Архив», СПб., 1902, стр. 75); но на одном из трех сохранившихся автографов этой басни (из собрания А. Б. Лобанова-Ростовского) помечено: «Написано собственною рукою Ив. Ан. Крылова в 1827 г.».

13. *Осел (стр. 505)*

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 388—389. Написана не позднее 2 мая 1830 г.; в этот день петербургский цензурный комитет обсуждал, разрешить ли к напечатанию две басни Крылова: «Белка» и «Осел» (см. примечание к басне «Белка» — VII, 4).

Ср. с басней Эзопа «Собака».

14. *Мирон (стр. 506)*

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 385—386. Имя «Мирон» в переводе с греческого обозначает «каплющий елеем». Это подчеркивает сатирическую направленность басни, обличающей ханжество и лицемерие богачей и вельмож.

15. *Крестьянин и Лисица (стр. 509)*

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 387.

16. *Собака и Лошадь (стр. 510)*

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 392.

17. *Филин и Осел (стр. 511)*

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 390—391.

18. Змея (стр. 512)

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 395—396.

19. Волк и Кот (стр. 513)

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 397—399. В одной из трех сохранившихся рукописей этой басни она названа «Волк и Охотники».

В басне «Волк и Кот» современники видели выражение прямого осуждения восстания 14 декабря.

20. Лещи (стр. 514)

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 399—400.

21 Водопад и Ручей (стр. 515)

Впервые, под названием «Ручей и Водопад», в «Трудах Общества Любителей Российской Словесности», 1817, ч. VII, стр. 65 (доставлена Крыловым в Общество в 1816 г.).

Крылов не отмечал эту басню как подражание; но, как указывает Флёри, образцом для этой басни могла послужить басня Шарля Песселье (Charles-Etienne Pesseliér, «Fables nouvelles», Paris, 1748) — «Le Torrent et le Ruisseau» («Поток и Ручей»).

Басня Песселье была известна русской литературе и до Крылова: так в «Нравоучительных баснях» М. М. Хераскова 1764 г. имеется басня «Источник и Ручей», являющаяся подражанием указанной французской басне.

22. Лев (стр. 516)

Впервые в издании басен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 393—394. Можно предполагать, что эта басня направлена против помещиков-крепостников.

23. Три Мужика (стр. 517—518)

Впервые в издании бесен Крылова 1830 г., кн. VIII, стр. 400—402.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

(Т. I, стр. 521—535)

1. Пастух (стр. 521)

Впервые в альманахе А. Ф. Смирдина «Новоселье», СПб., 1833, т. I, стр. 401—402 (цензорское разрешение 1 февраля 1833 г.)

Крылов дал в «Новоселье» шесть басен, впоследствии первыми номерами вошедших в «девятую книгу» при издании 1843 г.; пять из них: «Пастух», «Белка», «Мыши», «Лиса», «Волки и Овцы» можно датировать 1832 г., так как они напечатаны в первом томе «Новоселья», который в январе 1833 г. был уже сдан в цензуру.

Ст. 19—20 басни «Пастух» соответствуют пословице в Полном Собрании Русских Пословиц» Д. Княжевича, СПб., 1822, стр. 150; в несколько измененном виде — в сборнике Снегирева (стр. 24): «На волка только слава, а овец таскает Савва».

2. *Белка (стр. 522)*

Впервые в «Новоселье», 1833, т. I, стр. 402—403.

По сюжету и идее эту басню можно сравнить с басней Н. Остолопова «Кот и Белка» («Апологические Стихотворения» СПб., 1827, стр. 49).

3. *Мыши (стр. 523)*

Впервые в «Новоселье», 1833, т. I, стр. 404—405.

По замечанию Г. А. Гуковского (см. вступительную статью в т. I), эта басня в свое время должна была прозвучать панегириком Николаю I.

4. *Лиса (стр. 524—525)*

Впервые в «Новоселье», 1833, т. I, стр. 405—406. Сюжет этой басни заимствован из очень распространенной русской сказки. Этот же сюжет при несколько измененном положении действующих лиц известен и мировой литературе.

5. *Волки и Овцы (стр. 526)*

Впервые в «Новоселье», 1833, т. I, стр. 407—408.

Сарказм этой басни оценил Белинский в заметке об издании басен Крылова 1843 г., выделивший из девятой книги эту басню (вместе с басней «Вельможа»), как особенно ему понравившуюся, и перепечатавший ее полностью в своей заметке («Отечественные Записки», 1844, ч. XXXII, отд. VI).

6. *Крестьянин и Собака (стр. 527)*

Впервые в «Новоселье», 1834, т. II, стр. 473—474.

7. *Два Мальчика (стр. 528)*

Впервые в «Библиотеке для Чтения», 1836, т. XIV, стр. 65—66 (цензорское разрешение 31 декабря 1835 г.).

12 апреля 1834 г. А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Иван Андреевич Крылов написал три слабые басни, как бы в доказательство того, что талант его стареет. У него был договор со Смирдиным, в силу которого тот платил ему за каждую басню по 300 рублей; теперь он требует с него по 500 рублей, говоря, что собирается купить карету и ему нужны деньги!» («Записки и Дневник», СПб., 1905, т. I, стр. 242).

Три басни, о которых говорит Никитенко, это: «Два Мальчика», «Разбойник и Извощик» и «Лев и Мышь», которые можно датировать концом 1833 г. и которые были куплены Смирдиным для журнала «Библиотека для Чтения» и там напечатаны.

Крылов не отмечал эту басню как подражание, но несомненно некоторое сходство ее сюжета с басней Лафонтена «Le Singe et le Chat»: кошка выгребает из горячих угольев каштаны, но достаются они не кошке, а ее соседке — обезьяне. Эта басня Лафонтена переведена А. П. Сумароковым («Мартышка и Кошка» — I, 12) и Д. И. Хвостовым («Мартышка и Кошка» — III, 11).

В изложении и правоучении «Двух Мальчиков» Крылов вполне оригинален.

8. *Разбойник и Извозчик (стр. 529)*

Впервые в «Библиотеке для Чтения», 1834, т. III, стр. 235 (цензорское разрешение 31 марта 1834 г.).

9. *Лев и Мышь (стр. 530—531)*

Впервые в «Библиотеке для Чтения», 1834, т. III, стр. 236. Подражание басне Лафонтена «Le Lion et le Rat».

10. *Кукушка и Петух (стр. 532)*

Впервые в сборнике «Сто русских литераторов», СПб., 1841, т. II, стр. 15—16. Судя по рукописям, эта басня писалась одновременно с басней «Вельможа» (IX, 11).

В Государственном Литературном Музее в Москве хранится автограф Крылова — отрывок из этой басни с подписью и датой: «1834 г. Июль, д. 9», и с припиской П. А. Плетнева: «Стихи, здесь приведенные, И. А. Крылов взял из басни своей: «Петух и Кукушка». Эта басня, написанная им в нынешнем 1834 г., еще нигде не напечатана. Вероятно, немногие в состоянии будут разобрать сии строки знаменитого баснописца; их надобно читать следующим образом:

Как ни хвали кукушка петуха,
Как ни хвали петух кукушку,
Далеко им до соловья.

П. Плетнев».

Сохранились семь автографов этой басни.

В рукописи, хранящейся в Пушкинском Доме, — иная редакция заключения:

Когда замечу я, что, не боясь греха,
Писатели-друзья так хвалят дружка дружку, —
Все хвалит, кажется, Петух Кукушку,
Кукушка хвалит Петуха.

Современник Крылова Н. М. Калмыков раскрывает реальную основу басни: в ней изображены Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин. «Лица сии, — рассказывает Калмыков («Русский Архив», 1865, столб. 1011), — в журналах тридцатых годов восхваляли друг друга до забвения или, как говорят, до бесчувствия. Объяснение это я слышал от самого И. А. Крылова».

В том же сборнике «Сто русских литераторов», где напечатана басня «Кукушка и Петух», перед ней помещена карикатура Н. А. Степанова, изображающая, повидимому, «Библиотеку для Чтения» и двух писателей с головами Петуха и Кукушки, приветствующих друг друга; в них легко узнать Булгарина и Греча.

11. *Вельможа (стр. 535)*

Впервые в «Сыне Отечества», 1836, ч. CLXXV, стр. 64 (цензорское разрешение 3 января 1836 гг.).

По свидетельству В. А. Олениной, эту басню «цензура два года не разрешала печатать. На маскараде у вел. кн. Елены Павловны он (Крылов) испросил разрешение у самого государя Николая I» («Литературный Архив», СПб., 1902, стр. 75).

Басня сочинена в 1834 г., одновременно с басней «Кукушка и Петух».

Идея ее перекликается с одной из первых басен Крылова — «Оракул»; первоначальные наброски темы — в журнале молодого Крылова «Почта Духов» (1789), в котором можно найти и афоризм: «Ничего не может быть почтеннее, как искусный и беспристрастный Секретарь» (в письме XVIII), и сатирический показ «исправного судьи», у которого, стоит только отнять умного секретаря, останется одно «танцование» (в письме XXI).

В «Вельможе» Крылов вернулся к традиционной классической мифологии, развернув ее в сатирико-реалистическом плане, как и в «Почте Духов».

Белинский выделил эту басню (вместе с басней «Волки и Овцы») из всей «девятой книги», как особенно ему понравившуюся, и перепечатал ее полностью в своей заметке об издании басен Крылова 1843 г. («Отечественные Записки», 1844, ч. XXXII, отд. VI, стр. 51—62).

БАСНИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В „ДЕВЯТЬ КНИГ“

(Т. I, стр. 536—547)

1. *Стыдливой Игрок (стр. 536)*

Впервые анонимно в журнале И. Г. Рахманинова «Утренние Часы. Еженедельное издание», СПб., 1788, ч. I, неделя 5-я, стр. 79—80; при жизни Крылова не перепечатывалась.

Авторство Крылова установлено с несомненной достоверностью Ф. А. Витбергом, (см. «Первые басни И. А. Крылова», СПб., 1900).

2. *Судьба Игроков (стр. 537)*

Впервые анонимно в «Утренних Часах», 1788, ч. II, неделя 18-я августа 17 дня, стр. 80. При жизни Крылова не перепечатывалась.

3. *Павлин и Соловей (стр. 538—539)*

Впервые в «Утренних Часах», 1788, ч. II, неделя 24-я, сентября 28 дня, стр. 174—176. При жизни Крылова не перепечатывалась.

4. *Недовольный гостьми Стихотворец (стр. 540)*

Впервые анонимно в «Утренних Часах», 1788, ч. III, октябрь, стр. 32; под названием «Не во-время гости» перепечатана в журнале Крылова «Зритель», 1792, ч. I, стр. 111; при жизни Крылова больше не перепечатывалась.

Как известно, под именами Рифмохвата (в комедии 1786 г. «Сочинитель в прихожей») и Рифмокрада (в комедии «Проказники» 1787—1788 г., и в XXX письме «Почты Духов» 1789 г.) Крылов осмеивал Я. Б. Княжнина.

5. *Лев и Человек (стр. 541—542)*

Впервые в издании басен Крылова 1809 г. (стр. 40), затем в переиздании 1811 г. (стр. 36—37); после этого при жизни Крылова не перепечатывалась.

6. *Пир (стр. 543)*

При жизни Крылова не была напечатана; впервые напечатана в «Приложениях к Чтениям 2 февраля 1868 г. в память И. А. Крылова» в «Сборнике статей, читанных в Отделении Русского языка и Словесности Академии Наук», СПб., 1869, т. VI, стр. 273—274. Сохранилась в автографе Крылова в бумагах А. Н. Оленина и доставлена в Публичную библиотеку Н. И. Стояновским с согласия Варвары Алексеевны Олениной, рукою которой на рукописи Крылова помечено: «Эта басня в то время, как была написана Крыловым, цензура запретила ее печатать. В. Аленина. Равно как и два года басню Вельможа не позволяли печатать».

Точно датировать эту басню не представляется возможным; она написана не ранее 1811 г., так как автограф ее — на бумаге с водяным знаком: 1811 г.

7. *Пестрые Овцы (стр. 544—545)*

При жизни Крылова не была напечатана; впервые напечатана Кеневичем в «Русском Архиве», 1867, вып. 3, стр. 386—392.

Судя по черновым автографам, эта басня писалась одновременно с баснями «Мельник» и «Змея и Овца» и, повидимому, вместе с ними должна была войти в седьмую книгу басен для издания 1825 г. Действительно, в седьмой книге при издании басен в 1825 г. оказалось 26 басен, вместо 27, объявленных в «Литературных Листках», 1824 № 4. Это обстоятельство позволяет датировать басню 1821—1823 гг., когда Крылов работал над седьмой книгой басен.

Сохранились шесть рукописей этой басни, из которых одна — чистовая, по которой и печатается текст в настоящем издании.

С уверенностью можно сказать, что не сам Крылов, так тщательно отделывавший эту басню, не пожелал ее напечатать: не пропустил ее в печать Цензурный комитет.

Первый комментатор Крылова, В. Ф. Кеневич, пишет (стр. 218), что окончательная редакция «Пестрых Овец» могла быть приме-

нена к «занимавшей в те времена общественное мнение университетской истории». Напомним подробности этой истории.

В конце 1821 г. был сделан донос на «вольнодумство» видных профессоров университета — Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева; тайно были взяты у некоторых студентов университета и воспитанников Благородного пансиона тетради с записями лекций заподозренных профессоров и рассмотрены в Главном правлении училищ, которое нашло в лекциях названных профессоров «обдуманную систему неверия и правил зловредных и разрушительных в отношении к нравственности, образу мысли и духу учащихся и к благосостоянию всеобщему». По повелению Александра I ректор университета Балугьянский был отрешен от должности, обвиняемые же профессора были уволены, их печатные курсы были изъяты из обращения, ибо Комитет министров признал вредным учение вольномыслящих профессоров. Пострадали при этом и многие студенты, уволенные из университета «по неблагонадежности».

Этот разгон лучших университетских сил был инспирирован известными ретроградами александровской эпохи — попечителем Петербургского университета и учебного округа Д. П. Руничем, попечителем Казанского университета и учебного округа М. Л. Магницким, жившим тогда в Петербурге, и министром духовных дел и просвещения кн. А. Н. Голицыным.

Университетская история вызвала много толков; возможно, что цензура могла усмотреть в басне и намек на аракчеевский метод управления государством («без дальнейших сборов овец передушить»), и намек на лисьи повадки министра Голицына и иже с ним (жалостливые речи о «бедной твари», и «невинной крови»), и даже намек на самого Александра I.

8. *Шуточные басни в Приютине (стр. 546—547)*

При жизни Крылова не были напечатаны; впервые напечатаны В. В. Каллашем в «Известиях ОРЯС Академии Наук», 1904, т. IX, кн. II, стр. 289—291, и одновременно Л. К. Ильинским в «Русской Старине», 1904, март, стр. 553—556. Сохранились в списке, сделанном В. А. Олениной, с собственноручными поправками Крылова; вверху первого листа — пометка Олениной: «Шуточные басни И. А. Крылова в Приютине».

Приютино — мыза Олениных вблизи Петербурга, где часто и подолгу в летнее время гостил Крылов, где собирался кружок друзей А. Н. Оленина.

В «Шуточных баснях» Крылова нетрудно увидеть пародии на пресловутые притчи Д. И. Хвостова.

В первой шуточной басне Крылова («Паук и Гром») — Паук «упал, лежит, разинул рот, оскалил зубы», — очевидная пародия на «зубастого голубка» Хвостова.

«Шуточные басни в Приютине» можно датировать концом 1810-х — началом 1820-х гг.

В рукописях Крылова (собрание Савельева в Пушкинском Доме) содержатся черновые наброски начатых, но неосуществленных

басен («Заяц», «Два извощика», «Орел и Охотник» и др.). Они отчасти разобраны и опубликованы В. В. Каллашем в его статье «Несбывшиеся творческие замыслы И. А. Крылова» («Русский Архив», 1903, № 11, стр. 499—506; перепечатано в IV томе Полного Собрания Сочинений И. А. Крылова, 1905, стр. 466—472).

БАСНИ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ КРЫЛОВУ

(Т. I, стр. 548—556)

1. *Олень и Заяц (стр. 548—549)*

Напечатана анонимно в «Утренних Часах», 1788, ч. III, стр. 62—64.

Приписана Крылову Л. Н. Майковым («Историко-литературные очерки», СПб., 1895, стр. 37, 48—49).

2. *Новопожалованный Осел (стр. 550—551)*

Напечатана анонимно в «Утренних Часах», 1789, ч. IV, стр. 108—110. Приписана Крылову Л. Н. Майковым. Эта басня представляет заметное сходство с басней Крылова «Осел» 1815 г. (I, 16).

3. *Картина (стр. 552—553)*

Напечатана анонимно в «Утренних Часах», 1789, ч. IV стр. 110—112, и связана (в журнале) с предыдущей басней «Новопожалованный Осел» общей нумерацией, это говорит о том, что автором обеих басен является одно лицо.

4. *Обед у Медведя (стр. 554)*

Напечатана анонимно в «Духе Журналов» 1816, № 46, ч. XV и XVI, стр. 443—444. Кеневич, признавая «полезным напечатание этой басни, как приписанной Крылову», все же сомневается в авторстве Крылова («Русская Старина», 1870, июль, стр. 83—85). Кеневичу возразил «Читатель» в «Русской Старине», 1870 (т. II, стр. 414—416): «Трудно указать кого-нибудь, кто бы в первые годы настоящего столетия был в состоянии писать басни таким языком», «Читатель» указывает на сходство, «в основе рассказа», басни «Обед у Медведя» с басней «Пир», несомненно принадлежащей Крылову.

5. *Конь (стр. 555—556)*

Впервые в сборнике «Утро», М., 1859, стр. 213—214, с примечанием издателя (М. П. Погодина): «Эта басня, как многим известно, давно ходит по рукам, приписываемая Крылову»; в том же году басня была перепечатана во втором издании Веймара и Юнгмейстера Полного собрания сочинений Крылова (стр. 453—459) и в «Библиографических Записках» (стр. 58).

В «Русской Старине» 1881 г. (август, стр. 623—631) была напечатана следующая заметка Крузе»: «Басня «Конь» была написана И. А. Крыловым по случаю удаления генерала Ермолова с Кавказа и увольнения его от действительной службы в России. В «Коне» изображен знаменитый, неустрашимый полководец, военные подвиги которого, в особенности на Кавказе, в горах, ознаменовали историческской славой русское оружие. Конь обладал еще и другими достоинствами и качествами, но вместе с тем в нем были и такие черты личного характера, которые уже не соответствовали новым воззрениям и требованиям, и коня поставили в конюшню на сытый корм, надев на него золотую уздечку. Первый, писанный рукою Крылова, экземпляр басни был получен, тотчас по написании ее, А. П. Ермоловым от самого И. А. Крылова, посредством частного пути, при его собственноручном письме, вместе с которым и сохранялся тщательно и бережно маститым воином... я видел у него собственными глазами и басню и письмо Крылова в оригинале, с которых и списал, с его разрешения, копии. А. П. Ермолов делился такими предметами вообще, как и интимными разговорами, только с самыми приближенными людьми... О басне же «Конь» он сознался только по смерти Крылова... Ему известен был и слух, распущенный некоторыми людьми о Маслове как авторе басни, но понятно, как он относился к подобной шутке. Когда басня «Конь» была в первый раз напечатана, я принес А. П. Ермолову экземпляр сборника «Утро» и показал. Он заметил мне, что очень сожалеет о ее напечатании, что это может возбудить и вызвать неприятные последствия, а пользы не будет никакой и никому».

Вопрос об авторе «Коня» остается не решенным по той причине, что документы из архива Ермолова, которые могли бы подтвердить показания Крузе, еще не попали в историко-литературный обиход.

Однако напомним, что басню Крылова «Булат», напечатанную в 1830 г., современники применяли к судьбе Ермолова, отстраненного от военной работы в начале 1827 г. Сопоставляя с этим сообщение Крузе, можно положительно отнестись к приписанию Крылову басни «Конь», по мысли совпадающей с «Булатом».

КОММЕНТАРИИ КО ВТОРОМУ ТОМУ

(СОСТ. Г. А. ГУКОВСКИЙ)

Стихотворения Крылова разделены на три отдела. В первом даны лирические стихотворения и послания. Во втором — поэтические мелочи (эпиграммы, надписи на книгах и т. п.), наброски, стихи «на случай». В третьем — стихотворные драматические произведения — «Подщипа» и «Лентяй». Внутри отделов стихотворения расположены по возможности хронологически.

Условные сокращения:

Каллаш — Полное собрание сочинений И. А. Крылова, под ред. В. В. Каллаша, тт. I—IV, СПб.

Кеневич — Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. Составил В. Кеневич, изд. 2-е, СПб., 1878.

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

(т. II, стр. 5—113)

Ода утро (стр. 7)

Напечатана в журнале «Утренние Часы», 1789, ч. IV, стр. 136, с названием «Ода Утро» и с подписью: «И. Крылов»; потом в «Зрителе», 1792, ч. II, стр. 58 (месяц май), без подписи, но в оглавлении указано, что ода принадлежит И. Крылову. Я даю текст «Зрителя».

Перевод того же французского стихотворения дал и Я. Княжнин: «Ода Утро»; напечатана анонимно в «Академических известиях», 1779, т. I, стр. 301 (см. Н. М. Петровский. Библиографические заметки о русских журналах XVIII в., «Известия ОРЯС Акад. Наук», 1907, т. XII, кн. 2, стр. 306), затем в «Собеседнике Любителей Российского Слова», 1783, ч. VII, стр. 110, и потом в Собрании сочинений, 1787, т. IV, стр. 160. Крыловское переложение близко к тексту Княжнина и лишь в конце, видимо, сокращает подлинник, до сих пор не найденный. На мотивах того же, повидимому, оригинала построено (более независимо от него) стихотворение «Утро», напечатанное в «Приятном и полезном препровождении времени», 1795, ч. VII, стр. 273, с подписью: Эв. Лцн., т. е. Эвфимий Люценко.

Ода на заключение мира России со Швециею (стр. 11)

Напечатана отдельной брошюрой в 1790 г.

С 1787 г. Россия вела войну с Турцией; этим обстоятельством воспользовалось шведское правительство, побуждаемое и Францией

и Англией, которые были недовольны успехами России в борьбе с Турцией. В июне 1788 г. Швеция открыла военные действия против России, рассчитывая на то, что главные силы русской армии заняты турецкой войной. Война велась и на суше и на море, но без решительного успеха с обеих сторон. 3 августа 1790 г. был заключен мир с Швецией, по которому восстанавливались довоенные границы между обоими государствами.

Ст. 168: Под сень ее текут народы. — Крылов имеет в виду ряд мероприятий правительства Екатерины по стимулированию иммиграции западных колонистов, начатых вскоре по вступлении ее на престол. Правительство Екатерины и она сама старались усиленно разрекламировать призыв иностранцев по соображениям как экономическим (заселение пустых пространств), так и политическим (пропаганда «счастливой жизни» под скипетром «философической» монархии).

Утешение Анюте (стр. 18)

Напечатано в «СПб. Меркурии», 1793, ч. II, стр. 56 (месяц апрель); подпись: «И. Крылов».

«Утешение Анюте» написано по поводу указа Екатерины II о разрыве дипломатических сношений с революционной Францией, подписанного 8 февраля 1793 г., после того как Екатерина узнала о казни Людовика XVI; Анюту приходилось утешать в том, что для русских модниц оказались недоступными французские товары. В издании Плетнева (1847, т. II, стр. 10) к заглавию стихотворения прибавлена помета: «По случаю запрещения французских товаров».

Мое оправдание. К Анюте (стр. 24)

Напечатано в «СПб. Меркурии», 1793, ч. II, стр. 188 (месяц июнь). Подпись: «И. Крылов».

Ст. 131 не имеет в тексте «СПб. Меркурия» рифмующего. Может быть здесь пропущен стих.

К другу моему А. И. К. (стр. 30)

Напечатано в «СПб. Меркурии», ч. III, стр. 3—18 (месяц июнь), с подписью: «И. Крылов».

Это — послание к Александру Ивановичу Клушину, другу Крылова, поэту, прозаику, драматургу. Клушин издавал вместе с Крыловым, повидимому, и «Зрителя» и «СПб. Меркурий».

Клушин ответил на послание Крылова. Еще в августовской книжке «СПб. Меркурия» он обращался к нему («К—в!») в стихотворении «Мой отъезд в феврале месяце» (стр. 92); в декабрьской книжке журнала помещено его послание, названное так же точно, как крыловское: «К другу моему И. А. К». (т. е. И. А. Крылову). Содержание стихотворения Клушина также сходно с содержанием крыловского послания; таким образом друзья вступили как бы в поэтическое состязание.

Стихотворение Крылова примечательно как одно из самых ранних дружеских посланий в русской поэзии. Этот литературный

жанр приобрел впоследствии, в начале XIX в., особое развитие в творчестве поэтов-карамзинистов —Жуковского, Батюшкова, молодого Пушкина. После Крылова, в 1794 г., два дружеских послания написал Карамзин («К Дмитриеву» и «К А. А. Плещееву»). В стихотворении Крылова намечены уже почти все основные признаки «свободного» жанра дружеского послания. Правда, оно построено еще почти целиком вокруг одной темы — любви к Анюте, но в эту тему характерным образом вплетаются и общие размышления морального и философского характера, и сатирические бытовые мотивы. Самый состав и тех и других типичен. Недоверие к философским школам, — и самый каталог имен философов, — мы встретим и у других поэтов. Карамзин пишет:

И вижу ясно, что с Платоном
Республик нам не учредить, —
С Питтаком, Фалесом, Зеноном
Сердец жестоких не смягчить... *и т. д.*

(«Послание к Дмитриеву», ср. у Крылова ст. 31 и сл.; ср. также у Карамзина в «Послании к А. А. Плещееву», ст. 32 и сл; ср. и у Пушкина в послании Лиде — о Платоне, Катоне, Сенеке и др.). Однако, если у Карамзина эта тема приобретает характер обоснования пессимизма, оправдания ухода от жизни, замыкания в скорлупу своего личного тихого домашнего благодушия, то у Крылова она звучит как отрицание схоластики, как ниспровержение школьной ферулы во имя бодрой, живой жизни, полнокровного ощущения реальности, рвущей оковы пустого философствования; Карамзин и здесь — дворянский упадочник, Крылов — реалист и бунтарь.

Характерно для жанра дружеских посланий, как он сложился у карамзинистов, и обилие вообще книжной культуры, исторических и литературных имен в стихотворении Крылова. Характерен и сатирический выпад против литературного врага («Вралин»), так же как развернутая бытовая сатира в описании кокеток; впрочем, здесь и реализм Крылова и острота его сатиры, направленной против дворянского «света», переходят границы, возможные для искусства литературных аристократов. Характерно и стремление создать автобиографический образ поэта, связав его в сознании читателя с представлением о подлинном житейском облике автора,— и указание на его безденежье, и самая характеристика его некрасивой внешности (ср. еще у Пушкина о себе — «потомок негров безобразный»—в послании Юрьеву). Сюда же относится и описание скромной обстановки поэта («В тулупе, летом, дома сидя»), связанное с его отказом от светских успехов и чиновной карьеры, впоследствии отвердевшее как постоянная тема в дружеских посланиях, где скромная «хата» поэта и его принципиальная неофициальность культивировалась как целая жизненная программа. Впрочем, и здесь не без различий: Крылов выступает здесь как плебей и демократ, карамзинисты готовы прославить тишину и покой неказенного вольного быта скромного помещика-интеллигента. Даже тема преходящего увлечения мечтами о военной службе осталась в дружеских посланиях и дошла до Пушкина (послания

к Юдину, В. Л. Пушкину и отчасти Орлову). Типична для жанра и тема интимной дружбы, не раз всплывающая и у карамзинистов.

Крыловское послание написано тем подчеркнуто легким разговорным языком, который надолго остался признаком этого жанра. Конечно, Крылов не создал этого жанра впервые. Он имел предшественников на Западе; в частности, послания («Epitres») Грессе, знаменитые и в XVIII и в начале XIX в., создали уже в основном тип жанра в том виде, как он был усвоен и карамзинистами. Мы найдем у Грессе и отдельные типические темы, отмеченные выше, и описание более чем скромной обстановки творческого уединения поэта, и сатирические (против света) и, в частности, литературно-сатирические выпады, и каталог литературных имен; найдем и тон непринужденного задушевного разговора в стихах на разные темы — и лирические и медитативные.

С другой стороны, послание Крылова явственно зависит и от примера Державина, подготовившего своей автобиографической и философской лирикой появление в русской литературе дружеского послания. В послании Крылова слышатся кое-где отзвуки державинской поэзии. Так, стих 246 и сл. напоминают строфу пятую оды «Фелица» «Кружу в химерах мысль мою: То плен от персов похищаю, То стрелы к туркам обращаю; То, возмечтав, что я Султан, Вселенну устрашаю взглядом...» и т. д.

В ст. 36. Ветрон — это условное имя героя комедии, предрешающее его характер как молодого ветреного человека.

В ст. 151 слово «нахальный» не следует понимать в том смысле, какой оно имеет в наше время. В XVIII в. оно могло означать и нечто иное: ср., например, у Сумарокова в «духовном» стихотворении «Противу злодеев» — «... на врагов, кои мучат н а х а л ь н о, Стон пуская в селение дально, Сердце жалобы взносит печально» («Трудолюбивая Пчела», 1759, стр. 283; во второй редакции, в сборнике «Некоторые духовные сочинения», 1774 стр. 205, этих стихов вовсе нет; обе редакции помещены в I томе Полного собрания сочинений 1781 и 1787 гг.)

Ода на случай фейерверка 1793 г. (стр. 38)

Напечатана в «СПб. Меркурии», 1793, ч. III, стр. 191 (месяц сентябрь) с подписью: «И. Крылов».

15 сентября 1793 г. на Царицыном лугу, т. е. на позднейшем Марсовом поле (ныне Площадь Жертв Революции в Ленинграде), был сожжен фейерверк по поводу заключения мира с Турцией, закончившего так называемую Вторую турецкую войну. Самые мирные торжества (и иллюминация) происходили несколько раньше, 2 сентября (см. «Спб. Ведомости» от 13 сентября 1793 г. и сл. и «Московские Ведомости» от 24 сентября 1793 и от 28 сентября 1793 г., стр. 1244). Ср. брошюру: «Описание фейерверка, по окончании торжества на случай заключенного мира между российскою империею и портою оттоманскою, представленного в Санктпетербурге на Царицыном лугу, сентября 15-го дня 1793 года, деланного лейбгвардии Преображенского полку в Бомбардирской роте. СПб.».

Крылов во второй и в последний раз в жизни обращается к жанру торжественной оды — после оды на мир с Швецией 1790 г.; правда, на этот раз он дает не настоящую развернутую «похвальную» оду, а лишь фрагмент, короткое стихотворение, в малой мере затрагивающее политическую тематику и почти вовсе не содержащее поклонов перед императрицей. И все же ода повидимому имеет, как и ода 1790 г., характер тактического хода со стороны Крылова, поскольку и она примыкает к типу казенной поэзии (независимо от ее поэтического достоинства). Ее появление скорей всего следует объяснить грозой, собравшейся над головой издателей «Спб. Меркурия». Крылов уже не первый раз сталкивался с властью на своем литературном пути. Год назад произошла полицейская история с типографией «Крылова с товарищи» и с произведениями того же Крылова и Клушина (см. биографию). Теперь, в 1793 г., издание нового журнала Крылова и Клушина «СПб. Меркурий», вероятно, насильственно переносится из их типографии в Акад. Наук; есть известие, что журнал перешел в ведение И. И. Мартынова (сотрудника его; см. записки И. И. Мартынова: «Памятники новой русской истории. Сборник, издаваемый В. Кашпиревым», 1872, т. II, отд. II. стр. 88), хотя в конце последнего номера его, декабрьского, было помещено своего рода послесловие от издателей за подписью Клушина и Крылова. Тут же они извещали читателей о своем отъезде (см. о последних номерах журнала у В. П. Семенникова, Материалы для истории русской литературы и словаря писателей эпохи Екатерины II, 1915, стр. 52—55). Повидимому, по отношению к журналу и к его издателям были приняты какие-то меры воздействия: журнал был вовлечен в сферу ближайшего наблюдения властей до конца года, когда он прекратился; что касается издателей, то с ними поступили «милостиво», может быть именно в зависимости от того, как они вели себя, наученные уже горьким опытом прошлого года. Вот именно в самый момент грозы и появилась в журнале короткая ода Крылова, — в следующем номере его вслед за тем, который впервые вышел из типографии Акад. Наук (августовский). Повидимому, Крылов хотел помочь себе (а может быть и журналу) своей одой, и нужно сказать, что он сохранил при этом и позицию независимости и собственное достоинство. Уступка правительству вышла неполная, поскольку прямой похвалы правительству нет и она заменена похвалой «бесстрашному россу» это — тот же прием благовидного отказа от прославления власти, к которому прибег и Державин в «Песни по взятии Измаила» (1791), также прославивший росса вместо неприятного ему Потемкина.

Ода Крылова в стилистическом отношении столь же традиционна и в том же до-державинском, ставшем официальным, духе, как и его обширная ода 1790 г. Опять — вся словесная ткань ее построена из элементов канонизированной, шаблонной одописи, восходящей к Ломоносову: опять и образы, и словарь, и обороты оды Крылова — ломоносовские (кроме од Ломоносова, следует сопоставить ее с его надписями на иллюминации, а также

«Утренним размышлением о божием величестве» — см. «Там огненны валы стремятся И...» и т. д.; у Крылова: «Там солнцев тысячи родятся — И...» и т. д.); опять; те же привычные формулы риторических вопросов в начале 1-й и 2-й строф, опять «И се» в начале и т. д. У Ломоносова Крылов взял, повидимому, слово «чудится» — «Восток чудится изумленной», узаконенное именно Ломоносовым — см. в «Оде 1747 года»: «И с трепетом Нептун чудился», — хотя Сумароков и заявил о неуместности его в высокой оде — в «Критике на оду» Ломоносова: «Нептун чудился. Чудился слово самое подлое и так подло, как дивовался» (Полное собрание сочинений, 1787, т. X, стр. 84. Между тем Ломоносов и в других местах пользовался этим словом в стихах).

Однако новым и разрушающим канон старозаветной оды в стихотворении Крылова было уже то, что она заключала всего три строфы, и то, что она не заключала традиционной хвалы монарху или вождям дворянского общества. Это — почти фрагмент оды, хотя и имеющий одическое вступление и замыкающийся остротой, впрочем, несколько мадригального характера. Это — продукт того распада оды, который происходил в творчестве Державина. В 1783 г. Державин написал «Благодарность Фелице» — оду, хоть и неканоническую, в шести строфах. Позднее, в 1794 г., написана ода «К красавцу» — в две строфы, в 1795 г. — «Флот» — в три строфы (хотя эта ода отчасти связана с стилистическими навыками традиционной оды), в 1796 г. — ода «На кончину гр. Орлова» — в две строфы. Как видим, все эти оды-фрагменты были написаны после крыловской «Оды на случай фейерверка». Это показывает, что Крылов шел путем, открытым Державиным, не как эпигон, а как самостоятельный мастер, и мог предвосхитить решения той или иной проблемы поэтики, только еще поставленной самим Державиным; отмечу, что, например, у И. И. Дмитриева есть «Ода на мир с Оттоманскою Портою» в пять строф — «Московский Журнал», 1792, ч. V, кн. III, стр. 293. Понятно, что ода Сумарокова на франкфуртскую победу («Трудолюбивая Пчела», 1759, стр. 633), в пять строф, не имеет никакого отношения к процессу распада оды в державинское время; что же касается до его оды великой княгине Наталии Алексеевне (Полное собрание сочинений, 1781, т. II, стр. 131) в три строфы, то она представляет собою просто отрывок из предыдущей оды, заключающей четырнадцать строф.

К счастью (стр. 40)

Напечатано в «СПб. Меркурии», ч. IV, стр. 96—108 (месяц ноябрь), с подписью: «И. Крылов».

И. Быстров в «Отрывках из записок моих о Крылове» («Северная Пчела», 1845, № 203) пишет: «В 1831 году по совету Ивана Андреевича стал я заниматься составлением «Алфавитного указателя к русским периодическим изданиям» начав эту работу со старинных, ныне довольно редких журналов. Однажды я принес к Ивану Андреевичу «Зрителя» и «Меркурия»... И. А. хорошо помнил свое прошедшее время, но захотел снова прочесть прежние свои сочинения

в стихах и прозе. Между тем я обратил внимание его на стихи «К счастию». — «Иван Андреевич, за что это вы пеняете на фортуну, когда она так милостива к вам?» — «Ах, мой милый, со мною был случай, о котором теперь смешно говорить, но тогда... я скорбел и не раз плакал, как дитя... журналу не повезло; полиция, и еще одно обстоятельство... да кто не был молод и не делал на своем веку проказ...» Это подлинные слова Ивана Андреевича». В этом свидетельстве скрыта какая-то неточность: либо сам Крылов спутал факты и отнес к «СПб. Меркурию» полицейскую историю, бывшую за год до этого журнала, в 1792 г., когда он работал в «Зрителе», либо самый разговор передан неточно Быстровым, написавшим статью через четырнадцать лет после него. Предположение, что стихотворение «К счастью» было написано еще в 1792 г., само по себе вероятное, однако ставит вопрос: почему это стихотворение не было напечатано в «Зрителе», не так уж богатом материалом. С другой стороны, может возникнуть мысль о том, что Крылов в разговоре с Быстровым имел в виду не полицейскую историю 1792 г., а те не до конца ясные обстоятельства, благодаря которым «СПб. Меркурий» перешел из типографии «Крылова с товарищи» в академическую типографию и благодаря которым Мартынов стал играть в журнале значительную роль.

Однако следует отметить, что никаких конкретных указаний на столкновения с властями в тексте самого стихотворения нет. Тема его дана в тонах общего рассуждения, и нет ни малой возможности усмотреть в нем автобиографические реалии именно по той линии, на которую наводит рассказ Быстрова. Я полагаю, что не следует принимать этот рассказ как достаточное основание для реального комментария к стихотворению. Почти через сорок лет после его появления в печати Крылов говорил о нем, видимо, очень приблизительно, более вспоминая вообще ту эпоху своей жизни в наиболее острых ее моментах, чем те реальные поводы и факты, которые, может быть, лежали (может быть и вовсе не было таких фактов) в основе стихотворения.

«Счастье», т. е. судьба, фортуна, играющая человеком, — одна из тем, использованных поэзией эпохи классицизма и сохранившаяся в поэзии сентиментальной. Классической считалась философско-политическая ода Ж. Б. Руссо «A la Fortune» («К счастью»), переведенная и Ломоносовым, и Сумароковым, и Тредиаковским, и, позднее, Востоковым. К 1789 г. относится ода Державина «На счастье». В 1792 г. в «Московском Журнале» (ч. VIII) появилась ода Капниста «На счастье». В «Зрителе» 1792 г. — отчасти приближающееся к той же традиции стихотворение Плавильщикова «Счастье и несчастье» (ср. его Сочинения, 1816, ч. IV, стр. 192). В «Творениях» Н. П. Николева (т. IV, стр. 258—269) помещена его ода «И мое о счастье», построенная на основе стилевого задания державинской оды. На этой же основе возникло и стихотворение Крылова. «К счастью» Крылова — явное подражание оде «На счастье» Державина; нет необходимости доказывать это положение; достаточно отослать к знаменитой оде Державина; сопоставление обоих стихотворений говорит само за себя. Стиль, шутливый тон, реали-

стически-сатирические детали, вся манера, отдельные стилистические черты крыловской пьесы восходят к Державину, и не только к данной его оде, а к его сатирическим одам вообще. Так, например, определение Фортуны, к которой обращается поэт в начале стихотворения, напоминает такие же определения, и тоже в начале стихотворения, и тоже построенные так же (т. е. сначала при помощи прилагательных, потом существительных), счастья в оде «На счастье», музы в оде «Великому боярину и воеводе Решемыслу»; вот эти начала: «Решемысл»: «Веселонравная, младая, Нелицемерная, простая, Подруга Флаккова и дщерь Природой данного мне смысла! Приди ко мне, приди теперь, О Муза! славить Решемысла»; На «счастие»: «Всегда прехвально, препочтенно, Во всей вселенной обоженно И вожделенное от всех, О ты, великомощно счастье! Источник наших бед, утех, Кому и в ведро и в ненастье, Мавр, лопарь, пастыри, цари, Моляся в кущах и на троне, В восклицновениях и стоне, В сердцах их зиждут олтари!» Ср. у Крылова: «В которую влюблен весь свет» — и далее антитеза, как у Державина. Далее Крылов просит Фортуну: «За что у нас с тобой не лад? За что ко мне ты так сурова? Ни в путь со мной не молвишь слова, Ни улыбнешься на меня? И между тем, как я из ласки Тебе умильны строю глазки, Ты, важность гордую храня, Едва меня приметить хочешь. . .» и т. д. Все это похоже по тону на державинскую оду «На счастье»: «Твой взор и на меня всеместный Простри, о над царями царь! Простри, и удостой усмешкой Презренную тобою тварь. . . Прошу тебя моим быть другом. . . Погладь меня и потрепли. . .» Или: «Услышь, услышь меня, о Счастье! И солнце как сквозь бурь ненастье, Так на меня и ты взгляни; Прошу, молю тебя умильно, Мою ты участь премени. . .» Очевидно восходит к Державину описание роскоши счастливцев Фортуны в стихотворении Крылова.

Есть и характерно-державинские стилистические ходы: «Послушай, я не кинусь в слезы»,—пишет Крылов; «Послушай, где ты ни живешь» — Державин «Фелица».

Однако, как ни близок стиль крыловского стихотворения к складу державинской оды «На счастье», есть между обоими стихотворениями заметное различие по существу толкования темы. Большая часть оды Державина посвящена обзору международного положения русской монархии с точки зрения самой этой монархии и в целях ее прославления, — обозрению некоторых бытовых черт русской дворянской современности, — опять же в официальном духе; остальная часть оды— автобиографическая и заключающая просьбу о милости у Екатерины. Ода Державина — официальная сатира, в которой он, хотя и позволил себе выпад против кое-кого из придворных, но в основном стоит на позициях правительства. Державин пишет свою оду в момент своей «опалы»; он, как и Крылов, жалуется на судьбу и просит у нее (у Екатерины) помощи; но он недоволен лишь своим личным положением; он стоит сам внутри той системы, которая вертит колесом счастья. Наоборот, Крылов — вне этой системы, и он недоволен не за себя лично, а за себя как представителя социально-обиженных людей вообще. Он не шутит, как Державин, а негодует. Он протестует против

всего принципа несправедливого распределения благ. Он видит, что система государства направлена против него, против бедняка. О своем герое он говорит в тонах проповеди буржуазно-демократического культа высокой личности, героизма общественной добродетели. Крылов в стихотворении «К счастью» предстает как бедняк, под покровом «державинского» шутливого слога скрывающий резкую инвективу против властителей страны. Это объясняет концовку стихотворения.

Мой отъезд (стр. 46)

Напечатано в «СПб. Меркурии», ч. IV, стр. 205 (месяц декабрь), с подписью: «I. Крылов»; потом помещено в сборнике «Эрато, или приношение прекрасному полу на новый 1795 год», М., 1795, с названием «Отъезд» и без подписи.

Стихотворение это является вольным переводом канцонетты П. Метастазио «La Partenza» («Canzonetta V, composta dell'autore in Vienna l'anno 1746» — Opere dell'abate Pietro Metastasio... Tomo XII, Firenze, 1814, p. 248).

Это же стихотворение Метастазио перевел до Крылова И. Богданович, причем гораздо ближе к подлиннику. «Лира или собрание разных в стихах сочинений и переводов, некоторого Муз любителя», Спб., 1773, стр. 72. Метастазио был весьма популярен в России XVIII в. как драматург. С 1737 г. до 80-х гг. тянется длинный ряд изданий переводов его трагедий, опер. Княжнин переложил его «Титово милосердие», заимствовал кое-что из него в свою «Дидону». Знали его и как лирика. Херасков («Полезное увеселение», 1760, т. II, стр 59,—«Исцеленный любовник, Станс») перевел его канцонетту III «La liberta a Nice» (Opere, 1814, XII, p. 237), и ее же потом перевел Нелединский-Мелецкий («Ниса. Вольное подражание италиянской песни из Метастазия» — «Московский Журнал», 1792, ч. V, стр. 5; потом в сборнике «Эрато», 1795, стр. 28; потом в «Пантеоне Русской поэзии» П. Никольского, 1814, ч. III, стр. 242; потом в «Сборнике русских стихотворений», изданном В. Жуковским, ч. II, стр. 151; потом в «Сочинениях», 1850, стр. 176). Анонимный перевод того же стихотворения был напечатан в «Деле от безделья», 1792, ч. IV, сентябрь, стр. 37 — «Беспристрастие». Отмечу еще, что в тетради неизданных стихов и записей Н. А. Львова (1770-е гг. — хранится в институте Русской Литературы Акад. Наук) есть перевод этого же стихотворения Метастазио на французский язык — «Imitation libre d'une chanson Italienne de Metastase grazia a l'inganni tuoi etc» (перевод в стихах). В 1773 г. вышла отдельно «Ода Свобода, или Беспристрастие» Метастазио в прозаическом переводе с французского Н. Е. — это опять та же канцонетта. В 1778 г. в СПб. была издана «Пляска. Стихотворение Метастазия. Перевел с итальянского языка В. Х.» (это — небольшая стихотворная драматизированная идиллия). В 1782 г. — оратория «Страсти Иисуса Христа. Духовное сочинение славного Метастазия» — при итальянском тексте русский прозаический перевод (издано в качестве программы и либретто концерта «Благородного общества»).

Для Крылова Метастазио был, повидимому, одним из самых прославленных итальянских поэтов. В письме к Е. И. Бенкендорф от 26 ноября 1795 г. он цитирует его наряду с Ариостом и Данте и называет его «божественным Метастазио» (Каллаш, т. III, стр. 413). Итальянский язык Крылов знал смолоду.

Крылов заменил Ниче — Нису итальянского поэта и Богдановича — Анютой, чем включил песню в цикл своих стихов об Анюте («Утешение Анюте», «Мое оправдание к Анюте» и др.), и придал ему как бы сюжетный характер заключения части цикла и некоторое автобиографическое осмысление. Это же осмысление подсказывается читателю и той переработкой, которой подверг Крылов заимствованное стихотворение; он говорит о приближающемся своем отъезде, а не о совершившейся разлуке, причем у Метастазио уехала возлюбленная, а герой остался. Это связано у Крылова с тем, что в том же декабрьском, последнем, номере журнала, где помещена его песня, было объявлено о том, что «год Меркурия кончился — и за отлучкою издателей продолжаться не будет» (подпись под этим заключением журнала: «А. Клушин, И. Крылов»). Тем самым и всему циклу стихов об Анюте был придан автобиографический смысл, подлинный или фиктивный — сказать с уверенностью трудно.

Стихи, назначенные послать к.... (стр. 48)

Напечатано в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. I, № 25, стр. 207—208, с опечаткой в ст. 30 — «становилось» вместо «становилося», Подпись: «К—». Потом напечатано в «Собрании русских стихотворений... изданном Василием Жуковским», 1811, ч. V, стр. 31—33 (с подписью: «К.»). Потом — в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1822, ч. V, стр. 156—158 (с подписью: «К.»).

Рукопись (автограф) стихотворения находится в Публичной библиотеке в Ленинграде. Здесь дано такое название: «Стихи, назначенные послать Елизавете Ивановне фон Бенкендорф, при портрете Екатерины, писанном пером, на образец гравировки, автором». Рукопись дает некоторые варианты. Плетнев поместил это стихотворение в Собрании сочинений Крылова 1847 года (т. II), в числе стихотворений, «найденных по кончине автора и нигде не напечатанных»; его текст несколько отличается и от печатного, и от рукописи Публичной библиотеки. Я даю текст «Драматического Вестника». Стихотворение должно было быть послано при письме к Е. И. Бенкендорф.

Елизавета Ивановна Бенкендорф была женой Ив. Ив. Бенкендорфа, отставного бригадира, дяди будущего шефа жандармов при Николае I. Крылов, повидимому, жил у Бенкендорфов (в их имении Виноградове, Московской губ., Клинского уезда).

Вечер (стр. 50)

Напечатано в альманахе Карамзина «Аониды» (ч. I, стр. 160) на 1796 г.; подпись: «И. К-в». В издании 1847 г. (т. II) это стихотво-

рение помещено в числе «найденных по кончине автора в рукописи и нигде не напечатанных»; в этом издании есть один вариант: ст. 47 читается не «Тускнет — во груди моей», а «Тускнет — по в груди моей». Так как Плетнев вообще имел склонность поправлять, подновлять язык Крылова, а этот вариант походит именно на подновление, я сохраняю текст «Аонид» (так же сделал и Каллаш).

На новый год (стр. 52)

Напечатано впервые в Собрании сочинений 1847 г., т. II.

Это стихотворение, повидимому относится к 1790-м гг.

В ст. 36 говорится о зеленой мантии потому, что зеленый цвет считался цветом надежды.

Ст. 75 — неполный: в нем нехватает одной стопы (двух слогов). Возможно, что здесь опечатка издания 1847 г. или, может быть, Плетнев не прочел этого места в рукописи Крылова.

Ночь (стр. 55)

Напечатано впервые в Собрании сочинений 1847 г., т. II.

Стихотворение «Ночь» является образцом сложности, стилистической противоречивости поэзии Крылова. В основе — это любовная элегия, несколько напоминающая тип стихотворений Парни. Начало пьесы дает преромантический пейзаж в духе «поэзии ночи», в духе меланхолической лирики, распространившейся во всех европейских литературах под влиянием английской преромантики Грея, Юнга, Макферсона (Оссиана). Здесь характерно сливается тема природы с темой эмоциональной — метод, типический для крыловской лирики, как и для всего сентименталистического и потом романтического искусства, низведшего своего героя с высот отвлеченной схемы в конкретно-единичную реальность и сделавшего его индивидуальное переживание мерилом окружающего его мира. И тут же, рядом с классическими Зефиром и Филомелой — до вычурности усложненная метафора «кудри ручейка» (ср. «кудри цветка» в стихотворении «На новый год» и тот же образ еще в Оде Утро» — стр. 5). Далее — явно державинский мотив — «Счастливцев маками даришь И с ними на диванах дремлешь» — конкретно бытовой образ эмоциональной темы.

К крыловскому стихотворению близко подходит по трактовке темы ночи стихотворение, которое также называется «Ночь», помещенное в «Музе», 1796, ч. II, стр. 141 (подпись: «—въ»). Довольно близки к крыловской пьесе начало и конец стихотворения «Ночь» Андрея Якубовича — в «Приятном и полезном препровождении времени», 1798, ч. XIX, стр. 280.

Отъезд из деревни (стр. 58)

Напечатано впервые в Собрании сочинений 1847 г., т. II. Как и другие стихотворения, связанные с именем Анюты, «Отъезд из деревни» написан, вероятно, в 1790-х гг. Развернутая в этом стихотворении руссоистическая тема предпочтения деревни-природы городу появляется и в других произведениях Крылова.

На случай грозы в деревне (*стр. 61*)

Напечатано впервые в Собрании сочинений Крылова 1847 г., т. II. Судя по стилю и по содержанию, это стихотворение относится к 90-м гг. XVIII в.

Ст. 8, как он дан в тексте издания 1847 г., выпадает из размера: «Желаете здесь вы разразить»; я считаю возможным отбросить одно «раз» в последнем слове, скорей всего появившееся в результате опечатки.

К спящему дитяти (*стр. 64*)

Напечатано впервые в Собрании сочинений Крылова 1847 г., т. II. Как и другие стихотворения, впервые появившиеся здесь, относится скорей всего к 90-м гг. XVIII в., или — не позднее 1800-х годов.

В ст. 22—25 идет речь о событиях, происходивших во время написания стихотворения, о «мечтах раздоров», о «бунтах» и т. д. Если здесь нет простого поэтического контраста (что мало вероятно, судя по самому смыслу стихов), то, очевидно, в этих стихах говорится о войнах, связанных с Французской революцией. Это может определить время написания стихотворения хотя приблизительно — опять в пределах 90-х г. XVIII в. и до начала александровских войн (которые Крылов никак не назвал бы «раздорами» и не характеризовал бы так, как это сделано в стихотворении), т. е. до 1805 г.

В этом стихотворении развита тема, не один раз использованная в русской поэзии конца XVIII в.

Еще Плетнев сопоставил стихотворение «К спящему дитяти» с пьесой И. И. Дмитриева «К младенцу», которому, по его словам, подражал Крылов. Он привел в своей работе «Жизнь и сочинения Крылова» и цитату из Дмитриева:

Вступишь в возраст ты другой:
Рок и страсти ополчатся —
И прости твой век златой!
Ах! Я опытом то знаю,
Сколько я сердечных слез
Проливал и проливаю!
Сколько муки перенес!
Смерть родных и сердцу милых,
Страсти, немощь, хлад друзей...

(«К младенцу» Дмитриева напечатано в «Московском Журнале» в 1792 г., ч. VIII — ср. «Сочинения И. И. Дмитриева» 1893, т. I, стр. 131—133; ср. «Сочинения и переписка П. А. Плетнева», 1885, т. II, стр. 60). Трудно видеть у Крылова заимствование из стихотворения Дмитриева, как это утверждает Плетнев. Здесь мы имеем дело с распространенным в поэзии данного времени мотивом. Тот же мотив противопоставления блаженства младенца будущим бедствиям его жизни в аналогичном духе разработан и у Г. А. Хованского — «Послание к детям Ни-

колушке и Грушиньке» («Жертва музам или собрание разных сочинений, подражаний и переводов в стихах кн. Г. Хованского», М., 1795, стр. 84) и у Н. Магницкой — «Спящее дитя» («Приятное и полезное препровождение времени», 1797, ч. XVI, стр. 363), и у Анны Турчаниновой — «К малютке Сашеньке» (тот же журнал, 1798, ч. XVIII, стр. 269), и у А. Г., «На игру маленькой Клавдиюшки» («Иппокрена», 1799, ч. IV, стр. 78); ср. также в сборнике «Цветник избранных стихотворений в пользу и удовольствие юношеского возраста» (М., 1816) стихотворение «К спящему младенцу» (т. II, стр. 130; тут же, на стр. 113 и 125, перепечатаны стихи Магницкой и Турчаниновой). Тот же мотив сходно использован еще П. Мартыновым в «СПб. Меркурии» Крылова и Клушина (1793, ч. I, стр. 232) в стихотворении «Взор на протекшие лета». Любопытно, что к этому именно месту пьесы Мартынова Клушин сделал примечание: «Здесь автор, кажется, разумеет, что с приобретением больших познаний человек теряет свое блаженство; и что невинность, удовольствия, спокойствие и утехи есть жребий только дитяти. — Всякий имеет свою логику, но она должна быть всеобщая. Я полагаю человеческое благо и совершенство в познании вещей, в просвещении его разума: дитя сего не объемлет, следственно, он не совершен. А как скоро не совершен, то не есть и счастлив».

Подчеркнутая легкость языка, не отяжеленного торжественностью и чуждого в то же время реалистических, бытовых элементов (даже классические «игры и смехи» есть в нем), легкость стиха — четырехстопного хорея без строф, переливающего из стиха в стих фразу, стремление к изяществу остроумных оборотов (например, ст. 14—15, 33—34, 43—44), обилие особых «приятных» слов типа: п р и я т н о, т и х о, с т р о й н о, к р о т к и й, у т е х и, п р и к о р н у л, м и л ы, р е з в ы м, — все это придает стихотворению Крылова характер как бы салонной, аристократически-изящной поэзии. Вероятнее всего, что и этот облик данного стихотворения, сближающий его с произведениями дворянской поэзии, является одной из словесных масок Крылова, как и внешний облик казенной оды (На мир с Швецией 1790 года) или неоднократное поэтическое лицемерие его басен. О том же говорит и стих «Растравляя бунтов яд». Какие бы факты истории ни имел здесь в виду Крылов, эта строка и окружающие ее имеют характер «благонамеренного», официального отношения к «бунтам». Скорей всего стихотворение «К спящему дитяти» адресовано какому-нибудь высокопоставленному дитяти, ребенку каких-нибудь «милостивцев» Крылова в роде Голицыных (может быть младшему сыну Голицыных, Владимиру, родившемуся в 1794 г.; см. Н. Н. Г о л и ц ы н, Род князей Голицыных, 1892, т. I, стр. 183). Отсюда и общий тон стихов и оттенок подобострастия, почти одического благоговения, с которым в них говорится о ребенке. Характерно и то, что детство ребенка представлено на фоне огромных исторических событий; как будто бы Крылов намекает на ту арену, на которой придется некогда выступить воспеваемому «дитяти».

В ст. 17 слово «вспоминает» значит, очевидно, напоминает.

22*

Уединение (стр. 66)

Напечатано впервые в Собрании сочинений 1847 г., т. II. Это романтическое стихотворение, относящееся, вероятно, к 90-м гг., формулирует не только руссоистические настроения Крылова, но и его социально-политический радикализм. Руссоизм, тяга к простоте первобытной жизни и к уединению были для Крылова не эстетической позой, не проявлением примиренчества, отказа от борьбы, влечения в уют крепостнического поместья или даже не идеалом отвлеченного либерализма, как, например, для Карамзина или для его учеников: руссоизм Крылова созвучен позиции самого Руссо; это — настроение радикального индивидуалиста и в то же время борца и демократа; Крылов, как и Руссо, ненавидит феодальную культуру и феодальное рабство; он прославляет бегство из сферы его влияния в уединение, в дикую природу, но он не смиряется перед врагом, а борется с ним. «Уединение» — это не только индивидуально-лирическое стихотворение, но и гражданская политическая ода, инвектива в стихах. Крылов проклинает мир, где — «скрежет злобы, бедных стон», где — кровавые слезы и преступления, где у подножия храмов (может быть жилищ властителей земли) «бедность стонет, едва на камнях смея сесть», пиршества сильных мира, у которых в хрусталях «пенится кровавый пот народов...» и т. д. Этот патетический монолог бунтаря близок и к филиппикам Радищева и к ораторским и поэтическим традициям Французской революции. Проповеднический подъем демократа радикального толка, резкое, жестокое называние вещей своими именами составляют основу стихотворения, в частности первой, протестующей части, по контрасту оттеняющей следующее затем прославление мира природы. Между тем стилистическая основа стихотворения явно восходит к Державину, к его влиянию. Не говоря об отдельных мотивах и стилистических ходах (например, трижды начало строфы подхватывает в виде возгласа слово из предыдущей строфы — строфы 2, 8, 11; ср. у Державина: «Ода на смерть гр. Румянцовой», строфы 4, 13, «Победителю», строфа 8, «Песнь Россу по взятии Измаила», строфы 13, 31, «Водопад», строфы 13, 14, 15, «На панихиду Людовика XVI», строфа 9, «Мой истукан», строфы 6, 11, 14, 17 и др.), — весь образ природы, манера давать тему через конкретные штрихи, яркие, цветистые, блестящие детали вещного характера, развертывание обширного сравнения, обрастающего самостоятельной конкретной образностью (строфа 7), все это — чисто державинское. Особенно близки к Державину, например, строфы 3 и 4. Но Крылов, на основе державинского реалистического и проповеднического искусства построил произведение, идеологически выходящее за пределы мировоззрения державинского искусства, смыкающееся с радищевской литературной позицией, также, впрочем, зависящей от реформы поэзии, произведенной Державиным.

В предпоследней строфе стихотворения Крылов возвращается к ломоносовской одической традиции, но и здесь космическая батальная риторика приобретает не ломоносовский смысл. Между

тем Крылов вспоминает Ломоносова и в строфе 13 (Русский Пиндар,— речь идет об оде Ломоносова 1747 г. — «Царей и царств земных отрада, Возлюбленная тишина»; впрочем, Ломоносов разумел под словом «тишина» — мир, отсутствие войны; у Крылова тишина — в более широком смысле).

Война, о которой говорит Крылов, — это, может быть, война в Польше 1794 г. Едва ли это война в Персии 1796 г. или тем более Итальянский поход Суворова 1799 г. (эти войны шли далеко и мало отражались в быту России).

Текст стихотворения «Уединение» дошел до нас, видимо, в испорченном виде, поскольку во 2-й строфе дано только четыре стиха вместо восьми, как во всех остальных строфах. Предположить же, что все стихотворение разделено на строфы по четыре стиха, нельзя, в виду переноса фразы из одного четверостишия в другое в строфах 1, 9 и 13. Начать строфу, например, после запятой, словом «которую» Крылов очевидно не мог. Остается предположить или то, что Плетнев печатал стихотворение по не до конца обработанному тексту, или что он не смог прочесть неразборчивого места, или же, наконец, возможно, что пропущенное четверостишие заключало стихи, недопустимые для цензуры (или даже для самого Плетнева) в политическом смысле. Содержание начала строфы, сохраненное Плетневым, делает вероятным последнее предположение.

Блаженство (стр. 71)

Напечатано впервые в Собрании сочинений 1847 г., т. II.

Написано, судя по мысли и по стилю, в 90-х гг. XVIII в. Стихотворение «Блаженство» во многом зависит от влияния державинской философической и гражданской поэзии. Так же, как это передко у Державина, вначале дан пейзаж, и уже на фоне пейзажа, из конкретных и ярко-красочных образов природы вырастает поэтическое раздумье, приобретающее характер не отвлеченно-дидактического рассуждения в стихах, а индивидуального переживания. И здесь Крылов (как в значительной мере и Державин) — противник классицизма учеников Сумарокова, преромантик, но в то же время реалист или, может быть, сенсуалист в поэзии, для которого единичный факт восприятия внешнего мира обосновывает мысль, порождает и даже объясняет ее, для которого мысль — это не дедукция чистой истины, существующей вне человека и времени, а психологический феномен, связанный с впечатлениями внешнего мира на интеллект и, в первую очередь, на чувство.

Самый пейзаж первых строф стихотворения дан в тонах, напоминающих Державина: то же обилие зрительных впечатлений, яркость и пестрота их, то же сгущение блеска и драгоценностей («б и с е р, я н т а р н ы е берега, п е р л о в облак, ж е м ч у г пены»). Но у Крылова есть и перенапряжение образной игры, доходящее иной раз до некоторого кокетства неожиданностью новаторских романтически-свободных формул восприятия природы: «То п е н у в ж е м ч у г рассыпает на золотых своих кудрях», или — обозначение росы — А в р о р и н б и с е р (ст. 2). Между тем, та

медитация о человеке, которая возникает у Крылова из темы природы, выходит за пределы державинской традиции, хотя стилистически и во второй части стихотворения Крылов зависит от Державина (картина роскоши в 6-й строфе или, например, начало 9-й строфы «Так...»). Пессимизм Крылова, его тенденция рассматривать тему «человек» под знаком социального трагизма роднят его уже не с Державиным, а скорей с Радищевым. Здесь Крылов гораздо ближе, чем Державин, подходит к мировоззрению западного раннего романтизма, причем именно в его буржуазно-радикальной формации (а не феодально-консервативной). Руссоистическое осуждение культуры, осуждение рудокопного дела (стр. 7— ср. аналогичные суждения Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву» — в «Слове о Ломоносове») как символа культуры, приносящей людям несчастье и злобу, — характерны для этого мировоззрения. Как и Радищев, Крылов говорит о круговороте истории — «В неволе — враг земных богов; на воле — ищет злых оков» (ср. у Радищева оду «Вольность»); как и у Радищева, это накладывает на его мысль отпечаток безнадежности. Не является ли это стихотворение Крылова итогом его попыток пропагандировать свои «вольные мысли», признаком разочарования, одним из объяснений формирования Крылова XIX в.?

В строфе 11, между ст. 104 и 106, в тексте издания 1847 г. явно пропущена строка, что видно и по нехватке рифмы к стиху 106, и в нарушении строфы, и в нарушении смысла; я заменяю недостающий стих точками.

Сонет к Нине (стр. 75)

Напечатано впервые в Собрании сочинений 1847 г., т. II.

Это — перевод сонета Петрарки (XC): «Pace non trovo, e non ho da far guerra».

Крылов заменил Лауру, впрочем, не названную в тексте сонета Петрарки, Ниной, но сохранил всю сложную игру антитез, на которой построен стилистический рисунок данного сонета. Интерес к Петрарке не был значителен в России до конца XVIII в. В 1768 г. вышла брошюра: «Воображении Петрарковы или письмо его к Лоре. Переведено с французского Ал. Тинкавом»; в этой брошюре, кроме вольного стихотворного перевода «письма» Петрарки, дан перевод четырех сонетов, причем они переведены без рифм и без сохранения сонетной строфы. Малограмотная книжка Тинкава не могла приблизить Петрарку к русскому читателю.

В тетради записей и стихов Н. А. Львова (1770-х гг.; хранится в архиве Института русской литературы Акад. Наук) есть несколько переводов из Петрарки: тут и «Опыт вольного перевода из Петрарка» — сонет «Solo e pensoso», — в прозе, и два варианта (черновой и чистовой) стихотворного перевода сонета «Erano i cappei doro...» (1774), и прозаический перевод канцоны «Chiare, fresche e dolci aquae», и перевод еще одного четверостишия. Все эти переводы остались, видимо, неизданными.

Это было началом будущего пробуждения интереса к Петрарке в кругу писателей, связанных с литературой, преодолевавшей классицизм. В 1789 г. в «Беседующем Гражданине» была помещена прозаическая статья «Беседа о юности из Петрарка» (ч. III., стр. 11. Подпись: «Перевел И. С.», т. е. Степанов (?), — так раскрывает подпись М. Н. Лонгинов в помете карандашом на своем экземпляре журнала, (ныне в Институте русской литературы Акад. Наук). Затем с середины 90-х гг. интерес к Петрарке явно подымается. Появляется целый ряд стихотворных переводов и подражаний: в 1796 г. — Еф. Люденко, «Песня — подражание Петрарку» («Приятное и полезное препровождение времени», 1796, ч. XI, стр. 315) и Канзон, «Chiare, freschee dolci aquac...» — «К Воклюзскому источнику» (из Петрарка, там же, стр. 310), ряд стихотворений в «Музе» — «Буря и тишина» (два сонета — 26 и 27, соединенные вместе: «Quando dal proprio sito si rimove», s. 33, и «Mapoi che'l, dolce riso umile e piano», s. 34. Из сочинений Петрарка (т. II стр. 252), «Торжество славы и времени» (Из творений Петрарка, т. II, стр. 47), «Юстиния де Левин к Петрарку». Io vorrei pur drizzar questa avie piume» и Ответ «La Gola, el' sonno, e l'oziose plume» (т. III, стр. 194, 195). Во II томе «Аонид» (1797) анонимно напечатано стихотворение И. И. Дмитриева «Подражание Петрарку» (стр. 241; ср. сочинения И. И. Дмитриева, 1893, т. I, стр. 188). В 1798 г. в «Приятном и полезном препровождении времени» — «Сонет. Подражание Петрарку» Мих. Кайсарова (кн. XIX, стр. 92) и его же «Сонет. Вольный перевод с итальянского из Петрарка» в 1801 г. в «Иппокрене» (ч. VIII, стр. 287).

В 1808 г. Державин перевел три сонета Петрарки (между прочим, «Задумчивость» — тот же, который был переведен прозой Львовым; этот же сонет был и в числе четырех, попавших в книжку Тинкава; его же перевел М. Кайсаров — см. выше, 1798 г.). Итальянская поэзия воскресала в восприятии русской литературы в творчестве Батюшкова. В ряду ранних опытов усвоить Петрарку русскому стиху стоит и сонет Крылова. С Петраркой Крылов, знавший еще смолоду итальянский язык, должен был так или иначе познакомиться рано. Июньская книжка «Зрителя» (1792) открывается стихотворением «Подражание Петрарку» А. Бухарского.

Передавая сонет Петрарки на русский язык, Крылов нарушил правильную сонетную форму; оба катрена (четверостишия) имеют у него разные рифмы вместо двух проходящих рифм; при этом оба катрена рифмованы у него разновидно: первый обхватно, второй перекрестно. (В терцетах — трехстишиях — он не сохраняет расположения рифм Петрарки.) Очевидно, для него не существовало ясного и обязательного представления о правильном сонете. Между тем, традиция совершенно правильных сонетов, написанных вполне виртуозно и с четким сознательным следованием условной сонетной схеме, не только строфической, но и композиционной, существовала в русской литературе давно, еще со времен Тредиаковского (1735 г.). Сумароков еще в 50-х годах писал безукоризненные сонеты; его ученики, Херасков, Ржевский и др., также

напечатали не мало совершенно правильных сонетов, задуманных как исполнение сложнейших задач построения маленького, но насквозь предрешенного в своих очертаниях шедевра детальной, изящной отделки, словесного и тематического орнамента, запутанного, но симметрического, которые имел в виду Буало в известной формуле: «Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème», [1] «Art poétique», chant II. Это сложное искусство сонета осталось, видимо, чуждо Крылову, как ему было чуждо — и даже враждебно — все аристократическое и интеллигентское искусство школы Сумарокова и Хераскова, искусство замкнутых кружков рафинированных эстетов. Культура стиха ученых поэтов-аристократов, похожая на науку, отрешенная от жизни, недоступная читателю, непосвященному в тонкости кружковой теории и практики литературы высшего дворянства, консервативная и по самой своей художественной сущности, была неприемлема для Крылова.

К соловью (стр. 76)

Напечатано впервые в Собрании сочинений 1847 г., т. II. Это стихотворение, сентиментальное по стилю (песенные вопросы в начале, типическое «ах», эстетически-сентиментальные словесные формулы: свист унылый, друг полей, с подружкой дорогой и др.), сентиментально-руссоистическое по теме противопоставления города природе, сентиментальное по толкованию мотива «птички» (чаще — голубочка, пеночки), многократно всплывающего в поэзии данного круга, — подходит к мотиву соловья иначе, чем он осуществлялся в литературе не-сентиментальной. В прозаическом отрывке Ломоносова (из Плиния Младшего, Риторика, § 58) дано описание звуков соловьиной песни, так же как у Державина («Соловей», 1795), у которого соловей — образ сильного певца, владеющего душами (см. также его «Соловей во сне», 1797). Наоборот, у Карамзина в стихотворении «К соловью» (1793; напечатано в 1794; см. сочинения Карамзина, 1917, т. I, стр. 422) дан сентиментальный, «нежной, кроткой соловей» — в тонах меланхолии. Но крыловское стихотворение отличается от карамзинского тем, что в последнем тема трактуется в плане личной печали, у Крылова же — в плане социально-идеологическом. Это различие принципиально.

К 1796 г. относится стихотворение Карамзина «Соловей» (напечатано в том же году; см. там же, стр. 454), в котором дано примирение державинской трактовки темы и карамзинской — 1793 года. В книге II «Аонид» Карамзина (1797) помещен «Соловей» М. Магницкого (в державинской традиции), а в кн. III — (1798—1799) — «Соловей, Перевод из Гварини» с подписью: «Пол». В «Музе» 1796 г. напечатаны стихотворения «К соловью» (подпись: «П»; (т. I, стр. 187), дающее сентиментальную любовно-унылую трактовку темы, и «Соловей» (т. III. стр. 196. Полное название: «Соловей Для Темиры, она же и Танюша») А. Слепецкого; в «Иппокрене» (1800,

[1] Сонет без погрешностей стоит длинной поэмы.

ч. VI, стр. 318) находим стихотворение «К соловью», близкое к крыловскому; как и у Крылова — здесь говорится о соловье в клетке, и заключение: «Муза дремлет лишь в неволе, Но гремит среди лугов»; здесь также дана тема стремления «в дебри отдаленные», в природу, но менее четко, чем у Крылова. Изображение пения соловья дано было впоследствии Крыловым в басне «Осел и Соловей» (ср. у М. Попова, «Соловей», — «Досуги или собрание сочинений и переводов М. Попова», 1772, т. I, стр. 30). Ст. 10, стихотворения Крылова «К соловью» напоминает дмитриевский: «Пой, скачи, кружись, Параша» (1795, Соч. И. И. Дмитриева, 1893, т. I, стр. 165).

Выбор из Песни песней Соломона (стр. 77).

Напечатано впервые в Собрании сочинений 1847 г., т. II.

Это стихотворение представляет собою весьма вольное переложение отдельных мотивов книги «Песни песней» из Библии, вернее — вольные вариации на эти мотивы, лишь в малой мере зависящие от библейского текста. Судя по стиху и языку, стихотворение относится, повидимому, к ранним произведениям Крылова (оно, конечно, написано до державинского стихотворения «Соломон и Суламита» 1807 г.). Кроме библейского текста Крылов пользовался и стихотворением Вольтера «Precis du Cantique des cantiques», представляющим собою также переложение (более близкое) отдельных мест из «Песни песней». Стихотворение Вольтера имеет форму диалога Суламифи и ее возлюбленного. Подруги Суламифи говорят лишь четыре стиха, соответствующие по содержанию пяти стихам крыловского «Хора пастушек».

«Выбор из Песни песней» Крылова построен отчасти в духе кантат Ж. Б. Руссо, с традиционным условным пейзажем эпохи классицизма, с оперной лирикой и даже внешней конструкцией не то оперы, не то кантаты (у Державина последовательная конструкция кантаты; в рукописи его стихотворение так и обозначено; см. сочинения Державина, под ред. Я. К. Грота, 1865, т, II, стр. 621): хор пастушек, вставная ария «Подружки не шумите» (с обязательным повторением), наконец, заключительная ария «Пробудись, мой друг любезный», даже переходящая на другой размер — хорей, как в русских операх. Весь стилевой характер стихотворения, не имеющий ничего общего с восточной эротикой библейского текста, скорей приближается к стилю любовной лирики и эклог эпохи русского классицизма, и пастушки Крылова восходят больше к Сумарокову, чем к Библии. Крылов считает даже возможным ввести в текст «переложения» из Библии античных амуров и зефиров. Сентиментальная пеночка в ст. 142—144 не нарушает преобладающего стиля почти шаблонной оперно-идиллической лирики XVIII в. Не является «восточной» метафорой даже выражение «его роскошное ласканье» в ст. 33, так как слово р о с к о ш ь в XVIII в. могло значить и услада, наслажденье.

Отмечу, что ст. 35 не имеет рифмующего (может быть это вина Плетнева, не разобравшего рукопись?).

Подражание Псалму XVII (стр. 82)

Напечатано в альманахе «Комета Белы» 1833 г. (на обложке — 1842), стр. 371 (с подписью: «И. Крылов» и пометой: «1795»), с комплиментарным примечанием издателя. И. Быстров в «Отрывках из записок моих о И. А. Крылове» («Северная пчела», 1845, № 203) сообщает, что он нашел это стихотворение в Публичной библиотеке, в тетради стихов Крылова (ныне утерянной), писанных «собственною Ивана Андреевича рукою». (Это было в апреле 1832 г.). — «В этой тетради есть прекрасная ваша «Молитва к богу», — сказал я Ивану Андреевичу. — «Покажите, мой милый».— И. А. взял рукопись и стал читать про себя». В 1833 г. Быстров списал стихотворение с автографа Крылова, который сделал в нем некоторые поправки («Северная Пчела», 1845, № 208; здесь напечатан и текст стихотворения). Я даю текст с поправками Крылова как очевидно более поздний и окончательный, хотя они не вошли в текст альманаха, очевидно переданный издателю до исправлений. Возможно, что находка Быстрова и послужила поводом к появлению стихотворения в альманахе; списано же оно было Быстровым, и, следовательно, произведены Крыловым поправки позднее (цензорская помета альманаха: «30 X. 1832»). Быстров, указывая поправки Крылова, не внес их в свой текст, который отличается от текста альманаха лишь двумя деталями (в ст. 30 — «облаченный», вместо «облеченный» альманаха, и в ст. 50 —«двинул» вместо «двигнул»). Характер этих вариантов таков, что они кажутся лишь результатом неточности Быстрова; кроме того в обоих случаях варианты альманаха представляются значительно вероятнее по самому своему стилистическому характеру; поэтому я принимаю в обоих этих случаях формулы альманаха. В 1847 г. Плетнев напечатал в своем «Собрании сочинений Крылова» (т. II) это же стихотворение в числе «стихотворений, найденных по кончине автора в рукописи и нигде не напечатанных»; его текст несколько отличается от текста Быстрова и «Кометы Белы». Так как неизвестно, к какому времени относилась рукопись, из которой он извлек свой текст (из поправок Крылова в него внесена лишь одна), и так как вообще тексты, данные Плетневым, не всегда достоверны (см. примеры искажений — в прозаических произведениях, например у Каллаша, т. I, стр. X), то я не мог отдать предпочтение его тексту.

Очень многие русские поэты XVIII в. переводили стихами псалмы. В течение всего столетия Псалтырь не утеряла того значения одного из основных произведений художественной литературы, которое она имела для читателей допетровской Руси.

В России еще Симеон Полоцкий переложил силлабическими стихами всю Псалтырь; Тредиаковский также перевел стихами все псалмы, хотя издано из них лишь десять стихотворений. Ломоносов, еще в детстве читавший перевод Симеона Полоцкого, переложил стихами несколько псалмов (не без влияния Ж. Б. Руссо); Сумароков переложил всю Псалтырь; за ними идут и Державин, и Николев, и многие другие. При этом каждый поэт истолковывал

Псалтырь в духе своего мировоззрения и своей поэтики. Крылов переложил XVII Псалом вольно: он построил на тематической основе псалма свое собственное стихотворение, использовав в нем часть мотивов Псалтыри, но вплетя в текст немало своих образов и мотивов. Он придал псалму черты космического пейзажа (например в начале: «Где миллионы звезд горят» и т. д.), характер религиозной оды, лирического песнопения («Пари, мой дух, за круги звездны...», ст. 50), отчасти в духе державинской религиозной лирики и державинской грандиозной образности вообще. Для крыловского псалма, как и для державинской лирики, характерно восприятие религиозной темы через образы мироздания, что рационализирует самую тему. Нечто аналогичное было дано еще Ломоносовым в обоих его размышлениях о божием величестве и Сумароковым в «Гимне о премудрости божией в Солнце» (впервые — в «Праздном времени, в пользу употребляемом», от 2 сентября 1760 г. с названием «Гимн солнцу»).

Псалом XVII до Крылова в XVIII в. перелагали стихами Сумароков (отрывок) и Ф. Козельский (Сочинения, 1778, ч. I, стр. 15). Крылов не использовал их переводы. Ст. 46 напоминает оду Ломоносова из Иова: «Копье и меч и молот твой Считает за тростник гнилой».

Подражание XXXVII Псалму (стр. 86)

Напечатано в альманахе Карамзина «Аониды» (1796, ч. I, стр. 36), с названием: «Вольное подражание псалму: Господи, да не яростию твоею и проч.» и с подписью: «И. К — в». В незначительно отличающемся тексте напечатано в сборнике «Пантеон Русской Поэзии, издаваемый Павлом Никольским», 1814, ч. II, кн. IV, стр. 139—143, с подписью: «Крылов». В виду того, что Никольский давал в своей хрестоматии тексты достоверные и даже получал новые тексты, отличные от печатных, видимо от самих авторов (так было с текстами Жуковского, как мне любезно сообщил Ц. С. Вольпе), я даю текст именно «Пантеона». Затем псалом был напечатан в «Собрании русских стихотворений... изданном Василием Жуковским» (по «Аонидам»), М. 1810, ч. I,, стр. 99, с подписью: «Крылов», и также в «Собрании образцовых русских сочинений», (1821, ч. I, стр. 58).

Ода представляет собою вольное и распространенное переложение в русские стихи славянского текста Псалма XXXVII. Опять, как и в Псалме XVII, Крылов вводит в текст ряд конкретных образов природы и мироздания, отсутствующих в библейском псалме, например, сравнения: «Как трость ломка во время зною, Как ломок лед в реках весною...» (в Библии вообще не могло быть речи о речном льде), или «Как в жар поля росой прохладной»; или другие места, также внесенные самим Крыловым: «Престани в тучах, в облистаньях, И в бурных пламенных дыханьях...»; «Хладнее льдов, тяжеле гор...»; «Но духом за пространства звездны...»; «Прекрасен звездный твой чертог; Ты в солнцах и в громах ты чуден, Но где ты чудесами скуден? Ты и в пылинке тот же бог!» Характерен

также тот оттенок личного, субъективного обращения к богу, индивидуального лиризма и выдвигания себя как героя и темы стихотворения, который заметен в переложении Крылова. В отношении поэтики оно заключает целый ряд мотивов и формул, восходящих к религиозной, псалмопевной лирике предшественников Крылова. С переложением того же псалма, сделанным Сумароковым, стихотворение Крылова имеет общую строфическую форму — десятистрочную строфу торжественных и больших «философических» од; кроме того изображение космического величия бога в ст. 77—80 у Крылова, не находя аналога в тексте Псалтыри, находят соответствие в начале последней строфы сумароковского переложения; вообще композиционно заключение у Сумарокова сходно с крыловским.

Подражание Псалму LXXI (стр. 89)

Напечатано впервые Плетневым в Собрании сочинений Крылова 1847 г., т. II, с подзаголовком: «Боже, суд твой цареви даждь, и правду твою сыну цареву».

Написание этого переложения псалма, так же как еще пяти следующих за ним, без сомнения относится еще к 90-м гг. XVIII в., т. е. к тому же приблизительно времени, что создание переложения Псалмов XVII и XXXVII. За это говорит и анализ самого текста и вся история творчества Крылова. Есть даже основание отнести крыловское переложение Псалма LXXI к определенному моменту, именно к концу 1796 или, скорее, к началу 1797 г.; вероятно, он был приурочен автором к восшествию на престол Павла I (не Александра, так как тогда неуместно было бы говорить о несуществующем «цареве сыне»), совершившемуся 6 ноября 1796 г., или к коронации его — 5 апреля 1797 г. За это говорит и то, что в тексте Крылова явно идет речь о царе, только что начинающем или начавшем царствовать, тогда как в славянском тексте Псалтыри этого, повидимому, нет. Крылов пишет: «Да к пользе царства примет труд...» и ниже: «Царь не предаст сирот и вдов; На трон в лице воссед и бога, Сомкнет уста клеветников». В Псалтыри же начало псалма таково: «Боже, суд твой цареви даждь, и правду твою сыну цареву судити людем твоим в правде и нищым твоим в суде. Да восприимут горы мир людем и холмы правду. Судит нищым людским и спасет сыны убогих и смирит клеветников...»

Псалом LXXI переложен Крыловым близко к славянскому тексту, сравнительно с Псалмами XVII и XXXVII; но, тем не менее, Крылов придал ему в своей обработке характер светский, не столько псалмопевный, сколько политический. В тексте Крылова дано поэтическое изображение идеального монарха в духе чаяний и пожеланий людей XVIII в.: крыловская строка «Его благословит народ» звучит совершенно иначе и имеет, конечно, иной смысл, чем библейское: «Будет имя его благословенно вовеки»: у Крылова — политическое пожелание и надежда, в Библии — хвала. Строка «Рабы как чада будут верны» не имеет соответствия в библейском тексте.

Я думаю, можно считать крыловское переложение Псалма LXXI своего рода приветствием новому императору. Последние годы царствования Екатерины, усиленная реакция, зубовский режим, оказавшийся еще более жестким, чем потемкинский, разгул произвола и разврата власти на фоне затяжного финансового кризиса государства, — все это заставляло представителей самых различных и даже враждебных социальных групп сходиться в одном пункте — все они были недовольны правительством. Смерть Екатерины многих заставила надеяться на улучшение. Павла знали только люди, близкие ко двору или к нему лично. Воспитанник дворянского либерала Никиты Панина, находившийся в оппозиции при Екатерине, Павел мог на первых порах казаться царем, который изменит положение страны к лучшему. Если екатерининские придворные и связанные с ними круги были сразу же подавлены действиями Павла, то, наоборот, и дворянская масса и, вероятно, либерально или радикально настроенная интеллигенция сначала возлагали на Павла некоторые надежды. Прокламированная им ненависть к фаворитизму, распущенности, беспорядку, самоуправству и грабительству чиновников и сановников, — всему тому, что так невыносимо было при прежнем царствовании, его поза сурового, но справедливого и доступного судьи, его поза демократизма и беспристрастия — все это импонировало и обольщало на первых порах. Для такого человека, как Крылов, не могло быть безразлично и то, что Павел вернул из Сибири Радищева, освободил из крепости Новикова, издал в день коронации указ о трехдневной барщине, хоть и рекомендованной только в порядке царского совета, но все же характерно определявшей точку зрения нового правительства. До нас дошло не одно свидетельство об иллюзиях первых месяцев царствования Павла. Очень скоро они разлетелись в прах, и оказалось, что бедствия конца правления Екатерины и Зубова возобновились и лишь усилились в правлении Павла и его новых фаворитов. Повидимому, псалом Крылова служит выражением именно этих иллюзий первого времени царствования Павла.

Псалом LXXI перелагали до Крылова, кроме Сумарокова, В. Майков и Н. П. Николев («Творения», 1795 ч. I,). Мне неизвестно, когда написаны помещенные в книге «Полное собрание Псалмов Давыда, поэта и царя, преложенных как древними, так и новыми Российскими стихотворцами» (1809, т. I) переводы Н. Щ. и анонима. Крыловское переложение независимо от всех этих стихотворений; близость первой строки Крылова: «Подай царю твой, боже, суд» с сумароковской «Подай царю, о боже, суд» может быть объясняется близостью обеих этих строк к славянскому тексту. В 1799 г. Державин написал стихотворение «Введение Соломона в судилище», большую часть которого занимает переложение Псалма LXXI; нелишне будет заметить, что при этом у Державина царь псалма — Павел I, а сын царев — Александр. Стихотворение Державина написано по поводу «введения в Сенат к присутствию в первый раз императором Павлом сына его Александра Павловича» («Объяснения Державина к своим стихотворениям». Полное собрание сочинений под ред. Я. К. Грота, 1866, т. III, стр. 657).

Ст. 14 — волну, т. е. овечью шерсть; в славянском тексте сказано: «Снидет яко дождь на руно».

Подражание Псалму XIV (стр. 91)

Напечатано там же, где предыдущее стихотворение, с подзаголовком: «Господи, кто обитает в жилище твоем?»

Переложение Псалма XIV довольно близко следует за старославянским текстом, но несколько распространяет его; так, характерное конкретно-образное пейзажное сравнение «Как полная луна видна в водах полночных» прибавлено Крыловым; прибавлены им и два стиха, в которых звучит нота демократического либерализма: «Кто в самых рубищах невинность чтить умеет, Злодеев презирать и в блеске счастья смеет».

В ст. 24 нехватает одной стопы (двух слогов) по сравнению с последним стихом всех остальных строф.

Псалом XIV был переложен до Крылова Ломоносовым и Сумароковым. В «Творениях» Николева, в т. I (1795), напечатано его переложение. В сборнике «Приношение Религии», 1798, т. I, стр. 108, помещен перевод Псалма XIV Вышеславцева. В книге «Полное собрание Псалмов» и т. д., 1809, т. I, — переложения И. В. Лопухина и еще одно, анонимное.

Подражание Псалму XCVI (стр. 93)

Напечатано там же, с подзаголовком: «Господь воцарися, да радуется земля».

Крылов переложил Псалом XCVI местами довольно близко, но добавил много своего. Так, он развернул строфы вторую и третью картиной космического пейзажа, сквозь который он подает религиозную тему. Как и в других псалмах, Крылов конкретизирует отвлеченную лирику Псалтыри образами природы и мироздания.

До Крылова было переложение Псалма XCVI у Сумарокова. В «Творениях» Николева в т. I, (1795), напечатано его переложение. К 1809 г. относится переложение Державина — «Воцарение правды». В книге «Полное собрание Псалмов» и т. д., 1809, т. II, помещено переложение И. В. Лопухина.

Подражание Псалму XCIII (стр. 95)

Напечатано там же с подзаголовком: «Бог, отмщений господь, бог отмщений не обинулся есть».

Крылов переложил Псалом XCIII вольно; в частности, он усилил мотив власти неправды и придал ему явственный оттенок социального протеста. Он ввел от себя такие, например, черты: «Заграбя мир себе в удел» и «груды тел» в следующем стихе. Как и в других псалмах, Крылов добавил и образы природы — громы, черные тучи и молнии в первой строфе.

До Крылова Псалом XCIII переложил Сумароков. В 1801 г. в «Иппокрене» был анонимно напечатан перевод А. Крылова (т. X, стр. 203, «с немецкого»; ср. «Полное собрание Псалмов...»,

1811, т. II, стр. 120). В книге «Полное собрание Псалмов», помещены еще переложения Е. Люценко и А. Протопопова.

Подражание Псалму LI (стр. 97)

Напечатано впервые в Собрании сочинений 1847 г., т. II, с подзаголовком: «Что хвалишься во злобе сильне?»

Крылов переложил Псалом LI близко к старославянскому тексту, лишь немного распространив его. Он развернул, в частности, мотив отношения к богатству, лишь в одном месте намеченный в библейском тексте; так, он ввел от себя в строфе третьей стих «Твоих богатств иссушит реки», и в последней строфе стихи: «И блеск честей и горы злата Считая за одну мечту».

До Крылова были известны переложения Псалма LI Тредиаковского, Сумарокова (два переложения) и Ф. Козельского (Сочинения, 1778 ч. I).

Подражание Псалму LXXXVII (стр. 99)

Напечатано впервые в Собрании сочинений 1847 г., т. II, с подзаголовком: «Господи боже спасения моего, во дни возвах».

Крылов переложил Псалом LXXXVII довольно близко к старославянскому тексту. Как и в других переложениях псалмов, он ввел от себя некоторые мотивы конкретной образности природы (таковы, например, стихи «Шумящей, пламенной рекою», «И вместе с хором оперенным Под сводом неба озаренным...» и, наконец, концовка стихотворения, замыкающее его сравнение: «Как лист иссохший, я оставлен Среди пылающих огней»). Некоторый оттенок автобиографизма приобрело у Крылова переложение того места, где библейский поэт говорит: «Нищ есьм аз и в трудех от юности моея»; у Крылова сильнее: «Средь нужды, нищеты и горя, Как средь бунтующего моря, Я взрос от самых юных дней». До Крылова Псалом LXXXVII был переложен Сумароковым.

Послание о пользе страстей (стр. 103)

Напечатано в «Драматическом Вестнике» 1808 г., ч. V (прибавление к «Драматическому Вестнику», стр. 138), с подписью «К.», обозначавшей в «Драматическом Вестнике» Крылова (см. его басни, помещенные в этом журнале); включено Плетневым в Собрание сочинений 1847 г., т. II. Совокупность этих обстоятельств в сущности достаточна для установления авторства Крылова (хотя Плетнев мог и ошибиться, как он ошибся, приписав Крылову два стихотворения Карабанова из «СПб. Меркурия» — «Русский Архив», 1879, № 12, стр. 486—487, ст. Д. Языкова: «Ложные сочинения И. А. Крылова»).

Но еще подкрепляет положение об авторстве Крылова существование «Письма о пользе желаний», неомненно крыловское (оно напечатано Плетневым по рукописи), связанного в то же время с «Посланием о пользе страстей» и по идейному и по формальному замыслу. Возможно что «Послание» написано и несколько ранее 1808 г. С одной стороны, может быть

такое предположение можно сделать на основании сближения «Послания» с «Письмом о пользе желаний» (см. примечание к этому стихотворению); с другой стороны, может быть можно истолковать в этом же смысле ст. 133 об английской карете, если предположить, что Крылов едва ли решился бы написать это во время континентальной системы, т. е. после Тильзитского мира 1807 г. (хотя он ведь напечатал это в 1808 г.)

Ст. 102 — богатыри - полканы. Полканом называется получеловек-полуконь в сказке о Бове-богатыре; у Крылова богатыри-полканы, повидимому, вообще фантастические богатыри.

Ст. 125 — Джонсон и Дюфо — очевидно имена действительных модных мастеров (сапожника и парикмахера) в Петербурге. Еще Буало использовал имена известных ремесленников в стихах (см. его III сатиру).

Обращает на себя внимание стихотворный размер крыловского «Послания» — пятистопный ямб вместо шестистопного ямба с парной рифмовкой (александрийского стиха) классических эпистол и четырехстопного (или даже трехстопного) ямба дружеских посланий эпохи карамзинизма. Написанное легким, не посалонному разговорным, вполне простым, несмотря на обилие собственных имен, языком, «Послание» Крылова в отношении к размеру восходит, повидимому, к навыкам французской поэзии. Крыловский пятистопный ямб, вообще малоизвестный русской поэзии XVIII в. (анонимное «Послание к трем Грациям» в «Новых ежемесячных сочинениях», 1790, июль, стр. 56, написанное этим размером, — редкостное явление в ней), соответствует французскому десятисложному стиху таких, например, произведений, как эпистолы (Epitres) Ж. Б. Руссо, поэмка «Le temple de l'amitié» Вольтера, его же «La geurre civile de Genéve» и другие произведения, «Vert-vert» Грессе, «L'art d'aimer» Жантиль Бернара, «Эпистолы» Д'Арно («Oeuvres diverses» de M. d'Arnauld, Berlin, 1751, t. I), «Дунсиада» Палиссо, поэма Мальфилатра «Narcisse dans l'île de Venus» и др.

Письмо о пользе желаний (стр. 108)

Напечатано впервые в Собрании сочинений 1847 г., т. II. Стихотворение относится к концу XVIII — началу XIX в. В нем затронута тема любви к Анюте, появляющаяся в стихах Крылова 1790-х гг.; с другой стороны, Крылов упоминает в нем о М. Ф. Каменском в комплиментарном смысле, что он едва ли сделал бы после провала Каменского в начале кампании 1806 г., когда он самовольно оставил командование армией. Каменский умер в 1809 г. Крылов, скорей всего, имеет в виду прежнюю деятельность Каменского во время второй и, главным образом, первой турецкой войны. Впрочем, если предположить, что Крылов писал «Письмо» еще при жизни Румянцева (ср. ст. 48), то придется отодвинуть его написание еще назад, так как Румянцев умер в конце 1796 г.

В тексте «Письма» в Собрании сочинений 1847 г. ст. 23 — неполон; в нем нехватает стопы (двух слогов). В ст. 56 напечатано «паля» явно вместо «пяля».

«Письмо о пользе желаний» и по размеру, и по языку и, в первую очередь, по содержанию составляет продолжение «Послания о пользе страстей», — или наоборот (см. примечание к этому стихотворению). В основе его — та же борьба с феодально-помещичьим рационализмом и его стоической моралью (отсюда и Зенон). Крылов излагает полупародийно и концепцию дворянских стоиков, которые предлагали, уничтожая желания (эгоистические), подчинять себя разуму. Крылов требует признания прав человека на человеческие радости и желания, требует раскрепощения человека, и в этом проявляется его радикализм, хотя прямо он ничего не говорит ни о политике, ни о социальных вопросах.

Далее Крылов, также полупародийно, передает мотивы и даже стиль элегической лирики дворянского сентиментализма, в духе традиции, шедшей от Карамзина к Жуковскому. Социальное чутье не обмануло Крылова, правильно связавшего карамзинистскую элегическую традицию с ее социальными предками в творчестве Хераскова и его школы.

В ст. 5 Крылов цитирует Библию — книгу Экклезиаст, «сиречь церковник царя Соломона»: «суета суетствий и всяческая суета»; ср. стихотворное переложение Хераскова «Почерпнутые мысли из Экклезиаста», М., 1765; изд. 2 — М., 1779; изд. 3 — М., 1786, потом в части V «Творений» Хераскова; ср. также переложение Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из Экклезиаста», 1796. Напечатано в 1797 г., см. Сочинения Карамзина, 1917, т. I, стр. 178. Оба стихотворения — и Хераскова и Карамзина — являются переложениями стихотворения Вольтера «Précis de l'Ecclésiaste» (ср. предисловие к изданию 1765 г. «Почерпнутых мыслей» Хераскова). Ср. «Иппокрена», 1799, ч. IV, стр. 31 — «Соломонова мудрость из Экклезиаста». Перевод с французского, и там же, стр. 68, «Преложение главы VII Премудрости Соломоновой».

Три поцелуя (стр. 112)

Напечатано в альманахе Дельвига «Северные Цветы» на 1825 год. Подпись: «И. Крылов». Рукопись (список; подпись: «И. А. Крылов») — в Публичной библиотеке в Ленинграде (из бумаг Н. И. Стояновского, ранее принадлежавших Олениным).

П. А. Плетнев пишет: «В 1824 году написал он [Крылов] анакреонтическую оду свою «Три поцелуя» в воспоминание самой приятной для него шутки трех молоденьких почитательниц его таланта. После обеда у Оленина он сел в кресла и заснул. Не зная, как учтивее разбудить его, эти Грации сговорились поцеловать его одна за другою» (Сочинения и переводы П. А. Плетнева, 1885, т. II, стр. 105). В списке Публичной библиотеки к стиху «Три девушки прекрасны» сделано примечание «Изабелла и Мария Симпсон и Анета Оленина» и в конце стихотворения приписка: «Приютино. 1824 окт. 4-го». И. и М. Симпсон — повидимому, дочери доктора Роберта Симпсона, умершего в 1822 г. («Петербургский Некрополь», 1913, т. IV., стр. 78), Анета Оленина — Анна Алексеевна (1808—1888), дочь А. Н. Оленина, та самая, за которою ухаживал в 1828 г.

Пушкин (вышла потом, в 1840 г., замуж за Ф. А. Андро де Ланжерона). Приютино — имение-дача («мыза») Оленина в 20 верстах под Петербургом.

Стихотворение «Три поцелуя» написано в духе традиции анакреонтических од, начатой еще Сумароковым и дожившей до Пушкина, — как обычно в этой традиции — без рифм (характерен и размер — трехстопный ямб) и с оттенком простодушия, наивности слога.

А. Н. Оленину (стр. 113)

Напечатано в альманахе Дельвига «Северные Цветы» на 1828 год. с подписью: «И. Крылов» и пометой: «18 апреля 1826».

Алексей Николаевич Оленин (1763—1843) в течение ряда лет был и начальником, и покровителем, и другом Крылова.

Стихи Крылова «А. Н. Оленину» написаны при «доставлении» ему издания «Басен» 1825 г. В них выразилось вполне отношение Крылова к своему «меценату». Характерен и стих десятый — «ленивой музе и беспечной». Крылов сам способствовал созданию представления о себе как о беспечном ленивце; эта черта была едва ли не необходимой составной частью характера баснописца по представлениям того времени. Но в то же время лень и беспечность были удобной маской, за которой Крылов прятал свое подлинное лицо разочаровавшегося радикала. Лень и беспечность были моды и в кругах литературной дворянской молодежи. Недаром Дельвиг так культивировал в своем образе эти черты. В письмах Крылова его лень фигурирует неоднократно. О беспечности и лени Крылова говорят и анекдоты о нем, строящие полулегендарный его образ, повидимому, в том духе, который устраивал и самого Крылова в старости, и правительство, и, следовательно, А. Н. Оленина

ВТОРОЙ ОТДЕЛ
(стр. 115—126)

Эпиграмма 1 к N (стр. 117)

Напечатана в журнале «Лекарство от скуки и забот» ч. I, № 26, от 23 декабря 1786 г. Подпись: «И. Кр». Эта эпиграмма семнадцатилетнего поэта демонстрирует не только его неопытность и неполное овладение современными ему навыками стиха, но и некоторый архаизм, отсталость литературного образования юноши, выросшего в провинции, и в Петербурге не проникшего еще в литературные круги. Эпиграмма Крылова по всему стилю, по жанровому облику повторяет соответственные произведения сумароковской школы 60-х гг. XVIII в., но повторяет в передаче эпигонской и примитивной. Стремление Крылова построить свою эпиграмму на игре антитезами (и вообще весь стилистический строй стихотворения) напоминает А. А. Ржевского (о нем, о его манере, о его стихотворениях, к которым приближается крыловская эпиграмма, см. мою книгу «Русская поэзия XVIII века», 1927, в частности стр. 166—178).

Эпиграмма 2 часто вопрошающему (стр. 117)

Напечатана в журнале «Лекарство от скуки и забот», ч. I, № 27, от 30 декабря 1786 г. Авторство Крылова устанавливается «по непосредственной связи нумерации (эпиграмма 1, эпиграмма 2), без связи по месту напечатания в журнале» (Каллаш, IV, стр. 335; здесь же и дальнейшие соображения об этой нумерации).

В ст. 4 — повидимому опечатка — лишний слог; либо надо «нежель», либо не надо слова «ты».

В стилистическом отношении и об этой — весьма неостроумной — эпиграмме можно сказать то же, что сказано о предыдущем стихотворении.

«Фортуна жалует...» (стр. 117)

Двустишие вставлено в текст «Почты Духов» 1789 г. (письмо гнома Зора к волшебнику Маликульмульку, ч. I, письмо IX; текст второго издания (1802) не отличается от первого. Письмо гнома Зора несомненно принадлежит Крылову; оно помещено и в томе III плетневского издания сочинений Крылова (1847).

Зор пишет: «... надобны деньги, чтоб иметь хорошее знакомство, а ученые вообще почти все бедны; притом же тебе известно, сколь давно они в побранке с фортуною, которая смотрит на их сатиры и брани точно так, как рослый драгун на лаянье маленькой постельной собачки, и для того почти всегда

Фортуна жалует... *и т. д.*

Вот тебе и стих, любезный Маликульмульк: ожидал ли ты когда от меня оных?.. и т. д.

«Хранящий истины уставы...» (стр. 118)

Четверостишие вставлено в текст «Почты Духов» 1789 г (письмо гнома Буристона, то самое, в котором помещено стихотворение «Судей собрание почтенно» — см. ниже). Текст второго издания (1802) не отличается от первого.

Четверостишие представляет надпись над дверью судейской залы — на доске, которую держит Фемида, богиня правосудия. Суд изображен в отрывке резко-сатирическими чертами.

«Судей собрание почтенно...» и Сказка (стр. 118)

Оба стихотворения напечатаны в журнале Крылова «Почта Духов», ч. I, стр. 137, в изд. 1789 г. (месяц февраль) и в ч. II, стр, 60, в изд. 1789 г. (месяц май); потом — во втором издании «Почты Духов» 1802 г. Так как неясно, имел ли Крылов какое-нибудь отношение ко 2-му изданию «Почты Духов», я беру текст издании 1789 г. (оговаривая в конце примечания единственный вариант).

«Почта Духов» не похожа на обычные журналы. Подобно «Адской Почте» Ф. Эмина (1769), она представляет собою периодически выходившие в свет выпуски серии нравоописательных и публицистических очерков, объединенные не только внутренней

связью тем и авторской точки зрения, но и внешне: все они имеют форму писем различных гномов, сильфов и др. к волшебнику Маликульмульку и иногда ответов волшебника. Весь журнал написан прозой. Только три больших стихотворения вплетены в прозаический текст (кроме одного четверостишия и одного двустишия — см. цитату из VIII сатиры Буало в письме XL в части II — немного измененные четыре первых стиха из перевода этой сатиры, напечатанного в Новиковском «Живописце», ч. II, лист 6). Из них два, «Судей собрание почтенно» и «Сказка», являются сатирами, вернее пасквилями, на Я. Б. Княжнина. Оба они несомненно принадлежат Крылову. Второе включено в письмо гнома Зора, помещенное вместе с другими письмами Зора и в собрании сочинений Крылова, приготовленном Плетневым (1847, т. III). Кроме того содержание «Сказки», так же как и первого стихотворения, так же как и прозаического окружения их, является прямым продолжением памфлетного похода против Княжнина, предпринятого Крыловым и связанного с комедией Крылова «Проказники». Наконец, оба стихотворения, в особенности первое, связаны и прямо с «Проказниками». Стихотворение «Судей собрание почтенно...» является ответом на жалобы Княжнина по поводу «Проказников».

Приблизительно за год до издания «Почты Духов» Крылов написал комедию в 5 действиях в прозе «Проказники» и передал ее своему начальнику по службе в Горной экспедиции, П. А. Соймонову, связанному и раньше и позже с управлением театром. Крылов служил у Соймонова с мая 1787 до мая 1788 г.

«Проказники» — это злой и грубый памфлет против известного писателя Я. Б. Княжнина, автора ряда трагедий, комедий и комических опер, имевших большой успех, — и против его жены, Екатерины Александровны, дочери А. П. Сумарокова, также писавшей стихи и в молодости напечатавшей даже одну «Элегию» в журнале своего отца «Трудолюбивая Пчела (1759). В «Проказниках» Княжнин изображен под именем Рифмокрада, а жена его — под именем Тараторы. Рифмокрад — поэт-драматург, самовлюбленный дурак, произведения которого — плагиат, компиляция отрывков из французских драматургов (Княжнин, действительно, усиленно черпал и планы своих пьес и многие детали из произведений французских писателей; еще Пушкин назвал его «переимчивым»). Крыловская Таратора превозносит дарования своего мужа, но изменяет ему весьма легко, и в частности с доктором Ланцетиным, под именем которого скрыт некий доктор Виен.

Княжнин сильно обиделся на комедию Крылова. По этому поводу и написаны оба стихотворения.

Вариант по 2-му изданию «Почты Духов»:

«Судей собрание почтенно...». Ст. 4 — «с Сатиром негодяем нас» (в издании 1789 г. в ст. 2 опечатка — «жалки», исправленная в издании 1802 г.).

«Что в древни времена был Рим...» (стр. 119)

Это стихотворение вставлено в текст «Почты Духов», в письмо гнома Зора к волшебнику Маликульмульку (Письмо XLIV, ч. II,

месяц август). Текст даю по первому изданию журнала — 1789 г. стр. 238—239 (впрочем, текст стихов здесь ничем не отличается от второго издания — 1802 г., кроме имени «Фемиды» вместо «Фемисы» в издании 1789 в ст. 34). Письмо XLIV гнома Зора несомненно принадлежит Крылову; оно включено и в издание 1847 г.

Стихотворение представляет собою комплимент Екатерине II; повидимому, Крылов хотел защитить лестью царице свой журнал и самого себя, так как радикализм «Почты Духов» не мог не вызывать недовольства правительства. Предшествующие стихотворению письма-статьи указывают, что Крылов либо испугался, либо был принужден сделать уступки власти; Письмо XLI заключает ура-патриотический фельетон о войне с Турцией, в Письме XLII имеется выпад против французской просветительной философии (впрочем, скорей всего искренний), в Письме XLIII как будто бы дано осуждение радикальных буржуазно-демократических идей в России — вероятно, для цензуры. Наконец, в Письме XLIV гном Зор пишет: «На сих днях, любезный Маликульмульк, услышал я от пролетевшего мимо меня Сильфа, что в одном обширном государстве, привлекшем на себя в нынешнем веке внимание всего света, будет представлена новая драма. Любопытство мое в ту ж минуту принудило меня туда перелететь и радоваться, что и в сих холодных местах науки зачинают обогревать своими лучами замерзлые сердца жителей...» Далее он сообщает «дошедшее до него» описание сего государства, — именно стихотворение «Что в древни времена был Рим...» Приведя стихотворение, Зор рассказывает, что он полетел в это государство, т. е. в Россию: «Я туда летел с обыкновенною нам скоростию и видел с удовольствием под собою великолепные города, пространные поля, способные для хлебопашества, зеленеющиеся и обещающие богатую пажить луга; видел также леса, моря и озера, которые все являли изобилие сей пространной части земного шара». С этим прославлением официально признанного благополучия страны (вспомним инсценировку этого благополучия во время путешествия Екатерины на юг в 1787 г.) согласуется стихотворение Крылова Стихотворение содержит несколько конкретных намеков; в ст. 10, повидимому, Крылов имел в виду указ Екатерины 19 февраля 1786 г. о том, чтобы в подписях бумаг, подаваемых на ее имя, не писали бы «раб», а писали «всеподданнейший или верный подданный», — «равным образом в патентах, присяжных листах и во всех прочих бумагах, где до сего слово р а б включаемо было, вместо оного употреблять имя: п о д д а н н ы й». Этому указу, не имевшему, конечно, никакого серьезного политического значения, был, однако, придан характер истребления в России звания раба (см. оду Капниста по этому поводу), хотя он уничтожал только «звание», и то касался фактически лишь «свободных» людей.

В ст. 15—16 Крылов говорит о шведской войне 1788—1790 гг. (в гербе Швеции — лев) и о турецкой войне 1787—1791 гг. (луна — символ Турции). В ст. 21—22 идет речь о комедиях самой Екатерины.

В тексте обоих изданий «Почты Духов» стихотворение напечатано единым столбцом, нерасчлененным на строфы; между

тем оно отчетливо делится на строфы по 8 стихов (рифмовка: abbaccdd; только последняя строфа — ababccdd); я счел возможным дать хотя бы абзацы, отмечающие начала строф.

[*А. И. Клушину*] *(стр. 120)*

Напечатано впервые Н. П. Лихачевым в «Волжском Вестнике», 1886, № 169, в заметке «Автограф Ивана Андреевича Крылова».

Четверостишие это написано Крыловым на книге басен Лафонтена — «Fables choisies mises en vers par monsieur de La Fontaine, avec un nouveau commentaire par M. Coste», T. I, Lausanne, 1772. Четверостишие подписано: «I. Крылов».

На титульном листе книги написано «N Клушина». На книге есть еще одна запись: «Подарены любезным другом Иваном Андреевичем Крыловым Июля 29 дня 1792-го в бытность в типографии; по причине нашей разлуки, на время; а может быть — судьбе одной известно». В «Русском Библиофиле» 1913, т. V, в статье «Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки» Н. П. Лихачев воспроизвел факсимиле всех трех записей (в том числе автографа Крылова — при стр. 46). При этом он говорит о последней записи: «но Клушиным ли сделана запись — весьма сомнительно. Почерк ex libris (т. е. пометы «N Клушина». — *Гр. Г.*) и записи едва ли тот же самый, да и Клушин в 1792 деятельно работал в типографии в сотрудничестве с Крыловым». На этом основании Лихачев высказывает предположение, что Крылов, может быть, взял книгу Клушина и подарил ее кому-то другому, кто и сделал запись и кому адресованы стихи Крылова.

В. П. Семенников в книге «Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II» (Пгр., 1915, стр. 53—55), публикуя другой автограф Клушина, останавливается и на вопросе о записи на Лафонтене. «Сравнивая почерк Клушина с почерком лица, сделавшего указанную надпись, как нам кажется, можно притти к заключению, что оба эти почерка тожественны и что, следовательно, указанная надпись о разлуке с Крыловом сделана А. И. Клушиным». В. П. Семенников связывает разлуку двух сотрудников по типографии и «Зрителю» с происшедшей в мае 1792 г. полицейской историей по поводу их сочинений (см. в биографии Крылова в томе I настоящего издания). Он пишет: «Решаемся высказать предположение: не стоит ли разлука Крылова с Клушиным в какой-либо связи с этой историей? Не была ли эта разлука (может быть только предполагавшаяся) вынужденной, вследствие того, что одному из соиздателей «Зрителя», в связи с этими неприятностями, приходилось покинуть Петербург?»

Я думаю, что соображения В. П. Семенникова правильны. Запись на книге сделана А. И. Клушиным, и именно ему посвящено четверостишие Крылова. Что касается несходства почерка этой записи с пометой «N Клушина», то, во-первых, это несходство проблематично (ряд черт сближает оба почерка); во-вторых, если даже мы примем, что обе записи сделаны разными людьми, это не разрушает основного положения. Дело в том, что Н. П. Лихачев понимает

запись «N Клушина», как ex libris, т. е., повидимому, как № (книг) Клушина. Между тем, вполне вероятно, что «N» означает просто букву «Н», как ее нередко писали в инициалах в XVIII в. запись «N Клушина» могла быть сделана Н. И. Клушиным, братом поэта, у которого он жил около 1794—1798 гг. и к которому книга могла перейти после его смерти в 1804 г.

Четверостишие о Лафонтене показывает, что Крылов еще в начале 90-х гг. увлекался французским баснописцем, у которого он заимствовал впоследствии ряд своих басен.

«Мой критик, ты чутьем прославиться хотел...» (стр. 120)

Напечатано в «Старой записной книжке» П. А. Вяземского (Полное собрание сочинений, 1886, т. X, стр. 47). По словам Вяземского, это четверостишие является ответом на эпиграмму «старика камергера Ржевского» по поводу «Подщипы» Крылова.

Дальше Вяземский пишет: «Этот старик камергер Ржевский не наш Московский Павел Ржевский, а родственник фельдмаршала графа Каменского. Он написал стихи на свадьбу Блудова, на которые очень забавно жаловался мне Блудов и требовал от меня, чтобы я его отомстил. Более всего Ржевский прославился тем, что имел к р е п о с т н о й б а л е т, кажется, в Рязанской деревне, который после продал дирекции Московского театра. Грибоедов в «Горе от ума» упоминает об этой продаже». Из всего сказанного Вяземским явствует, что речь идет вовсе не об А. А. Ржевском, поэте 60-х гг. XVIII в., умершем в 1804 г., как думает В. В. Каллаш (т. IV, стр. 55 и 343; А. А. Ржевский был женат первым браком на сестре М. Ф. Каменского; она умерла еще в 1769 г.), а о Григории Павловиче Ржевском, камергере, именно известном своим крепостным балетом. Он также был поэтом, — напечатал «Новые басни и стихотворения» в 1827 г. и среди них стихотворение на брак Блудова, о котором говорит Вяземский. Г. П. Ржевский был женат на графине М. М. Каменской.

Смысл крыловского четверостишия и слов, замененных у Вяземского точками, уясняется, если вспомнить последние стихи «Подщипы» и явление X второго действия (здесь стр. 160 и 162).

Эпиграмма на перевод поэмы: L'Art poétique (стр. 121)

Напечатано анонимно в сборнике «Пантеон русской поэзии», издаваемом Павлом Никольским, СПб., 1814, ч. III, стр. 106. Потом — в «Учебной книге Российской словесности» Н. И. Греча (СПб., 1820, ч. III, стр. 262) под тем же названием, без подписи; потом в издании той же книги 1830 г. (ч. III, стр. 223) без подписи и, наконец, в издании ее же 1844 г, (ч. III, стр. 212) с подписью: «Крылов». (Ошибочно помещена в Собрании сочинений И. И. Дмитриева, под ред. Флоридова, 1893, т. I, стр. 241).

Эпиграмма направлена против гр. Д. И. Хвостова, в частности против его перевода «Art poétique» Буало (Наука о стихотворстве), написанного в 1804 г. и изданного многократно (1808, 1813, 1818, 1824, 1830, кроме того — в томе IV Собрания сочинений

Хвостова 1818 г., в томе IV Полного собрания сочинений 1822 г. и в томе VI Полного собрания стихотворений 1830 г.)

(Е. П. Полторацкой) (стр. 121)

Напечатано впервые в «Северной Пчеле», 1856, № 106. Автограф — на листе, подклеенном на экземпляре издания «Три новые басни Крылова», СПб., 1817 (перед титулом) — в Публичной библиотеке в Ленинграде (подарен в 1856 г. Публичной библиотеке В. П. Безобразовым), при надписи: «Елизавете Павловне Полторацкой от сочинителя» (тут же переплетены «Новые басни И. А. Крылова», СПб. 1816, ч. IV, и «Новые басни И. А. Крылова», СПб., 1816, ч. V). В конце книги опять надпись: «Елизавете Павловне Полторацкой от сочинителя». Здесь — текст сверен с автографом.

Елизавета Павловна Полторацкая — родственница Е. М. Олениной, жены начальника и покровителя Крылова.

(П. Н. Львовой) (стр. 121)

Эти стихи были воспроизведены в виде факсимиле с автографа Крылова (с его подписью) при собраниях его сочинений 1847 и 1859 гг. (плетневских). Они были, повидимому, написаны на экземпляре издания басен Крылова (скорей всего на одном из выпусков «Новых басен» 1816 г.), подаренном П. Н. Львовой. В изданиях 1847 и 1859 гг. факсимиле озаглавлено так: «Прасковье Николаевне Львовой при поднесении экземпляра Басен. 1817 года». Это заглавие, вероятно, дано П. А. Плетневым.

П. Н. Львова (впоследствии вышедшая замуж за К. М. Бороздина) — дочь поэта и архитектора Н. А. Львова, друга и свойственника Державина. После смерти своего отца (1803) она жила в доме Державиных, где с ней, конечно, не мог не встречаться и Крылов, связанный с Державиным по «Беседе».

«Полезен ли другим...» (стр. 121)

Напечатано в книге «Жизнь и сочинения И. А. Крылова» М. Лобанова, 1847, стр. 64; см. также «Сын Отечества», 1847, ч. I. Здесь Лобанов говорит: «На одной брошюре «Некоторые мысли о сущности басни», изданной одним из плохих наших баснописцев и ему (Крылову) в дар присланной, которая теперь хранится у меня, написано его рукою следующее...» — и далее текст двустишия. Лобанов имел в виду оттиск статьи гр. Д. И. Хвостова, помещенной в «Трудах Вольного Общества любителей Российской словесности» (или — «Соревнователь просвещения и благотворения»), 1819, ч. VI, стр. 35—48 (см. «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии Наук», 1869, т. VI, стр. 218, и Каллаш, т. IV, стр. 345). Слово «творцу» во втором стихе эпиграммы Крылова означает — автору (статьи)

Эпиграмма рецензенту поэмы «Руслан и Людмила» (стр. 121)

Напечатано без подписи в «Сыне Отечества», 1820, ч. 64 стр. 233, вместе с эпиграммой Дельвига — тоже анонимной — на эту же тему.

А. И. Тургенев писал 17 сентября 1820 г. П. А. Вяземскому: «Вот тебе эпиграмма, недостойная ее автора, Крылова:

Напрасно говорят, что критика легка.
Я критику прочел «Руслана и Людмилы»:
  Хоть у меня довольно силы,
  Однако ж для меня ужасно как тяжка.

Не лучше ль: «тяжела»?». («Остафьевский архив», СПб., 1899, т. II, стр. 71).

Пушкин в предисловии ко второму изданию «Руслана и Людмилы» (1828) писал о своей поэме: «При ее появлении, в 1820 году, тогдашние журналы наполнялись критиками, более или менее снисходительными»; к этому месту он сделал примечание: «Одна из них подала повод к эпиграмме, приписываемой К ***». Затем он привел текст эпиграммы по «Сыну Отечества». В письме к Гнедичу от 4 декабря 1820 г. Пушкин писал: «Поэму мою, напечатанную под вашим отеческим надзором и поэтическим покровительством, я не получил — но сердечно благодарю вас за милое ваше попечение. Некоторые №-ра Сына доходили до меня...» И ниже опять о статье в «Сыне Отечества»: «Согласен со мнением неизвестного эпиграммиста — критика его для меня у ж а с н о к а к т я ж к а». Это замечание Пушкина указывает как будто на то, что он считал эпиграмму Крылова ответом на статью Воейкова в «Сыне Отечества». Но Пушкин, находившийся на юге, мог быть сам недостаточно осведомлен; с другой стороны, несколько затрудняет это предположение то, что эпиграмма Крылова была напечатана в том же «Сыне Отечества». Может быть Крылов имел в виду не статью Воейкова, а статью Каченовского, помещенную в «Вестнике Европы». П. А. Плетнев определенно говорит об авторстве Крылова («Иван Андреевич Крылов» и «Жизнь и сочинения Крылова». — «Сочинения и переводы П. А. Плетнева», 1885, т. II, стр. 19 и 87); см. еще об эпиграмме Крылова — «Отечественные Записки», 1853, стр. 89, июль. Смесь, стр. 27; «Современник», 1854, т. 43, ч. I, стр. 89 (В. Гаевский) и 1857, т. 63, ч. V, стр. 72 (М. Лонгинов). Плетнев пишет: «Иван Андреевич без сомнения лучше других умел ценить высокий талант Пушкина» (указ. соч., стр. 19). На самом деле, вопрос об отношении Крылова к творчеству Пушкина несколько сложнее. Крылов старый скептик, может быть одинаково враждебный в своем демократическом нигилизме и шишковской сановной братии и аристократическим либералам Арзамаса, с одинаковой готовностью комплиментировал и тех и других. Образовав свои литературные вкусы и симпатии еще в XVIII в. под знаком буржуазного радикализма, он не мог вполне сочувствовать романтическим новшествам. Но он хвалил Пушкина, как он хвалил и Жуковского, может быть при-

знавая к тому же силу их дарования; он, беседчик, участвовал ведь и в «Северных Цветах». До нас дошел рассказ о том, как Пушкин читал Крылову своего «Бориса Годунова». Пушкин знал, что романтическая драма не понравится Крылову. Старик хвалил бчастности. Пушкин спросил: «Верно вам не нравится мой Борис?» — Крылов, вместо прямого ответа, рассказал анекдот о проповеднике, который говорил, что всякое создание божие — верх совершенства. К нему подошел человек с горбами спереди и сзади и спросил: «Я тоже верх совершенства?» Проповедник ответил: «Между горбунами ты — совершеннейший горбун». — «Так и твоя драма, Александр Сергеевич, — она наипрекрасна в своем роде» («Русская Старина», 1870, ч. II, стр. 88). Версия рассказа—С. А. Соболевского, следовательно, более или менее авторитетная; Соболевский добавляет: «Это было при Жуковском». В той же «Русской Старине» 1870 г., несколько раньше—ч. I, стр. 472 — этот же случай передан иным лицом. Кроме того А. М. Каратыгина (Колосова) вспоминала впоследствии, что «уже в начале тридцатых годов Александр Сергеевич при И. А. Крылове читал у нас своего «Бориса Годунова» («Русская Старина», 1880, июль, стр. 571). Кстати, анекдот о горбуне и проповеднике есть в «Письмовнике» Курганова — см. В. Каллаш, «Источник одного устного аполога Крылова» — «Русский Архив», 1909, № 6. На том же примерно мотиве основана и эпиграмма Илличевского — «Вестник Европы», 1814, ноябрь. — Первоначальная редакция о Кюхельбекере — см. В. Гаевский, «Пушкин в лицее», — «Современник», т. XCVII, отд. I, стр. 147—148). Впрочем, может быть именно «Руслана и Людмилу», поэму, завершающую традицию сказочных поэм конца XVIII — начала XIX в., Крылов мог «принять» легче, чем позднейшие произведения Пушкина.

Отрывок из «Одиссеи» (стр. 122)

Напечатан по автографу Крылова И. П. Быстровым в «Северной Пчеле», 1845, № 203, стр. 812.

Современники, писавшие о жизни Крылова, рассказывают, что он уже около 50 лет от роду изучил сам без посторонней помощи греческий язык (Ср. В. В. Каллаш, Переводы И. А. Крылова из Плутарха и Платона, «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1905, т. X, кн. 3); это было в 1819—1820 г. По поводу перевода Крылова из «Одиссеи» И. П. Быстров сообщает: «Когда А. Н. Оленин изъявил свое намерение издать в свет, в буквальном русском переводе, Одиссею с рисунками греческих древностей, то Иван Андреевич не прочь был от любимой мысли своего начальника-друга, и перевел из этой поэмы экзаметром двадцать семь стихов первой песни... По словам И. А., экзаметр ему не дался. «Я не могу сладить с этим Голиафом», говаривал иногда Иван Андреевич». Может быть именно этим неполным овладением гекзаметром можно объяснить то обстоятельство, что 20-й стих крыловского отрывка повидимому нарушает размер: в нем лишняя стопа (или слово), — повидимому — лишнее слово «один»; впрочем, это слово могло быть устранено из него, и рукопись просто не отразила этого, или же Быстров

неверно здесь прочел ее? (Возможно, однако, и другое чтение стиха, при котором он окажется правильным метрически, хотя с насилием над ударением: «Тōлькŏ Пŏсēйдŏн ŏдйн гнēвēн жēстŏкŏ бы̆л к Одиссēю».)

Перевод Крылова соответствует первым стихам 1-й песни греческого текста поэмы. Перевод «Илиады» гекзаметром, выпущенный Гнедичем в полном виде в 1829 г. — но известный Крылову еще в 1810-х гг. (первые отрывки гекзаметрического перевода — в «Чтении в Беседе» — ср. известные статьи о гекзаметре и переводе Гомера Уварова, Капниста, Гнедича), поставил перед русской литературой вопрос о передаче «Одиссеи» размером подлинника. Жуковский принялся за свою «Одиссею» в 1842 г., а появилась она в печати в 1848—1849 гг. (ср. отрывки перевода Жуковского из «Илиады» — 1828 и 1849—1850 гг.).

Получив от Гоголя крыловский отрывок (опубликованный Быстровым), Жуковский писал Гоголю 19/31 марта 1846 г. («Отчет Публичной библиотеки» за 1887 г., СПб., 1890, приложение, стр. 44): «Отрывок перевода Крылова из «Одиссеи» хорош, но думаю, что мой перевод, при такой же точности, опрятнее. Наш дедушка Крылов не подмел горницы: убрал ее прекрасно, да на полу валяются бумажки». В этом отзыве сказалась точка зрения карамзиниста, поэта, стремившегося прежде всего к музыкальности и легкости стиха, сентиментализировавшего в духе примиренческого умиленного дворянского сентиментализма любую тему и любую художественную культуру. В самом деле, в переводе Крылова, всю жизнь боровшегося с заглаженной, салонной эстетикой карамзинизма и его предшественников, нет вовсе того приближения греческой поэмы к канонам эстетизированной речи карамзинской школы, того смягчения языка, которые характерны для перевода Жуковского. Отрывок Крылова написан в духе несколько архаическом, торжественном (славянизмы); его язык передает тяжеловесную архаику и даже простоту Гомера. Так, например, если Жуковский пишет:

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен. . .,

то у Крылова не «скажи», а «поведай», у Крылова не «святой», а «священный», не «разрушен», а «испровернут»; Крылов пишет: «им понесенны» «странствия многи». Дальше, если у Жуковского — «Многих людей города посетил и обычаи видел», то у Крылова не города, а «много градов», и тут же совсем простое «и обычаев разных народов»; и далее — вместо эстетического «много и сердцем скорбел на морях» — у Крылова простое: «Много, носясь на морях», а конец стиха в высоком стиле: «претерпел сокрушений сердечных. . .» Таково же взаимоотношение обоих переводов и в остальных стихах; характерны такие места: у Жуковского товарищи Одиссея — «безумцы», слово условно-литературного языка; у Крылова — «буйные!» — слово, перенесенное притом в начало стиха из предыдущего, — звучащее энергичнее, архаически-грубее. Жуковский пишет: «съевши быков Гелиоса, над нами ходящего

бога»; у Крылова же не «быков», а «тучных волов», не «съевши», а «пожрали»; вместо Гелиоса (в греческом тексте Ἥλιος), у Крылова сначала было: «светозарного Феба», но потом эта эффектно эстетическая формула заменяется архаистическим примитивом: «высокого солнца». Вместо элегантной перифразы Жуковского «День возврата у них он похитил», у Крылова проще, прямее: «Он навек обрек их не видеть отчизны». Ст. 9—10 у Жуковского даны совсем в духе идиллии: «Скажи же об этом что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза». У Крылова — и архаичнее и без украшающего эпитета: «Ты, богиня и Диева дщерь, нам все то поведай», и т. д. Там, где у Жуковского сентименталистическая «милая жена», — у Крылова лишенное этого колорита строгое выражение: «верная супруга». Характерна такая замена в тексте Крылова: сначала он написал в ст. 15: «В темных прохладных пещерах», но потом исправил вместо «темных» — «утлых» (исправление «прекрасных» вместо «прохладных» сделано, по словам И. П. Быстрова, рукой А. Н. Оленина, но следует принять его в основной текст, так как Крылов не устранил его, т. е. признал. Кстати замечу, что слово «мудрого» в ст. 1 перевода Крылова, по указанию И. П. Быстрова, было написано рукой Крылова сверху над словом «хитрого»; это указание следует, видимо, понимать в том смысле, что вариант «хитрого» не был зачеркнут Крыловым; я полагаю, однако, что надписание Крыловым слова «мудрого» сверху явилось одним из моментов авторского исправления текста). Характерно сопоставление и такого места обоих переводов: у Жуковского: «Но где и в объятиях верных друзей он все не избег от тревог»; у Крылова без «объятий» и т. п., но с архаической «дружиной»: «И тут не избегли трудов и злосчастий Он и дружина его». Характерно также, что Крылов, стремящийся к руссификации языка перевода («дружина»), переводит не «экатомба», а «стотельчная жертва» (т. е. жертва из ста тельцов).

(В. П. Ушаковой) (стр. 122)

Напечатано А. Н. Петровым в «Русской Старине», 1870, ч. I, стр. 471), в тексте статьи «Послание Ив. Андр. Крылова к Варв. Петр. У-ой» (в книге «Павловск. Очерк истории и описание», 1877, стр. 217 и стр. 589, — послание было перепечатано очевидно из статьи А. Н. Петрова).

Наконец, по списку (из «Старинного рукописного сборника») послание было напечатано опять в «Русской Старине», 1900, сентябрь, стр. 484 («Стихи, приписываемые И. А Крылову»). Я даю текст А. Н. Петрова.

В своей статье А. Н. Петров рассказывает, что «в одном из двадцатых годов» Крылов был приглашен на несколько дней в Павловск, где жило царское семейство (вероятно, мать Александра I, Мария Федоровна) и где он «три или четыре дня сряду читал по вечерам на половине императрицы свои басни и отрывки из комедий. В один из таких вечеров он получил приглашение к обеденному столу по случаю предстоящего праздника в импера-

торской фамилии. В ночь накануне этого обеда Крылов был укушен мухой. На лице оказалась большая опухоль, с которой нельзя было явиться во дворец. В назначенный день утром Крылов послал словесное извещение о постигшем его несчастии фрейлине В. П. У-ой (т. е. Ушаковой), прося ее объяснить о причине его отсутствия, если императрица обратит на это внимание. Вместе с тем Крылов написал шуточное послание, которое велел передать В. П. не запечатанным, давая тем понять свое желание, чтобы посланию этому не было придано значения письма и чтобы оно было прочтено другим фрейлинам... За обедом отсутствие Крылова было замечено императрицей, и когда ей объяснены были его причины и послание Крылова, она много смеялась и тотчас же приказала послать Крылову фруктов и конфет».

В. П. Ушакова, фрейлина Марии Федоровны, была дочерью одного из воспитателей ее сыновей. Крылов гостил в Павловске у царицы в 1823 г.

«Ест Федька с водкой редьку...» (стр. 123)

Напечатано впервые В. В. Каллашем в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1904, кн. II (ср. «Русская Старина», 1905, т. 122, ч. II., стр. 681. Л. К. Ильинский, Эпиграммы и эпитафии И. А. Крылова). Автограф — в Публичной библиотеке в Ленинграде (из бумаг Стояновского, принадлежавших раньше Олениным). На автографе помета: «Приютино 16 августа 1825 года» и приписка А. Н. Оленина: «Составлено и написано для шутки И. А. Крыловым». Приютино — дача, «мыза» А. Н. Оленина под Петербургом.

Эпитафия «Как утром на цветах...» (стр. 123)

Напечатана в альманахе Дельвига «Северные Цветы» на 1829 год с подписью: «И. Крылов».

«Про девушку идет худая слава...» (стр. 123)

Напечатана в брошюре «Vers chantés et récités... S. Pétersbourg, 1830». Здесь стихотворение названо по-французски «Thalie» (т. е. Талия, муза комедии).

К «Русской Старине» за 1878 г. (месяц июнь) приложено факсимиле этого стихотворения с автографа, хранящегося в Пушк. Доме. В Публичной библиотеке в Ленинграде хранится спис к его с карандашными поправками Крылова. В Публичной же библиотеке хранится чистовой автограф «Талии» (из бумаг Н. И. Стояновского, прежде принадлежавших Олениным), дающий, очевидно, наиболее авторитетный текст, который я и воспроизвожу. При рукописи надпись (наклеена) А. Н. Оленина: «Стихи, говоренные Ив. Анд. Крыловым Государыне Императрице Александре Феодоровне, в день данного ее величеству нечаянного маскарада в Аничковском дворце (4 генв. 1830 г.) ее и. высочеством в. к. Еленою Павловною. Сей черновик писан и поправлен рукою автора И. А. Крылова, представлявшего в кадрили ее и. высочества — музу Талию». Остальные сведения

об этом стихотворении сводятся к тому же: Крылов, исполняя желание невестки царя, Елены Павловны, «явился в очаровательном маскараде», устроенном ею и ее мужем, Михаилом Павловичем, и произнес стихи царице (и царю — по книжке Григоровича «Дедушка Крылов», 1845, стр. 38), будучи наряжен Талиею, музою комедии («Лица, певшие или читавшие свои стихи на этом маскараде, изображали греческих богов, богинь и полубогов» В. Кеневич, Маскерадные стихотворения И. А. Крылова, «Русский Архив», 1866, стр. 1336). «Вообразите Крылова, одетого музою Талией, со всею строгостью древнего греческого костюма, которая, с хором других муз неожиданно предстает пред императрицей, — и вы почувствуете цену стихов сих...», — писал Гнедич 20 февраля 1830 г. к А. П. Зонтаг (см. Каллаш, т. IV, стр. 351).

На этом же маскараде было прочитано и пето еще девятнадцать стихотворений разных авторов (см. брошюру «Vers chantés et recités», 1830), шестнадцать стихотворений — на французском языке, на русском — кроме крыловской «Талии» и анонимного четверостишия «Водолей» («Le Verseau») — «Циклоп» Пушкина. В стихе десятом «Талии» Крылов выставляет в смешном виде свою собственную толщину. В целом стихотворение «Талия» — придворный мадригал царской семье, заключающий лесть, лицемерное восхищение, искусственное шутовство.

«Мой друг, когда бы был ты бог...» (стр. 124)

Напечатано впервые в «Русском Архиве», 1869 (стлб. 074), в заметке И. Ханенко «Эпиграмма Крылова».

В «Библиотеке для Чтения» за 1834 г. (т. VII, отд. I, стр. 131—132) было помещено стихотворение М. Деларю «Красавице. Из Виктора Гюго» (перевод стихотворения «A une Femme» из сборника «Feuilles d'Automne»); вот его текст:

Когда б я был царем всему земному миру,
Волшебница! тогда б поверг я пред тобой
Все, все, что власть дает народному кумиру:
Державу, скипетр, трон, корону и порфиру
　　За взор, за взгляд единый твой!
И если б богом был — селеньями святыми
Клянусь — я отдал бы прохладу райских струй,
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
　　За твой единый поцелуй!

Поэт и ханжа, А. Н. Муравьев возмутился «антирелигиозностью» этих стихов, и дело дошло до митрополита (Серафима), который «испросил у государя особенную аудиенцию, прочитал ему вышеприведенные стихи и умолял его, как православного царя, оградить церковь и веру от поруганий поэзии» (А. В. Никитенко, Записки и дневник», 1904, т. I, стр. 256—257). Николай I приказал посадить на гауптвахту цензора, пропустившего стихи, А. В. Никитенко, который и отсидел восемь дней (с 17 по 25 декабря). Что-

же касается Деларю, то он был удален с места службы. Дело приобрело широкую огласку и вызвало немало возмущения среди всех не окончательно придавленных николаевским режимом. Именно по этому поводу «Крылов написал карандашом на книге два стиха» — сообщает И. Ханенко со слов «очевидца», П. А. Львова, родственника Олениных.

В «Дневнике» Пушкина под 22 декабря 1834 г. записано: «Цензор Никитенко на обвахте под арестом и вот по какому случаю: Деларю напечатал в Библ. Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: Если де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои. Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина — Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг, когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это все равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадриль» («Дневник А. С. Пушкина», 1923, стр. 66. О цензурной истории стихотворения Деларю см. также в «Историческом Вестнике», 1885, июнь, стр. 650—651, А. А. Малышев, Из воспоминаний о прошлом; «Русская Старина», 1880, сентябрь, стр. 217, статья Ф. М. Деларю, М. Д. Деларю и А. С. Пушкин; там же, октябрь, стр. 426, — заметка Н. Н. Мурзакевича, и там же 1881, январь, стр. 191; в особенности же у Никитенко в указанном месте).

«По части кравческой, о царь, мне речь позволь»...» (стр. 124)

Напечатано впервые в «Русском Архиве», 1866 (стр. 1338) В. Кеневичем по тексту, полученному им от Савельева («Маскерадные стихотворения И. А. Крылова»). В Институте русской литературы Акад. Наук, в числе автографов Крылова, принадлежавших также когда-то Савельеву, находится черновик этого стихотворения, написанный на обороте записки, приглашающей Крылова на обед к гр. С. В. Строгановой 3 января 1836 г. Этот черновик дает возможность исправить явную ошибку текста Кеневича (или, может быть, описку в том тексте, с которого он печатал), а именно заменить в конце ст. 20 слово «награды», не подходящее и оставляющее без рифмы также ст. 16, словом «наживы», и восстанавливающим рифменную связь ст. 16 и 20, и более подходящим по смыслу. Что же касается ст. 10, в котором в тексте Кеневича нехватает по размеру одного слога после слов «С ней к году...», то в черновике вообще нет стихов, соответствующих ст. 10—11 текста Кеневича. В тексте Кеневича есть еще одна явная опечатка: «пример» вместо «примера» (в ст. 12); эта опечатка, конечно, должна быть исправлена.

Стихотворение «По части кравческой» было прочитано Крыловым на придворном маскараде (в 1836 г.), на котором Крылов был одет боярином-кравчим, в длинном кафтане, шитом золотом,

в красных сапогах, с подвязанною седой бородой. Современники рассказывают, что Крылов не мог придумать, как бы ему одеться на маскарад. Наконец, делу помог известный актер Каратыгин, придумавший костюм боярина-кравчего (см. у Кеневича и Каллаша, т. IV). Однако все это едва ли соответствует действительности: костюмы в придворных маскарадах, конечно, не придумывались гостями, а предписывались режиссурой; это подтверждается и письмом к Крылову от гр. А. Н. Толстого, гофмейстера вел. кн. Елены Павловны от 18 февраля 1842 г., в котором он от имени в. княгини приглашает Крылова «принять участие в назначенном 24 февраля маскараде в кадриле знаменитых поэтов в костюме русского боярина» (Кеневич, стр. 341; подлинник—в Институте русской литературы Акад. Наук). Придворный праздник 1836 г. был устроен, как сообщает Кеневич, «по английскому обычаю: кому достался кусок пирога со спрятанным в нем бобом, тот и был царем праздника. К этому-то царю Крылов и обращает речь». Однако, конечно, на самом деле стихотворная речь Крылова, под видом шутки содержавшая лесть, обращена была к Николаю I. Кеневич пишет дальше: «Стихотворение это государь выслушал с видимым удовольствием». На этом же вечере Крылов прочитал ненапечатанную по цензурным условиям басню «Вельможа» и получил разрешение напечатать ее.

В книжке Григоровича «Дедушка Крылов», СПб., 1845, воспроизведен рисунок Агина, изображающий Крылова в костюме кравчего на придворном маскараде.

(Эпитафия Е. М. Олениной) (стр. 125)

Эпитафия, написанная Крыловым, была вырезана на надгробном памятнике Олениной в Александро-Невской лавре; напечатана в «Петербургском Некрополе» вел. кн. Николая Михайловича, 1912, т. III, стр. 303—304, с текста памятника, подпись: «К-ъ», и еще раньше у Н. Н. Бантыша-Каменского в «Словаре достопамятных людей русской земли», 1847, ч. II, стр. 191, в биографии Крылова. Рукопись (список) — в Публичной библиотеке в Ленинграде (из бумаг М. И. Стояновского), с подписью и пометой (рукой А. Н. Оленина): «6 января 1839 года»; там же — автограф Крылова (собрание автографов) (ср. в «Отчете Публичной библиотеки за 1893 г.», стр. 170, и Каллаш, т. IV, стр. 355).

Здесь дан текст «Петербургского Некрополя».

П. А. Плетнев пишет о Крылове: «В последний раз сидел он над рифмою через пять месяцев после своего юбилея. Это было одно из самых грустных для него событий: 3 июля 1838 года скончалась Е. М. Оленина. Он почтил ее прах эпитафиею» («Сочинения и переписка П. А. Плетнева», 1885, т. II, стр. 105). Елизавета Марковна Оленина — жена А. Н. Оленина, начальника Крылова по Публичной библиотеке и его «покровителя». В доме Олениных Крылов был своим человеком. Его дружба со всей Оленинской семьей продолжалась много лет.

Эпитафия Крылова повторяет обычный тип традиционных

стихотворений этого рода начала XIX в. Ср., например, ряд эпитафий Державина, эпитафию Н. Остолопова («Прежние Досуги», 1816, стр. 50) и др.

«Убогий етот дом...» (стр. 125)

Напечатано впервые В. В. Каллашем в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1904, т. IX, кн. 2, стр. 292; ср. «Русская Старина», 1905, т. 122, ч. II., стр. 681, Л. К. Ильинский, Эпиграммы и эпитафии И. А. Крылова. Автограф находится в Публичной библиотеке в Ленинграде, среди бумаг Н. И. Стояновского, принадлежавших ранее Олениным. Над текстом автографа надпись рукою А. Н. Оленина: «Крыловым. Переведено то же, что на следующем листе»; по следующего листа нет, так как автограф вырезан и наклеен на один лист с другими мелкими стихотворениями. В самом деле, эпиграмма Крылова не оригинальна; ее тема и острие не один раз были использованы до Крылова, создав целую традицию своего рода странствующего эпиграмматического мотива. Французский поэт XVII—XVIII в. Баратон (Baraton) написал эпиграмму на Ролена — «Raulin, chancelier du duc de Bourgogne. Sur l'hôpital de Beaune».

Si Raulin a fait ériger
De ce vaste hôpital le superbe édifice,
C'est par un esprit de justice:
Lui qui fit tant de gueux devait bien les loger.

(«Acanthologie ou dictionnaire épigrammatique», p. 255).

Дальше, чем эпиграмма Баратона, сходная с крыловской, стоит от нее эпиграмма на Неккера, знаменитого государственного и финансового деятеля при Людовике XVI.

«Sur M. Necker, qui, par des suppressions, réduisait tout le monde à la besace, tandis que sa femme fondait des hôpitaux», 1780:

De ce couple admirez la rare intelligence:
Dans leur zèle l'une établit
Par-tout des hôpitaux en France;
L'autre d'habitans les remplit.

(там же, стр. 213).

Еще раньше эпиграммы на Неккера и, может быть, в зависимости от эпиграммы Баратона была написана «Эпиграмма» Сумарокова:

Построил ныне ты пространной госпиталь,
Достойно то хвалы, того лишь только жаль,
Кого ограбил ты, все в оном быть те льстятся,
Что бедные они в нем все не уместятся.

«Ежемесячные Сочинения», 1756, июнь. — Потом в Полном собрании сочинений 1781 г., т. IX — и во 2-м издании 1787 г., т. IX). Ср. с этим притчу Сумарокова (кн. V, притча 29), относящуюся к последнему периоду его творчества:

Мздоимец

Мздоимец, некогда, состроил госпиталь:
И многие войти в сие жилище льстятся:
Да етова мне жаль:
Ограбленные все им там не поместятся.

(Полное собрание сочинений, 1781, и 2-е изд. 1787, т. VII. Ср. в сатире Сумарокова «Кривой толк», ст. 14: «Скупой, ущедрившись состроит госпиталь», «Трудолюбивая Пчела», 1759, стр. 561, с названием «Сатира»; потом в «Сборнике сатир» А. Сумарокова 1774 г.; потом в томе VII Полного собрания сочинений 1781 и 1787 гг.).

В 1771 г. в журнале В. Г. Рубана «Трудолюбивый Муравей», на стр. 175 (№ 22), была напечатана статейка «Ростовщик» на ту же тему, с подписью: «Перевод И. М.»; эта статейка представляет собою перевод басни Геллерта (C. F. Gellert, 1715—1769) «Der Wucherer».

Басню Геллерта перевел стихами Хемницер «Кощей» («Басни и сказки N. N.», 1782, и ранее [1779] анонимно, потом — с именем автора в 1799 г. и тоже с именем в 1811 г. Добавлю, что в журнале А. Кропотова «Демокрит», СПб., 1815, ч. II, кн. 6, стр. 186—187, помещен «анекдот», излагающий ту же тему; богач, построивший госпиталь, — здесь еврей Абрам. Эпиграмма Крылова ближе всего к эпиграмме (и басне) Сумарокова и к эпиграмме Баратона. «Убогий дом» в ст. 1 у Крылова — конечно, дом для убогих.

Фамилия Злов воспринимается как вымышленная, характеризующая (по обычаю многих эпиграмм) героя данного сатирического стихотворения. Однако не эпиграмматическое и похожее на реальное имя и отчество, Василий Климыч, может быть ведет нас к подлинному адресату крыловской эпиграммы; фамилия же Злов действительно существовала. В начале XIX в. пользовался большим успехом актер и певец Петр Васильевич Злов (1774—1823), учившийся в Московском университете (см. Русский Биографический словарь). Другие Зловы отмечены в «Московском Некрополе», 1907, т. I. Конечно, все это еще ничего положительного не говорит, и вполне может быть, что фамилия в крыловской эпиграмме — литературная, вымышленная, но не исключена и другая возможность.

«Вот вам стихи!..» (стр. 125)

Напечатано в «Русской Старине», 1890, август, стр. 397 (сообщил П. М. Устимович), из альбома дочери А. Н. Оленина — Анны Алексеевны, где эти стихи написаны ее рукой с подписью: «Экспромт И. А. Крылова».

Эпиграмма: «Федул твердит, что Фока плут» (стр. 126)

Плетнев напечатал это стихотворение в Собрании сочинений Крылова 1847 г., т. II, в числе стихотворений, взятых из журналов и сборников; между тем он не указал, откуда он перепечатал эту эпиграмму, указав, откуда взяты другие стихотворения этого отдела. Поиски эпиграммы в журналах и сборни-

ках конца XVIII — начала XIX в. не дали результата. Поэтому приходится пользоваться текстом Плетнева.

Эпиграмма Крылова неоригинальна. Это видно из того, что у Панкратия Сумарокова есть эпиграмма, явно восходящая к тому же источнику («Аониды», 1798—1799, кн. III, стр. 297 — в числе 14 эпиграмм с подписью «П. С.»; потом в «Собрании русских стихотворений, изданном Василием Жуковским», 1811, ч. V, стр. 289; потом в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1822, ч. VI, стр. III; потом — в «Стихотворениях Панкратия Сумарокова», СПб., 1832, стр. 108).

ТРЕТИЙ ОТДЕЛ

(стр. 127 — 189)

Подщипа (стр. 129—162)

Автограф шуто-трагедии «Подщипа» не дошел до нас. При жизни Крылова пьеса не была напечатана. Впервые она была издана крайне неисправно и, видимо, с плохого списка, в Берлине в 1859 г.: «Трумф, трагедия в двух действиях И. А. Крылова», Берлин, 1859. Ferdinand Schneider. Издание Подщипы за границей объяснялось тем, что в этой пьесе видели сатиру на Павла I и его эпоху. Берлинское «эмигрантское» издание сделало ее еще в большей мере «запретным плодом», как замечал в 1871 г. В. Ф. Кеневич, стараясь «оправдать» Крылова и снять с его пьесы политическое «обвинение». Кеневич оправдывался и сам, потому что речь идет о его предисловии к переизданию «Подщипы» в «Русской Старине», 1871 (февраль). Здесь он писал: «Настоящий список «Подщипы или Трумфа» делан мною с рукописи, доставленной академику Я. К. Гроту Леонидом Михайловичем Лобановым, сыном сослуживца и приятеля Крылова, Михаила Евстафиевича, автора известной биографической статьи: «Жизнь и сочинения И. А. Крылова». СПб., 1847. Рукопись эта написана неизвестною рукою, не писарскою, со множеством поправок, из коих многие несомненно принадлежат Крылову; на заглавном листе находится свидетельство о времени сочинения пьесы: «Сочинена в Казацком в 1800 г.».

Как мы видим, текст, бывший в руках Кеневича, был достаточно авторитетен. Между тем Кеневич счел возможным внести в него некоторые изменения из берлинского издания и из двух неполных списков, находившихся в бумагах Державина (в одном из них, по словам Кеневича, о д н а н е з н а ч и т е л ь н а я поправка рукою Крылова).

К счастью, Кеневич оговорил эти изменения в примечаниях, где привел и варианты к лобановской рукописи из берлинского издания и обоих державинских списков. Некоторые варианты к тексту Кеневича из старых списков сообщил Г. Н. Нордштейн в «Русской Старине», 1871, ч. III, стр. 643—646 (ср. еще поправки к тексту Кеневича: «Русская Старина», 1871, ч. III, стр. 394 и 536). Затем в 1880 г. пьеса была издана отдельно («Трумф, комедия в

двух действиях. Сочинение И. А. Крылова». СПб., 1880), «со старинного списка», мало авторитетного. В. В. Каллаш в своем Полном собрании сочинений И. А. Крылова (1904, т. I) контаминировал лобановский текст с другими списками (списков пьесы, вообще говоря, сохранилось немало.)

Я даю здесь лобановский текст, очищенный от всех изменений, в том числе тех, которые внес еще Кеневич. В немногих случаях все-таки приходится отступать от этого текста.

Я принимаю и название лобановского списка «Подщипа», а не «Трумф», как в изданиях 1859 и 1880 гг. и как пьесу называют современники. «Подщипой» же названа пьеса и в обоих державинских списках.

Шуто-трагедия Крылова была сочинена для любительского спектакля в имении С. Ф. Голицына — Казацком, где Крылов жил в качестве не то секретаря, не то учителя, не то приживальщика. Сам Крылов играл роль Трумфа, М. П. Сумарокова (см. здесь стр. 380) — роль цыганки (так вспоминала она сама; см. Я. К. Грот, «Труды», 1901, т. III, стр. 241—242).

Стр. 133: в стряпушьей — т. е. в кухне.

Стр. 132: Ваперы — т. е. vapeurs (франц.), головокружение — истерика.

Ст. 134: сочни — в лобановском списке — «слизни»; вариант «сочни» дает Нордштейн (так же и в издании 1889 г.); я считаю возможным принять вариант «сочни», руководствуясь смыслом: по словарю Российской Академии XVIII в. слово «слизень» означает червя, а слово «сочень» — «лепешка, намазанная сверху густым соком из семян, или испеченная из теста, на соку растворенного» («Словарь Академии Российской», 1794, ч. V, стр. 530 и 638).

Стр. 145: Отымалка — тряпка для вынимания горшков из печи, снимания их с огня.

Стр. 147: Таланлива (в тексте Кеневича «талантлива», явная ошибка) — счастлива, удачлива, от слова талан — счастье, удача.

Стр. 153: Перебяка — колотушка; ср. у Сумарокова о героикомической поэме: «Парис Фитидину дал сыну перебяку» (Епистола «О стихотворстве», Полное собрание сочинений, 1787 т. I, стр. 344).

Стр. 155: Рифалем — т. е. ривалем, соперником (от франц. — rival).

Стр. 162: Ну, что ж, к венцу? и т. д. — Этот стих в издании 1859 г. читается, как кажется, более правильно с точки зрения смысла:

Викула

Ну, что ж? к венцу!

Слюняй

Поздем.

Подщипа

Чего ж теперь годить?

Лентяй (стр. 163—189)

Напечатано в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1869, т. II, по рукописи, сохранившейся у наследников А. Н. Оленина, а теперь хранящейся в Публичной библиотеке в Ленинграде (в числе бумаг Стояновского). На этой рукописи рукою А. Н. Оленина сделана надпись:

Лентул усталости не знает,
Лежит и ночь и день:
Но ничего не прозевает,
Затем, что рот разинуть лень.

Неизвестно, чьи это стихи. На бумаге рукописи водяной знак: 1800. Я даю текст по рукописи.

М. Лобанов («Жизнь и сочинения И. А. Крылова», 1847, стр. 45) рассказывает, что Крылов «еще прежде «Модной Лавки», написал три действия комедии в прозе «Ленивый». Он читал ее в доме графа Чернышева. Замечательно, что герой комедии еще не являлся в продолжение первых трех действий, и неизвестно, в котором действии вывел бы его сочинитель. Чтение этой комедии принесло величайшее удовольствие слушателям, и автор был осыпаем похвалами, но мы не услышим ни одного слова из этого произведения: оно погибло невозвратно. Автор, уходя из дома графа, забыл измаранные свои тетради в прихожей, и, подражая герою своей комедии, или, лучше сказать, будучи сам образцом ему, долго не требовал ее, а когда потребовал, то узнал, что служители того дома, видя валяющиеся в прихожей измаранные бумаги, издержали их, до последнего листа, на обвертку свечей.

«Еще к литературным невозвратным утратам надобно причислить две сцены из комедии в стихах, которую (помнится в 1820 году или еще несколько позже) задумал он написать. Названия комедии не помню, да едва ли она имела название, но эти две сцены читал мне И. А. Я только то помню, что сцены шли отменно живо, что стихи этих сцен равняются совершенством стихам лучших его басен.

«Впоследствии времени я просил у него этих отрывков, но он отвечал: «Не знаю, куда они девались! Уж не Фенюша ли их прибрала?» По выезде его из дома Имп. Публичной библиотеки, когда уже сторожа принялись лопатами и метлами чистить его чердак, помня об этих драгоценных отрывках и еще надеясь их найти, я бросился туда, перебрал все изорванные бумаги, но их не нашел».

По этому поводу В. В. Каллаш пишет (т. I, стр. 496): «Повидимому, память изменила Лобанову, и он разъединил одно и то же произведение. Заглавие «Ленивый», отсутствие героя на сцене в течение первых действий, время сочинения, живые сцены, написанные стихами, — все это вполне подходит к «Лентяю». Может быть Крылов забыл у Чернышева другой, более полный, список и в 1820 г. только читал Лобанову (а не написал) свою пьесу по сохранившимся черновым листкам; или сначала обработал заинте-

ресовавший его сюжет в прозе (если поверить этому указанию Лобанова), а потом вернулся к нему в стихах и успел набросать только несколько сцен.

«Во всяком случае указание Лобанова — до «Модной Лавки» и водяные знаки на бумаге позволяют приурочить эту комедию ко времени 1800—1805 или, в виду упоминания о министрах, к 1803—1805 гг. Почерк тоже может быть отнесен к этому времени».

До нас дошли лишь отрывки комедии «Лентяй» — первое действие с большим пропуском и отрывок из второго действия. Я даю сохранившийся текст целиком. К соображениям В. В. Каллаша следует добавить, что рукопись комедии написана в два приема, судя по почерку: первая часть — до явления 6-го, и вторая — значительно позднее, скорей всего около 20-х гг., начиная с 6-го явления (первого действия). В первой части отец Прелесты называется Сумбуром, во второй — Бурнаем. Это разделение текста комедии, может быть, уясняет и свидетельство Лобанова.

Комедия Крылова принадлежит к типу классических «комедий характеров», в центре которых стоит главное действующее лицо, представляющее собою воплощение чаще всего одной преобладающей страсти или одного свойства; таковы, например, «Скупой» Мольера, или «Le Méchant» Грессе, или «Le Distrait» и «Le Joueur» Реньяра, или «Le Glorieux» Детуша и др.

Стр. 166 — К у д а п р о к а з и т ъ н а м... — В рукописи явная описка: «И» вместо «съ».

Стр. 167: П о с к и м и т ь с я» — т. е. уединиться, стать монахом.

Стр. 173: Д а я у ж... — В рукописи явная описка: «уже» вместо «уж».

Стр. 179: Н е з н а е т е л ь, с у д а р ь... — После этого стиха в рукописи ошибочно написано: «явление 6».

ПРИЛОЖЕНИЯ

(стр. 191 — 275)

Отрывки из драматических пьес

Отрывок из «Кофейницы» (стр. 193—211)

«Кофейница», комическая опера в 3 действиях, была написана Крыловым в возрасте около 15 лет (1783—1784). Она была напечатана впервые Я. К. Гротом в «Сборнке Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1869, т. VI.

В Публичной библиотеке в Ленинграде хранится автограф оперы, дающий не повсюду вполне обработанный текст; по этому тексту она и была напечатана впервые не совсем исправно. Я даю текст отрывков по этой рукописи.

Опера написана в прозе с стихотворными вставками (эти вставки должны были, по обычаю того времени, петься, остальное — говориться). Я даю значительную часть стихотворного текста и некоторые куски прозаического. В прямых скобках дано мое

изложение содержания остального текста, данное для связи и для понимания приводимых отрывков.

Кофейницами назывались в XVIII в. гадалки на кофейной гуще; об их проделках и обманах писал еще новиковский «Живописец» в 1777 г. (ч. I, лист 19), причем кое-что в его описании сходно с мотивами, вошедшими и в сюжет крыловской пьесы (см. Каллаш, т. I, стр. 5—8).

Рукопись Крылова написана крайне неграмотно. Поэтому приходится исправлять правописание ее текста (то же и с пунктуацией, которая, впрочем, в рукописи почти отсутствует), сохраняя лишь те написания, которые характерны в отношении языка.

Стр. 207, строка 9 — в рукописи стих недописан: «Ты будь дружок м», «пароль донёр» — т. е. parole d'honneur — честное слово.

Отрывки из «Филомелы» (стр. 212—222)

«Филомела», трагедия в 5 действиях, в стихах, была написана Крыловым в 1786 г., когда ему было 17 лет. В основу ее положен миф о Филомеле, изложенный в «Метаморфозах» Овидия. Напечатана трагедия в «Российском Феатре», ч. XXXIX (1793). В этом же томе была помещена трагедия Княжнина «Вадим», которая была запрещена и уничтожена как в отдельном издании, так и в «Российском Феатре», из тома которого ее вырвали, захватив при этом и часть «Филомелы». Впрочем, даже такие экземпляры 39-го тома очень редки, так как их успело разойтись немного, когда весь том был составлен заново, из других пьес. Полные же экземпляры тома с «Вадимом» — величайшая библиографическая редкость.

Я даю отрывки из второго и пятого действий трагедии Крылова.

Отрывки из «Бешеной семьи» (стр. 223—225)

«Бешеная семья», опера в 3 действиях, написана Крыловым в 1786 г. и напечатана в ч. XXXIX «Российского Феатра», там же, где и «Филомела». Я даю часть стихотворных (для пения) вставок в прозаический текст.

Из комедии «Сочинитель в прихожей» (стр. 226)

Комедия в 3 действиях в прозе «Сочинитель в прихожей» написана в 1786 г. и напечатана в 1794 г. в томе XLI «Российского Феатра». В комедии изображен между прочим поэт, Рифмохват (под этим именем Крылов позднее изображал Княжнина, но здесь он не имел его в виду). Этому комическому персонажу Крылов вкладывает в уста пародийные стихи «Ветер ветра ветром гонит» (действие III, явление 1); еще раньше, в действии II, явлении 4, Рифмохват сочиняет стихи в похвалу модной барыньке, госпоже Новомодовой; он начинает: «Прекрасна красота...» и т. д.

Из комедии «Проказники» (Стр. 227)

«Проказники», комедия в 5 действиях в прозе, написана около 1788 г. и напечатана в томе XL «Российского Феатра», в 1793 г. Об этой комедии см. здесь, на стр. 356.

Во втором действии (явление 7) Плутана, ловкая служанка героини, ведущая в значительной мере интригу пьесы, произносит стихи своего сочинения (она стремится соблазнить Рифмокрада), «Сколько пчел ни налетает...» Это пародия на любовную лирику XVIII века. Плутана сама так комментирует (также пародийно) первые два стиха: «Пчелами разумею я время, дни, часы, то есть что на нее находит время, или находят часы, которые будто борются с ее красотою... Но это ясно, кажется!»

В ст. 5 з а л ь в о м значит залпом.

Между другими персонажами «Проказников», представляющими собою карикатуры определенных людей, современников Крылова, фигурирует и поэт Тянислов. Н. И. Греч пишет, что под этим именем Крылов изобразил Карабанова. Но это невероятно. Во втором действии (явление 10) Тянислов читает начало своей оды — четыре стиха: «В полунощь нощи мрак восстал...» и т. д. Эти явно пародийные стихи напоминают, как мне кажется, поэтическую манеру С. Боброва, которому свойственны и нарочитая славянщина, сочетающаяся иногда с «прозаическими» словами, и затрудненная фонетика (стечение согласных у Крылова), и напряженная образность, и повторение звуков, и стечение кратких (односложных) слов, и даже поэзия «нощи» (ср. такие, например, стихи у Боброва, правда, частью написанные после «Проказников»: «И долю дольней полпланеты» из стихов «Ночь», «Звучит на башне медь; — час нощи; — Во мраке стонет томный глас» и т. д. — оттуда же; или «Се ружей ржуща роща мчится!», спародированное Батюшковым в «Видении на берегах Леты» — из оды «Конец войны при Дунае», или краткие слова в оде «Памятник морскому герою г. Грейгу»; см. в книге Боброва «Рассвет Полночи», 1804, т. I, стр. 54 и 57, т. III, стр. 22, 43).

Американцы (стр. 228—236)

Опера комическая в двух действиях «Американцы» была написана Крыловым около 1788—1789 г.; музыку для нее написал Е. И. Фомин. Однако опера не была ни поставлена, ни напечатана в течение более чем десяти лет; она попала на сцену лишь в 1799—1800 гг. в переделке А. И. Клушина. В 1800 г. эта переделка была издана (титульный лист анонимен; предисловие подписано: «Клушин»). В предисловии Клушин писал: «Г. Крылов, известный публике своими сочинениями, сделал основание оперы «Американцы». Молодость, живость воображения и, смею сказать, некоторая небрежность в слоге и характерах были повсюду приметны.

Опера принята на театр, учена — и не была играна в течение 12 лет... Между тем меценат дарований и директор театра А. Л. Нарышкин желал дать публике новую русскую оперу. Исполняя волю

моего начальника,.. я хотел поправить «Американцев», и вылилось, что, кроме стихов, в ней не осталось ни строки, принадлежащей перу г. Крылова. Я говорю это не с тем, чтобы показать, какого уважения достойна проза моя... Но говорю для того, чтобы то, что покажется слабым и не выработанным в прозе, не было отнесено на счет г. Крылова».

Из этого заявления Клушина явствует, что стихи в опере в основном принадлежат Крылову, хотя нет все же гарантии, что они не были поправлены Клушиным.

Кое-что в «Американцах» (и в частности имя Гусман) зависит от влияния трагедии Вольтера «Альзира или Американцы».

Отрывки из оперы «Сонный порошок» (стр. 237—239)

Опера «Сонный порошок, или Похищенная крестьянка», в 3 действиях, напечатана В. В. Каллашем в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1905, т. X, кн. 2, стр. 236—296. В. Каллаш пишет:

«Первое упоминание об этой пьесе я получил от В. Н. Рогожина. Он сообщил мне, что в находящихся у него делах цензуры павловских времен под 2 сентября 1798 г. (№ 220) есть такое известие: «Сонной порошок, или Похищенная крестьянка, опера в 3 действиях, переводил с Италианского обер-офицер Иван Крылов. Подал [в цензуру] Маиор Евграф Лифанов. Из цензуры принял обратно 25 сентября 1798 г. Евграф Лифанов». Пиеса была разрешена к представлению и к печати 24 сентября, но, повидимому, напечатана не была, так как в «реестре вступающим в московскую цензуру книгам» нет отметки о выдаче билета на нее, и печатный экземпляр ее до сих пор нигде не встречался, несмотря на самые тщательные поиски.

«Перевод с итальянского, которым занимался около этого времени Крылов, обер-офицерский чин, который упоминается при имени баснописца и по другим поводам, ясно указывают на И. А. В Архиве императорских театров нам удалось разыскать рукопись этой пьесы (без имени переводчика) — к сожалению, плохую писарскую копию, с искажениями текста (на бумаге 1799 г.). Перевод в общем очень слаб и, вероятно, относится к более раннему времени, к началу литературной деятельности Крылова. Транскрипция имен указывает как будто на посредническую роль французского перевода. Стихи в большинстве случаев очень нескладны, что объясняется необходимостью подгонять слова под мотивы, слабым знанием языка оригинала, в особенности же слабостью стихотворной техники. Многое, конечно, падает на ответственность переписчика. Пиеса могла заинтересовать Крылова своими немного наивными демократическими тенденциями, в которых слышатся отдаленные отголоски речей Фигаро».

Показание Московского цензурного дела от 22 (а не 2-го, как пишет Каллаш) сентября 1798 г. об опере «Сонной порошок» опубликовано в 1922 г. в книге: «Дела Московской цензуры в царствование Павла I», 1798, в. II, стр. 50.

Опера ставилась несколько раз в первые годы XIX в.

«Московские Ведомости», 1800, № 10, стр. 251, например, говорят: «В четверток 9 февраля представлена будет комедия «Необитаемый Остров», а после новая опера, называемая «Сонной порошок». Сей Спектакль дается в счет годовых лож, но в пользу Актера и Актрисы Сандуновых». Ср. ib., 1801, № 5 (представление 18 января). С Сандуновыми Крылов был несомненно хорошо знаком.

Стр. 238, ст. 1 в подлиннике явная ошибка: «любовниц».

Илья Богатырь (стр. 240—267)

Волшебная опера в четырех действиях «Илья Богатырь» была поставлена впервые на сцене в Петербурге 31 декабря 1806 г. и издана анонимно в 1807 г. Музыку для нее написал Кавос. Опера имела значительный успех. Всевозможные сценические эффекты — превращения, чудеса, полеты, сражения и т. п., патриотически-«национальный» характер сюжета (это было время подъема национализма среди высших классов, время наполеоновских войн), комические роли Таропа и Седыря — обеспечили этот успех. «Илья Богатырь» написан по образцу шумевшей в это время «Днепровской русалки» (переделка из «Das Donauweibchen»), имевшей три продолжения. Крылов приготовил свою оперу по просьбе директора театров А. Л. Нарышкина. Еще в 1829 г. «Илья Богатырь» шел на сцене.

Стр. 252, строка 9 — исправляю явную опечатку издания 1807 г. — «не сбою тебя, мой свет».

Стихотворения, приписываемые Крылову

Стихи г-же К.... Эпиграмма, Стихи г-же К., Эпиграмма, Письмо (стр. 268—270)

Напечатаны в журнале «Лекарство от скуки и забот», 1786, ч. I, стр. 71, 72, 76, 77, 91. Перед стихотворениями — Письмо, полученное июня 19 дня:

«Уже давно погребены в моих бумагах (надобно знать, белых, для того, что я очень редко принимаюсь за перо) некоторые из моих сочинений; я их предал вечному забвению в намерении никакой не выпускать в свет, опасаясь на всякую строку по крайней мере трех дюжин критик. Но лишь только увидел ваши листы, наполненные остротою, то в тот же час честолюбие воспламенило мою душу, и я, позабыв все свои рассуждения о критиках, восхотел, дабы и мои творения имели честь быть помещены между разных прекрасных статей, наполняющих ваши еженедельные издания, и для того посылаю к вам некоторые из оных сочинений, под которыми прошу не ставить моего имени — или, нет, поставьте К. Этакое тщеславие! А я как скоро услышу об них мнение знающих особ, и оное будет в пользу сочинителя, то, конечно, потщусь быть и впредь участником в вашем достойном намерении». Редакция сопроводила это таким примечанием: «Помещая присланное в сии листы, которые таковыми прекрасными творениями новую

получат похвалу, и впредь подобное сему с должною благодарностию приемлено будет».

Приписано Крылову В. В. Каллашем на основании следующих соображений, по моему мнению вероподобных:

«1) Крылов несомненно участвовал в этом журнале, 2) из писателей на *К* в нем участвовали Карабанов и Костров, в сочинения которых эти стихотворения не вошли, 3) Крылов не раз рассказывал, что в начале литературной карьеры его очень поддержала печатная похвала редакторов журнала одному из присланных им произведений.

Каждое из пяти стихотворений подписано: «К...».

В «Письме» — в ст. 5 и 12 речь идет об упряжке четверней, которая составляла привилегию чиновных людей; в ст. 7 — «ч е с т и з н а к» — шпага, признак дворянства.

К реке М.... и Жалобы отчаянной (стр. 271—273)

Напечатаны в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», 1795, ч. V, стр. 46 и ч. VIII, стр. 349, с подписью: «К-въ» и «К-ъ», «которая из всех сотрудников этого журнала может принадлежать только Крылову», — пишет В. В. Каллаш (т. IV, стр. 458). В стихотворении «К реке М....» ст. 32 неполон; ст. 48 и 50 не рифмуют между собой.

Песня (стр. 273)

Напечатана в «Московском Зрителе», 1806, июль, стр. 67, с подписью: «К-в». Приписано Крылову В. В. Каллашем («Русский Архив», 1902, ч. I, стр. 578—579) на следующих основаниях: «1) другого сотрудника« Московского Зрителя» с подходящей фамилией мы не знаем; 2) Крылов недурно знал французский язык и в общем хорошо с него переводил; по тону и складу «Песня» сильно напоминает известные нам лирические стихотворения Крылова того периода; 3) ни у одного из наших поэтов начала XIX в. с подходящей фамилией (например Карабанова, Калмыкова и пр.) мы не нашли этого стихотворения». Соображения В. В. Каллаша все же не решают вопроса.

[Шуточные эпитафии и эпиграммы] (стр. 274—275)

Напечатаны впервые В. В. Каллашем в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1904, т. IX, кн. 2, стр. 291—292 (ср. «Русская Старина», 1905, т. 122, кн. II, стр. 681—684, Л. К. И л ь и н с к и й, Эпиграммы и эпитафии И. А. Крылова). Рукопись находится в Публичной библиотеке в Ленинграде, из бумаг Н. К. Стояновского, принадлежавших раньше семье Олениных. Листки с эпитафиями и эпиграммами вырезаны откуда-то и наклеены на два листа писчей бумаги. Две эпитафии и одна эпиграмма о Наполеоне написаны не рукою Крылова. На тех же листах наклеены два листка с автографами Крылова: двустишие «Ест Федька» (здесь, стр. 123) и эпиграмма «Убогой етот дом» (здесь, стр. 125), Кроме того две эпиграммы о Наполеоне написаны не рукою Крылова на листе (сложенном) вслед за баснею Крылова

«Обоз» («Под камнем сим...» и «Французский Маршал Ней»). Наконец, тут же (также не рукою Крылова) вклеены два четверостишия «Игнашку чтоб зарыть» и «Для доброго Крылова», принадлежащие Марину (см. здесь, стр. 385). В. В. Каллаш и Л. К. Ильинский приписали все эпитафии и эпиграммы Крылову, не указав никаких оснований для такого приписания. Что касается двух эпитафий, то в одной из них идет речь о Крылове; однако они могли быть плодом коллективного творчества в Казацком; может быть их сочинил кто-либо из живших в Казацком, и все-таки не Крылов. Что касается стихов о Наполеоне, то только относительно одного есть указание на авторство Крылова, впрочем, достаточно неопределенное: в архиве Хвостова, в его записях около 1812 г. (Архив Хвостова в Пушк. Доме Акад. Наук, № 20), имеется заметка: «... сумазбродный, но по счастию его многоименитый Наполеон, по выходе его уже из Москвы, будучи тесним войсками нашими, и хотя предвидел, что сильно его гонят из России, он пожаловал Маршалу своему Нею титул Герцога Можайского. Вот на сие эпиграмма, которую приписывают Крылову:

Французский Маршал Ней
Можайским князем возвеличен
Сей город был давно отличен
Породою больших свиней».

Следует отметить, что приравнивать в смысле авторства все стихотворения, наклеенные на листы, о которых сказано выше, невозможно; среди них есть и одно немецкое четверостишие, явно не принадлежащее Крылову, и эпитафии того же типа, что другие, и все-таки написанные Мариным. Затем: именно на тех двух эпиграммах, которые имеются в автографах, сделаны А. Н. Олениным пометы о том, что их автором является Крылов; все же другие стихотворения лишены таких помет.

Все это заставляет меня если не отвергать авторство Крылова относительно указанных пяти пьесок, то ставить его под сомнение.

Первые две шуточные эпитафии относятся, повидимому, к одному времени. При второй эпитафии сбоку справа и слева поставлено: «И. А. Крылов. М. П. Сумарокова» (и соответствующие пометы в тексте при именах: Ленивец и Тараторка). Иначе говоря, под Ленивцем разумеется в эпитафии сам Крылов, а под Тараторкой (и во 2-й эпитафии) — Марья Павловна Сумарокова, родственница кн. С. Ф. Голицына (дочь его двоюродной сестры; см. Я. К. Грот, «Труды», СПб., 1901, т. III, стр. 239); М. П. Сумарокова, которой было в 1799 г. 12—13 лет, жила вместе со своими родителями в доме С. Ф. Голицына; Крылов, живя у Голицына в его имении Казацком, давал уроки его сыновьям и М. П. Сумароковой (повидимому, в 1799—1801 гг.), с которой он подружился; это видно из письма его к ней в 1801 г. (Каллаш, т. III, стр. 415—416; ср. Каллаш, т. LVII—LVIII, и Я. К. Грот, указанное место). Очевидно, и шуточные эпитафии относятся к 1799—1801 гг.

Шуточные эпитафии — произведения совершенно домашние, не предназначенные для опубликования. Это — шутки, притом несколько пародийного характера. В XVIII в. не только были распространены настоящие стихотворные надгробные надписи, но в литературе был распространен и жанр сатирических эпитафий, писавшихся или «вообще» на тот или иной порок, или на живого человека; это был один из видов эпиграммы. Такие эпитафии писали Сумароков, Херасков, позднее — Панкр. Сумароков и др.

Три эпиграммы, связанные с Наполеоном, написаны в духе совершенно официальном. Они наполнены той животной ура-«патриотической» ненавистью, которой возгорелась вся правящая Россия по отношению к наследникам буржуазной революции Франции. Грубая брань, площадное издевательство, плоские шуточки в псевдонародном разухабистом тоне изливались целым потоком в журналах, брошюрах, книгах 1812—1813 гг., в карикатурах, анекдотах, повестях и, главным образом, в стихах. Вполне в тоне всей этой литературы, в конечном счете выражавшей ненависть «правителей» отсталой, еще в значительной мере феодальной, страны к стране восходящего капитализма, только что совершившей революцию, — написаны и три эпиграммы, приписываемые Крылову. Вторая из них выдвигает характерные обвинения против Наполеона как вождя революции — «враг бога, самозванец», и — «Все состоянии расстроил, разорил». Первая эпиграмма с самого начала формулирует сплетню, ходившую в период борьбы с Наполеоном в среде его врагов — реакционеров Европы и России; Л у и Ш а р л ь Р е н е де М а р б е ф (1736—1788) был главным комендантом Корсики и покровительствовал Бонапартам; Л е т и ц и я Б о н а п а р т — мать Наполеона. А д м и р а л в последнем стихе эпиграммы — П. В. Чичагов, которого обвиняли в том, что он упустил Наполеона при переходе его через Березину.

«Как Карабанов взял...» (стр. 275)

Напечатано в «Русском Архиве», 1863, стр. 895, среди других стихотворений в публикации «Восемь старинных стихотворений» («доставлены» А. Н. Афанасьевым), видимо, извлеченных из рукописного сборника, где данная эпиграмма подписана: «Крылов». В. В. Каллаш поместил эту эпиграмму в своем «Полном собрании сочинений Крылова», в основном тексте (т. IV, стр. 70). Однако, я думаю, что доверять вполне подписи недостаточно авторитетного источника было бы неосторожно; общеизвестно, что в рукописных сборниках XVIII и начала XIX вв. нередки случаи ошибочных, иногда даже явно несообразных приписаний отдельных стихотворений тем или иным поэтам.

Перевод трагедии Вольтера «Альзира или Американцы», сделанный (в стихах) П. М. Карабановым, был издан впервые в 1786 г., переиздан в 1798 и 1811 гг., а в 1812 г. был включен в «Стихотворения Петра Карабанова» (часть II).

Имениннику (стр. 275)

Напечатано Булгариным в «Северной Пчеле», 1848, № 16, с таким объяснением: «...знаменитый наш хирург и оператор, заслуженный профессор и академик Илья Васильевич Буяльский оказал несколько раз пособие нашему великому баснописцу Ивану Андреевичу Крылову, и они более 20 лет находились в самых дружеских отношениях. И. А. Крылов всегда обедал в семейном кругу И. В. Буяльского в день его именин, 20-го июля; но в 1836 г. не мог явиться к обеду, и И. В. Буяльский получил, через незнакомого ему человека, пакет, в котором находились следующие стихи... Когда, через несколько дней, И. А. Крылов появился в семействе И. В. Буяльского, все стали приставать к нему, чтоб он сознался, не он ли прислал стихи. Крылов улыбался и отвечал: «Не знаю... слишком плоховаты, но намерение доброе». Но каковы бы ни были стишки, а они, по всей вероятности, Крылова, потому что хотя он и хотел изменить почерк, но не умел, а только поставил буквы покрупнее. Когда нам на-днях показали подлинник, мы, не зная дела, тотчас узнали почерк И. А. Крылова. Стихи эти хотя и невысокого пиитического достоинства, но обнаруживают прекрасную черту характера знаменитого баснописца, и потому мы поместили их на листах «Северной Пчелы» («Фельетон, заметки, выписки и корреспонденция Ѳ. Б.»)».

В. В. Каллаш добавляет: «Стишки действительно плоховаты и не могут быть оправданы даже добрым намерением. Сомнительно, чтобы они и принадлежали Крылову. Под ними подпись: «Неизвестный, 20-го июля 1836 г. СПБ».

Должно сказать, что «стишки» Буяльскому едва ли хуже стихов на случай и других поэтических мелочей, написанных Крыловым.

Кроме приведенных в отделе приписываемых Крылову стихотворений, ему были приписаны еще четыре вещи, которые следует считать не принадлежащими ему (они поэтому не включены в настоящее издание):

1) «Послание Ушаковой и Хилковой» («Библиографические Записки», 1861, стр. 33—35); материал, сообщенный В. В. Каллашем в примечании к этому стихотворению (он поместил его в отделе «Стихотворений и басен, приписываемых Крылову»), решает вопрос об авторстве Крылова в отрицательном смысле (Каллаш, т. IV, стр. 459—460). Самый стиль послания да и его содержание также решительно противоречат предположению об авторстве Крылова. Автор послания — конечно, Жуковский.

2) «От Толстошеина к Растрепину», напечатано впервые С. Браиловским в «Литературном Вестнике» (1904, т. VIII, стр. 232); напечатано якобы впервые и приписано Крылову К. Я. Гротом («Известия по русскому языку и словесности Академии Наук СССР за 1930 год», т. III, кн. 1, стр. 1—27). Приписание

стихотворения Крылову — чистое недоразумение (ср. о нем в моей статье «За изучение восемнадцатого века»,—«Литературное наследство», 1933, № 9—10, стр. 310—311). Стихотворение, возможно, принадлежит Д. П. Горчакову (см. у Т. Браиловского — указанное место).

3) Шуточная эпитафия (4 стиха) — «Игнашку чтоб зарыть...» и т. д. — опубликована и безоговорочно приписана Крылову В. В. Каллашем и Л. К. Ильинским — вместе с другими эпитафиями и эпиграммами — см. здесь, стр. 380. Однако, как мне любезно сообщили Н. В. Арнольд и Б. И. Коплан, эта эпитафия имеется среди рукописных стихотворений С. Н. Марина, хранящихся в Ленинградской Публичной библиотеке; «Игнашка», о котором идет речь в четверостишии, был парикмахером гр. Завадовского, офицера, приятеля Марина (сообщено мне Н. В. Арнольдом).

4) Шуточная эпитафия (4 стиха) — «Для доброго Крылова» — то же, что предыдущее стихотворение.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

ВТОРОЙ ОТДЕЛ

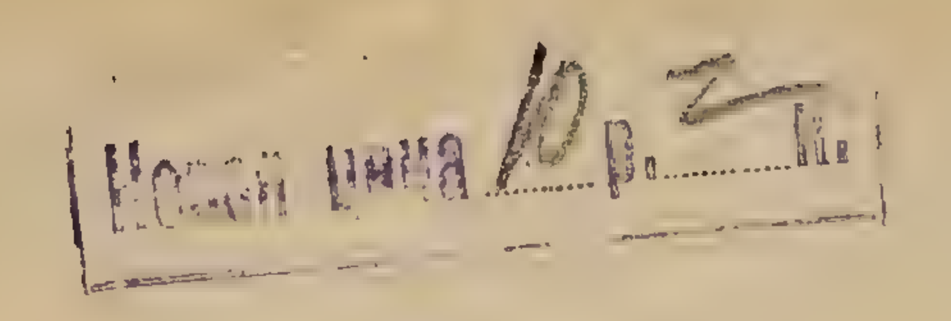
ТРЕТИЙ ОТДЕЛ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Отрывки из драматических пьес

Стихотворения, приписываемые Крылову

КОММЕНТАРИИ



Отпечатано для издательства «Советский Писатель» в типографии им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57, в количестве 5200 экз. Авт. листов 19. Заказ № 5181. Ленгорлит № 17590. Переплет и супер-обложка М. Кирнарского. Сдано в набор 10/XII 1935 г. Подписано к печати 23/XI 1936 года. Формат 82 × 110/32 см. Тип. зн. в 1 бум. л. 128000. Бум. л. $6^1/_{16}$ С. П. — 26/Л. Ответственный редактор В. Саянов. Технический редактор А. Кирнарская.

1937

8 р. 50 к. Переплет. 1 р. 50 к.